

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

11

2017

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

11/2017 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- А.А. Кокошин** — «Фактор ПРО» во взаимоотношениях СССР и США в 1970-е гг. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- А.Н. Нестеренко** — Князь Мстислав Мстиславич Торопецкий (Удалой) 21

СООБЩЕНИЯ

- М.С. Черкасова** — Брак и семья в Московской Руси в XVI—XVII вв. 46
- С.Ю. Каргапольцев, И.Ю. Лапина** — Итоги ратной службы и анализ потерь земского ополчения в 1812—1814 гг. 61
- Е.И. Малето** — Ферраро-Флорентийский собор 1438—1439 гг. и великое княжество Московское 82

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- А.А. Зданович** — Британская военно-морская разведка в Петрограде в 1918 г. 101

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- В.В. Мионов** — Розыск дезертиров в Австро-Венгрии во время первой мировой войны 116
- В.Н. Назаров** — Развитие Прибалтийской железнодорожной системы в сентябре 1939 — июне 1941 г. 121
- Ш.А. Магарамов** — Дербент в каспийской морской торговле 125
- С.Д. Исмаилзаде** — Политическая и военная деятельность кипчаков на Южном Кавказе в XI—XIII вв. 132

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- И.Х. Сулаев** — Политические репрессии против мусульманского духовенства в Советском Дагестане в 1920—1930-е гг. 137
- А.В. Скутнев** — Идеалы и установки духовного сословия в XIX — начале XX в. 151

ИСТОРИОГРАФИЯ

- И.Б. Белова** — Основные проблемы российского беженства 1915—1925 гг. в отечественной и зарубежной историографии 156
- А.Э. Назарли** — Действия XI Красной армии в Северном Азербайджане в азербайджанской историографии 165
- Е.В. Кунц** — Б.С. Каганович. Евгений Викторович Тарле. Историк и время 168
- Е.В. Кодин** — Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921—1953 гг. 173

«Фактор ПРО» во взаимоотношениях СССР и США в 1970-е гг.

А.А. Кокосин

Аннотация. В статье затрагиваются вопросы создания и развития систем противоракетной обороны в Советском Союзе и Соединенных Штатах, а также роль данных систем во взаимоотношениях двух ведущих мировых держав в 1970-е годы. Автор отмечает ряд важнейших военно-технических аспектов; кроме того, большое внимание уделяется договорно-правовой базе, которая обеспечила построение стратегической стабильности и системы контроля над вооружениями не только в рассматриваемый период, но и в дальнейшем.

Ключевые слова: ПРО, стратегическая стабильность, советско-американские отношения, ограничение и сокращение стратегических вооружений, контроль над вооружениями.

Abstract. The article touches upon the issues of the creation and development of anti-missile defense systems in the Soviet Union and the United States, as well as the role of these systems in the relations of the two leading world powers in the 1970s. The author notes a number of important military-technical aspects; In addition, much attention is paid to the legal framework that ensured the building of strategic stability and arms control system, not only in the review period, but also in the future.

Key words: Missile defense, strategic stability, Soviet-American relations, reduction of strategic arms, arms control.

Вопрос о создании ПРО в СССР на высоком уровне стал рассматриваться еще в начале 1950-х годов. Он был поднят в письме семи маршалов Советского Союза в Центральный комитет КПСС в связи с развитием ракетно-ядерного оружия. «В ближайшее время ожидается появление у вероятного противника баллистических ракет дальнего действия как основного средства доставки ядерных зарядов к стратегически важным объектам нашей страны»¹, — говорилось в письме. Его авторы отмечали недостаточность средств противовоздушной обороны (ПВО) для борьбы с таким оружием. Маршалы писали, что «средства ПВО, имеющиеся у нас на вооружении и вновь разрабаты-

---

Кокосин Андрей Афанасьевич — академик РАН, декан Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: decanat@fmp.msu.ru.

Kokoshin Andrey A. — academician of RAS, dean at the Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: decanat@fmp.msu.ru.

ваемые, не могут бороться с баллистическими ракетами»². В силу этого советские военачальники просили «поручить промышленным министерствам приступить к работам по созданию средств борьбы против баллистических ракет»³.

Предложения маршалов Советского Союза были рассмотрены в ЦК КПСС с участием крупнейших советских ученых. Среди них были академик АН СССР А.И. Берг, председатель научно-технического совета Главспецмаша академик АН СССР А.Н. Шукин, начальник КБ-1 С.М. Владимирский, главный конструктор системы ПВО Москвы С-25 А.А. Расплетин и директор Радиотехнической лаборатории АН СССР (РАЛАН), член-корреспондент АН СССР А.Л. Минц. Уже тогда мнения относительно возможности создания эффективной ПРО разошлись. Тем не менее результатом письма семи маршалов и данного обсуждения стало распоряжение Совета министров СССР от 28 октября 1953 г. «О разработке методов борьбы с ракетами дальнего действия»⁴.

В январе 1954 г. Главспецмаш принял решение о создании специальной комиссии по ПРО. 7 июля 1955 г. министр оборонной промышленности подписал приказ «О создании СКБ-30 и проведении НИР в области ПРО»⁵.

Основные усилия в этой области в 1950-е — 1960-е гг. в СССР были сосредоточены на создании стрельбовых комплексов с использованием противоракет (ПР) и различных радиолокационных станций (РЛС). В то же время в 1960-е гг. была спланирована и начала реализовываться программа создания высокоэнергетических лазеров, которые могли бы быть использованы для решения задач противоракетной обороны (программа «Терра-3») с ориентацией на поражение боевых частей баллистических ракет на конечном участке траектории. В итоге был сделан вывод о невозможности эффективного поражения боевых частей баллистических ракет такими средствами. Программа «Терра-3» закрылась в 1978 году⁶.

Все усилия в области ПРО были самым тесным образом связаны с развитием таких стратегических наступательных вооружений, как межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) и баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ).

В ряде случаев развитие средств ПРО соприкасалось с развитием средств и систем противовоздушной обороны. При этом задача создания противоракетной обороны (средств перехвата межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет средней дальности) изначально считалась значительно более сложной и ресурсоемкой, чем создание ПВО.

Роль систем противоракетной обороны в отношениях СССР и США весьма рельефно проявилась в 1970-е гг., особенно в связи с заключением советско-американского бессрочного Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 года.

Путь к заключению советско-американских соглашений 1972 г. был сложным, а во многих отношениях — и тяжелым.

После Карибского кризиса в октябре 1962 г., когда СССР и США стояли на грани войны с применением ядерного оружия, обе стороны активно развивали различные средства доставки ядерного оружия межконтинентальной дальности и соответствующие боепри-

пасы. В этот период, в частности, был обеспечен значительный рост числа МБР Ракетных войск стратегического назначения в СССР. По оценкам бывшего министра обороны США Р. Макнамары, если в 1965 г. у США имелось 5500 боезарядов на стратегических носителях, а у СССР лишь 600, то в 1970-е гг. это соотношение составило 4000:1800 ⁷.

Обе стороны активно развивали подводный ракетноносный флот. При этом строительство морской составляющей СЯС Советского Союза (МСЯС) во многом шло иным путем, чем в США. Особенностью МСЯС СССР долгое время было то, что в них использовались исключительно жидкостные БРПЛ (в то время как в СЯС США изначально была сделана ставка на твердотопливные ракеты) ⁸.

В определенный момент в США было принято решение об ограничении численности МБР, при этом существовало многократное превосходство над СССР по стратегическим бомбардировщикам межконтинентальной дальности — носителям ядерного оружия. Пришедшая к власти в 1969 г. администрация Р. Никсона, не принимая решения об увеличении числа МБР, которое было определено еще при Л. Джонсоне, сделала ставку на наращивание числа боезарядов за счет оснащения МБР и БРПЛ разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН). С этим была не согласна значительная часть Конгресса США, в том числе сенаторы У. Фулбрайт (весьма влиятельный в то время председатель сенатского комитета по иностранным делам, активный борец против американской политики во Вьетнаме) и У. Гор (отец будущего вице-президента США А. Гора). Активными публичными критиками решения об оснащении МБР («Минитмен-III») РГЧ ИН выступил целый ряд известных американских ученых — Дж. Визнер, В. Пановски, М. Шульман, Дж. Кистяковский и др. Массачусетский технологический институт, один из наиболее авторитетных американских вузов, направил Президенту США и Конгрессу письмо с 400 подписями ученых с критикой развертывания ракет, оснащенных РГЧ ИН ⁹. Эти деятели обоснованно считали, что такое развитие американских СЯС будет иметь дестабилизирующий эффект. Позднее, в 1980-е гг., многие из них выступали против «Стратегической оборонной инициативы» президента Р. Рейгана, добиваясь сохранения Договора по ПРО 1972 г., и против нового этапа наращивания стратегических наступательных вооружений США.

По предложению сенатского Комитета по иностранным делам 9 апреля 1970 г. Сенат в своей резолюции выдвинул рекомендацию администрации Никсона (70 голосов против 8) в кратчайшие сроки достичь соглашения с СССР о прекращении развертывания как оборонительных, так и наступательных стратегических вооружений. При этом говорилось о том, что контроль за таким соглашением должен обеспечиваться «только национальными средствами» ¹⁰, под которыми подразумевались прежде всего разнообразные разведывательные спутники, которые могли бы получать объективные данные о силах и средствах сторон без нарушения воздушного пространства (как это имело место с применением США высотных самолетов-разведчиков типа У-2). Тем самым считалось возможным обойтись без инспекций на месте.

Подобное противодействие со стороны видных ученых и специалистов, Сената Конгресса США не оказало на тот момент прямого воздействия на реализацию планов администрации Никсона.

Первые десять межконтинентальных баллистических ракет «Минитмен-III», оснащенных разделяющимся РГЧ ИН, были приведены в боевую готовность 18 июня 1971 года. Летные же испытания МБР «Минитмен-III» с РГЧ ИН состоялись в 1968 году¹¹. В августе того же года начались испытательные пуски ракет БРПЛ «Посейдон» со стратегического подводного ракетоносца из погруженного состояния (в районе Флориды в Атлантике).

Советской стороне пришлось идти аналогичным путем, что дало возможность (с определенным временным лагом) резко нарастить число боезарядов стратегических ядерных сил СССР.

Летные испытания первой советской МБР с РГЧ ИН (МР-УР-100) начались 26 декабря 1972 г., 21 февраля 1973 г. — второй (Р-36М), 9 апреля 1973 г. — третьей (УР-100Н). Американские национальные технические средства контроля это обнаружили. Тем самым американской стороне было продемонстрировано, что на сколько-нибудь значимый период времени США по этому параметру мощи уйти в отрыв не удастся. Задержка по отношению к США в создании РГЧ ИН связывалась, прежде всего, с отставанием в микроэлектронике¹².

Особенно большими возможностями по оснащению значительным числом боевых блоков (и многочисленных ложных целей) обладало «семейство» советских тяжелых МБР Р-36 массой 183 т, созданное на основе систематического совершенствования ракеты Р-16. Была разработана ракета Р-36П с разделяющейся головной частью рассеивающегося типа, а затем ракета Р-36М с РГЧ ИН. В тот период появилась и глобальная ракета Р-36 (глоб.)¹³. По натовской классификации эти ракеты получили наименование «SS-18» («Сатана»).

Идея ограничения стратегических вооружений вызревала на протяжении ряда лет. Инициатором этого процесса в прямом взаимодействии с одним из высших руководителей СССР довелось стать министру обороны США Роберту Макнамаре. Инициатива Макнамары опиралась на многочисленные расчеты американских ученых и специалистов, на разработки аналитиков в его непосредственном окружении.

Именно здесь пришли к выводу о том, что политико-военные и военно-стратегические отношения между СССР и США должны учитывать ситуацию, связанную с обеспечением в случае широкомасштабной войны между двумя сверхдержавами «взаимного гарантированного уничтожения» (Mutual assured distraction — MAD). Такой подход в определенный момент стала разделять некоторая часть «политического класса» США, включая ряд влиятельных лидеров американского конгресса.

В Советском Союзе, в свою очередь, ушли в тень некоторые характерные для большей части 1960-х гг. установки военных экспертов, связанные с возможностью победы СССР в ядерной войне¹⁴.

Формула «взаимного гарантированного уничтожения» вызывала у многих влиятельных американских политиков серьезнейший, глубочайший политико-психологический дискомфорт. Отсюда — многочисленные попытки выйти из состояния «ядерного пата», добившись «военного превосходства» над СССР по целому ряду параметров.

Это касалось как стратегических ядерных вооружений, так и других видов ядерного оружия, а также противоракетной обороны. Значительные усилия предпринимались и в области обычных вооружений и сил общего назначения.

Во второй половине 1970-х гг. в США начала реализовываться так называемая «вторая стратегия компенсации», направленная на то, чтобы обеспечить преимущества Соединенным Штатам на ядерном уровне военного противостояния (в том числе в случае возникновения войны между СССР и США, ОВД и НАТО). Одним из основных компонентов «второй стратегии компенсации» было развитие разнообразного высокоточного оружия (особенно большой дальности) в ядерном и неядерном снаряжении, в том числе крылатых ракет морского, воздушного и наземного базирования¹⁵. Одной из задач «второй стратегии компенсации» (ВСК) было заставить Советский Союз нести большие затраты на создание новых поколений неядерных систем вооружений, чем Соединенные Штаты в рамках ВСК.

Новые возможности по созданию высокоточного оружия были связаны, в частности, помимо развития инерциальных навигационных систем и бортовых цифровых вычислительных машин, с появлением корреляционно-экстремальных систем наведения и малогабаритных высокоэкономичных двигателей. Это позволяло возродить на принципиально новой научно-технической основе в качестве оружия стратегического назначения крылатые ракеты, первое поколение которых морально и физически устарело к середине 1960-х годов. Сравнительная «дешевизна» (и технологичность) нового поколения крылатых ракет позволяла производить их быстро и развертывать в большом количестве. Использование для размещения крылатых ракет различных платформ, не попадающих под соглашения по ограничению стратегических вооружений, давало возможность в тот период бесконтрольно наращивать общее количество ядерных боезарядов. В США к тому же считали, что трудности обнаружения и перехвата на малых высотах крылатых ракет заставят СССР нести более значительные расходы на обновление всех систем противовоздушной обороны страны¹⁶.

Возвращаясь к роли Макнамары в инициировании переговоров между США и СССР по ограничению стратегических вооружений, следует отметить, что он был весьма неординарной фигурой в американском «политическом истеблишменте», чьи взгляды нередко подвергались критике с разных флангов американской политической системы.

Макнамара был активным участником принятия решений в Вашингтоне в октябре 1962 г. в условиях острейшего и опаснейшего Карибского кризиса, грозившего СССР и США ядерной войной с катастрофическими последствиями. Макнамара сыграл в то время немаловажную роль в нейтрализации наиболее экстремистских подходов в руководящих политических и военных кругах США¹⁷. В конечном итоге, как известно, удалось найти взаимоприемлемый выход из ситуации. Макнамара в немалой мере помог в этом Президенту США Дж. Ф. Кеннеди (в то же время на Макнамаре лежала большая доля ответственности за войну США во Вьетнаме и Индокитае в целом).

Свои предложения для советской стороны по ограничению систем ПРО Макнамара изложил по поручению Президента США Джон-

сона в ходе советско-американской встречи на высшем уровне в Гласборо в 1967 г. Председателю Совета министров СССР, члену Политбюро ЦК КПСС А.Н. Косыгину. Косыгин реагировал на это предложение весьма отрицательно.

В заявлении на пресс-конференции он сказал: «... какое оружие следует рассматривать как фактор напряженности — наступательное или оборонительное? Думаю, что оборонительные системы, которые предупреждают нападение, не являются причиной гонки вооружений, а представляют собой фактор, предотвращающий гибель людей»¹⁸.

Не прошел Косыгин и мимо экономических (стоимостных) факторов, связанных с оборонительными и наступательными стратегическими средствами: «Некоторые рассуждают так: что дешевле — иметь наступательное оружие, которое может уничтожить города и целые государства, или иметь оборонительное оружие, которое может предупредить это уничтожение. В настоящий момент кое-где имеют хождение теории, что следует разрабатывать систему, которая дешевле. Такого рода “теоретики” спорят и о том, сколько стоит убить человека — 500 тыс. долл. или 100 тысяч. Может быть, противоракетная система дороже стоит, чем наступательная, но она предназначена не для убийства людей, а для сохранения человеческих жизней»¹⁹.

Косыгин выдвинул в качестве альтернативы идею всеобщего и полного ядерного разоружения, продвигавшуюся еще Н.С. Хрущёвым, явно нереалистичную и рассчитанную, прежде всего, на пропагандистский эффект (в развитие тезисов, выдвинутых ранее И.В. Сталиным, который в ответе корреспонденту «Правды» заявил: «Советский Союз не только против атомного оружия, но и за его запрещение, за прекращение его производства»)²⁰. Косыгин отметил: «... Для решения проблемы безопасности есть другие пути, куда более надежные, пути, которые действительно могли бы устроить человечество. Вы знаете, что мы высказываемся за то, чтобы вообще прекратить ядерное вооружение и уничтожить запасы ядерного оружия»²¹.

Очевидно, что советский премьер был совершенно не готов, с концептуальной и военно-технической точек зрения, к обсуждению таких важнейших вопросов с американской стороной с позиций, которые, казалось бы, противоречили здравому смыслу. Возможно, он питал надежду, что в СССР могут быть реализованы мероприятия по ПРО территории страны, подобные проектам «Таран» или «Аврора», активно рассматривавшимся в СССР в 1960-е годы. Не имел советский премьер и соответствующих полномочий.

В последующем подход советского руководства, включая Косыгина, к этому вопросу изменился. Во многом это было связано с реальным ходом работ в СССР как по системам и отдельным технологиям ПРО, так и стратегическим наступательным вооружениям.

В августе 1967 г. в СССР была создана межведомственная комиссия по вопросам ПРО во главе с генералом Ю.В. Вотинцевым. В ходе многопланового обсуждения научно-технических проблем противоракетной обороны в сочетании с вопросами развития стратегических наступательных вооружений на этой межведомственной комиссии «был впервые сделан вывод о том, что на современном этапе развития науки и техники решить задачу обороны территории страны

от массированного ракетно-ядерного нападения противника невозможно»²².

Развертывание комплексов ПРО требовало решения научно-технических проблем огромной сложности, колоссальных затрат, но не могло обеспечить защиту Советского Союза от массированного ракетно-ядерного удара²³. При этом исследователь данного вопроса М. Первов отмечает: «однако официально высказать эту мысль членам Политбюро ЦК в то время никто не решился»²⁴. (Еще примерно годом раньше на основе проведения НИР «Селекция» был сделан вывод о том, что «технологии противодействия ПРО путем маскировки боезарядов ложными целями оказались много проще и неизмеримо дешевле, чем технологии демаскировки и отбора для поражения боевых блоков ракет из состава сложной баллистической цели»²⁵. В этом исследовании, имевшем исключительно важное значение, участвовали все основные создатели системы ПРО, средств преодоления ПРО, военные институты, полигоны и организации Академии наук СССР; головной организацией было ОКБ «Вымпел».) Делалось заключение о том, что «стратегия сдерживания угрозой ответного или ответно-встречного удара, наносимого по информации СПРН, выглядела более реалистичной»²⁶.

Соответствующие оценки, доведенные до Политбюро, видимо, появились примерно через год. Группе специалистов под руководством А.Г. Басистова в конце 1968 г. было поручено разработать концепцию построения новой системы ПРО Москвы (а не системы ПРО территории страны) ограниченной эффективности от «одиночных случайных провокационных ударов» или «от ограниченной группы БР, запущенных с территории третьих стран, или с одиночной вышедшей из-под контроля ударной ракетной подводной лодки». Командование Войск ПВО страны (в ведении которого в рамках Минобороны СССР находились и вопросы ПРО) в конце 1969 г. дало согласие на «создание многоканального огневого комплекса, имевшего в своем составе два эшелона перехвата: дальний, заатмосферный, и ближний, атмосферный»²⁷.

Создание системы ПРО вокруг Москвы (А-135, которая была развитием более раннего проекта А-35) в конце концов заняло довольно длительное время. С 1982 по 1990 г. проводились испытания на полигоне и под Москвой, в ходе которых отрабатывалось боевое взаимодействие системы «А-135» с системами предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, а также с системой ПВО С-50 по совместному отражению налетов аэродинамических целей с баллистическим забросом. Государственные испытания системы «А-135» были завершены в 1990 г., и она была принята в опытную эксплуатацию, а в 1995 г. поставлена на боевое дежурство²⁸. Определялось, что система «А-135» обладает возможностью перехватывать ракеты противника на высотах от 5 до 30 км; противоракеты были оснащены ядерными боевыми частями²⁹.

В своем выступлении в ООН в мае 1968 г. заместитель министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецов выразил готовность Советского Союза приступить к переговорам по ограничению стратегических вооружений (ОСВ). Несколько позже министр иностранных дел СССР А.А. Громыко сделал предложение руководству США обсу-

дить взаимное ограничение и сокращение как стратегических ядерных вооружений, так и систем ПРО. Президент США Джонсон 1 июля 1968 г. заявил о согласии США приступить к переговорам по вопросам стратегических вооружений. Однако 21 августа 1968 г. из-за событий в Чехословакии он отказался начать переговоры. И только к концу 1968 г. министр обороны США К. Клиффорд публично выступил в пользу начала переговоров по ОСВ³⁰.

Советско-американские переговоры открылись 17 ноября 1969 г. в Хельсинки. В составе советской делегации были В.С. Семёнов (заместитель министра иностранных дел, глава делегации), генерал-полковник Н.В. Огарков (первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР; позднее станет Маршалом Советского Союза, начальником ГШ ВС СССР), выдающийся ученый-радиофизик академик А.Н. Шукин, заместитель министра радиоэлектронной промышленности П.С. Плешаков (возглавлял работы по созданию систем предупреждения о ракетном нападении, по ПРО и ПВО), генерал-полковник Н.Н. Алексеев (председатель Научно-технического комитета Генерального штаба, крупный специалист в области радиолокационной техники), заведующий отделом США МИД СССР Г.М. Корниенко (позднее станет первым заместителем министра иностранных дел СССР, а потом первым заместителем заведующего международным отделом ЦК КПСС). Делегация США была представлена в следующем составе: Дж. Смит (глава делегации), Ф. Фарли, П. Нитце (бывший заместитель министра обороны), Г. Браун (бывший министр ВВС), Л. Томпсон (бывший посол США в СССР), генерал Р. Аллисон»³¹.

В Вене с 16 апреля по 11 августа 1970 г. проходил второй раунд переговоров по ОСВ. В тот момент стороны договорились сосредоточить усилия по выработке соглашения по ограничению ПРО и одновременно рассмотреть некоторые вопросы стратегических наступательных вооружений³².

Значительная часть переговорного процесса по ОСВ, в том числе по проблемам ПРО, проходила, по предложению американской стороны, по конфиденциальному каналу: посол СССР в США А.Ф. Добрынин — помощник Президента США (Никсона) по национальной безопасности Генри Киссинджер. В 1970—1972 гг. они были исключительно интенсивными и регулярными. В ходе этих контактов, помимо вопросов ОСВ, обсуждался широкий круг проблем в отношениях СССР и США. Когда Добрынин отсутствовал в Вашингтоне, его подменял советник-посланник Ю.М. Воронцов.

На одной из встреч Добрынина с Киссинджером в Белом доме в Вашингтоне (18 февраля 1970 г.) последний заявил советскому послу, что «тонкая» система ПРО США (которая пришла на смену планам 1960-х гг. по созданию «плотной» системы ПРО территории страны) «не сможет защитить США от советского массированного ракетного удара». Киссинджер добавил, что «противоракетные позиции будут создаваться только... в «самых малонаселенных» штатах США, а все большие города и индустриальные центры страны будут, как и раньше, находиться без какой-либо противоракетной защиты»³³.

В сентябре 1967 г. Макнамара объявил о планах создания «тонкой» системы ПРО «Сентинел», изначально предназначавшейся для

защиты 17 американских городов от ударов МБР с ядерными боезарядами со стороны КНР³⁴. Ей на смену пришли планы ПРО «Сейф-гард» уже для прикрытия от 4 до 12 районов развертывания МБР. Подобное решение принимала уже администрация Никсона в марте 1969 года³⁵.

По вопросу о системах ПРО американский Конгресс в условиях сложной экономической обстановки в США продемонстрировал в полной мере свои возможности, проистекавшие, прежде всего, из его так называемого «права кошелька». Такие возможности неоднократно недоучитывались в СССР (в силу асимметричности государственно-политических систем в Советском Союзе и в Соединенных Штатах), несмотря на то, что все это осуществлялось американскими законодателями публично и находило свое отражение в освещаемых СМИ решениях и документах. Киссинджер позднее сетовал на то, что «Конгресс каждый год сокращал численность этих комплексов, и в 1971 году Пентагон заложил в очередной бюджет всего лишь два таких комплекса». В результате, по его мнению, создание такой ПРО «уже не имело разумной стратегической целенаправленности», и «единственная польза от него сводилась к чисто экспериментальной». Кроме того, «антивоенная ментальность того времени проявлялась еще и в том, что большинство в Конгрессе на каждой из его сессий имело обыкновение резать предлагаемый оборонный бюджет»³⁶.

Такого рода воздействие Конгресса США «превращало министерство обороны в неожиданного обычного для подобного ведомства сторонника мероприятий по контролю над вооружениями». В результате уже в начале 1970 г. заместитель министра обороны Дэвид Паккард (в то время более влиятельная фигура в Вашингтоне, чем сам министр обороны США Мэлвин Лэйрд) стал настаивать на том, чтобы президент Никсон «немедленно выступил с новой инициативой в области ОСВ, при помощи которой мы могли бы надеяться на достижение договоренности в Вене к середине октября или, самое позднее, в ноябре». Он считал скорейшее заключение соглашения жизненно важным, пусть даже оно будет носить лишь частичный характер, поскольку перспективы «выкручивания национального бюджета» могли повлечь за собой «крупные сокращения оборонных программ, «включая стратегические силы». В отсутствие этого односторонние решения конгресса постоянно «отнимали бы у нас один за другим рычаги переговорного воздействия»³⁷.

Важным примером политического документа, имевшим большое значение, в том числе для решения вопросов ограничения стратегических вооружений, следует считать совместную записку министра иностранных дел СССР Громыко и председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова, направленную в Политбюро ЦК КПСС в январе 1971 г. («О состоянии советско-американских отношений и основных направлениях нашей дальнейшей политики в отношении США»). В ней в числе возможных договоренностей с США речь шла и об ограничении стратегических наступательных и оборонительных вооружений.

Нельзя не отметить и ряд других тем, которые затрагивались в этой записке. Ее авторы считали, в частности, необходимым закрепить (путем поддержания военной мощи и политическими средствами) признание американскими правящими кругами в качестве важ-

нейшей национальной задачи США необходимость так вести свои международные дела, чтобы «не возникало опасности прямого столкновения с СССР в результате резкого обострения в двусторонних отношениях или конфликта на периферии». Ставилась задача «подводить американское руководство к пониманию пределов, за которые Запад не может переступить в осуществлении своих целей, и признанию необходимости для Запада считаться с интересами СССР».

Одновременно формулировалась задача «в практической политике, не афишируя этого публично, ослабления роли США в международных делах, в том числе в военно-политических союзах Запада и в стратегических районах мира (в Европе, на Ближнем Востоке, в Азии), содействуя проявлению противоречий между США и их союзниками». Важным «стратегическим направлением» объявлялось сохранение поддержки стран «третьего мира» в их борьбе с империализмом», а также намерение «продолжать наше идеологическое наступление на устои капитализма». Но при этом подчеркивалась необходимость по-прежнему использовать объективную заинтересованность правительства США в поддержании контактов с СССР, в проведении с ним переговоров. Далее в записке говорилось, что важной задачей внешней политики СССР является ограничение возможностей сближения США и КНР «на антисоветской основе».

Тема американо-китайских отношений в тот период в глазах Кремля выглядела весьма злободневной, ибо их развитие протекало в условиях напряженного китайско-советского противостояния, имевшего и военное измерение.

В записке делалось заключение о том, что в обозримом будущем было бы нереальным рассчитывать на установление подлинно хороших отношений с США; эти отношения и в дальнейшем, по мнению Громыко и Андропова, останутся сложными, противоречивыми и временами остро напряженными. Но общая генеральная линия внешней политики Советского Союза, нацеленная на обеспечение мирного сосуществования, должна быть в полной мере применима и к США с упором на достижение с этой страной «договоренностей по тем вопросам и в тех пределах, где это возможно и где договоренность соответствовала бы нашим интересам». Записка была одобрена Политбюро ЦК КПСС и послужила основой для интенсификации соответствующих советско-американских переговоров.

На XXIV съезде КПСС в своем Отчетном докладе съезду 30 марта 1971 г. Генеральный секретарь ЦК КСС Л.И. Брежнев заявил: «Мы ведем переговоры с США о сдерживании стратегических вооружений. Их благоприятный исход позволил бы избежать нового тура в гонке вооружений, высвободить значительные средства на созидательные цели. Мы стремимся к тому, чтобы они принесли положительные результаты». Брежнев в своем выступлении отметил, что «вообще переговоры по разоружению, а тем более такие, где на обсуждение поставлены весьма деликатные военно-технические аспекты, могут быть продуктивны, только если в равной степени учитываются интересы безопасности сторон и никто не ищет односторонних преимуществ»³⁸.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду прозвучали и темы политического и идеологического противоборства СССР и его союзников по социалистическому лагерю с США и другими капиталисти-

ческими государствами. Этому был посвящен специальный раздел Отчетного доклада ЦК КПСС «Империализм — враг народов, общественного прогресса. Народы против империализма». Брежнев говорил о том, что «внешняя политика империализма за истекшее пятилетие дала новые доказательства неизменности его реакционной, агрессивной природы». Особенно жестко оценивался американский империализм, «который за последние годы вновь подтвердил свое стремление играть роль своеобразного гаранта и хранителя международной системы эксплуатации и гнета», «стремится господствовать повсюду, вмешивается в дела других народов, бесцеремонно нарушает их законные права и суверенитет, силой, подкупом, экономическим проникновением пытается навязать свою волю государствам и целым районам мира»³⁹.

С другой лексикой, но с не менее острыми выпадами в адрес СССР в тот момент выступали и различные американские руководители. СССР и США предстояло оставаться идеологическими антагонистами и геополитическими соперниками во многих районах мира. Это не могло не сказываться и на положении дел в сфере ограничения и сокращения стратегических вооружений, включая системы ПРО.

Осенью 1971 г. было заключено четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, которое подписали главные участники антигитлеровской коалиции второй мировой войны⁴⁰. В этот период велись интенсивные двусторонние и многосторонние консультации по вопросам проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в соответствии с инициативой стран — членов Организации Варшавского Договора (ОВД) (Бухарестская «Декларация об укреплении мира и безопасности в Европе» 1966 г., принятая Политическим консультативным комитетом ОВД). Все это способствовало созданию должного климата в отношениях между Востоком и Западом, СССР и США, который не мог не сказаться на подготовке беспрецедентных в мировой истории соглашений по ограничению стратегических вооружений, в том числе Договора по ПРО 1972 года.

К этому моменту уже были подписаны такие многосторонние соглашения, как Договор о запрещении ядерных взрывов в атмосфере, космическом пространстве и под водой (1963 г.), Договор о запрещении размещать ядерное и другое оружие массового уничтожения в космосе (1967 г.), Договор о запрещении размещать ядерное и другое оружие массового уничтожения на дне морей и океанов (1971 г.). Кроме того в 1968 г. был заключен международный Договор о нераспространении ядерного оружия, депозитариями которого стали СССР, США и Соединенное Королевство.

При этом Договор о запрещении испытаний ядерного оружия не затрагивал проведение подземных ядерных взрывов, в том числе для создания боезарядов для систем ПРО. Это рассматривалось как возможность модернизации ядерных боеприпасов. Адекватный контроль за подземными ядерными взрывами национальными техническими средствами в то время считался невозможным.

Ранее (в 1963 г.) было заключено соглашение о «горячей линии связи» между Кремлем и Белым домом, которая позволяла в случае необходимости обсуждать проблемы, возникающие в кризисной ситуации⁴¹. Тем самым в какой-то мере устранялась техническая про-

блема взаимодействия высших руководителей обеих сторон, ярко проявившая себя в ходе Карибского кризиса 1962 года.

Все эти соглашения обеспечивали некоторые дополнительные политико-психологические возможности для советско-американских договоренностей по стратегическим вооружениям.

В то же время в советско-американских отношениях оставалось немало острых проблем, среди которых видное место занимала агрессия США во Вьетнаме, которому активно помогал Советский Союз.

Значительные опасения вызывало в Кремле радикальное улучшение американско-китайских отношений, которое произошло в результате визита Президента США Никсона в Пекин, его встреч с Мао Цзэдуном в феврале 1972 года. В ходе этого саммита было подписано Шанхайское коммюнике, в котором, в том числе, говорилось о том, что ни США, ни КНР «не будут стремиться к гегемонии в Азиатско-Тихоокеанском регионе», и «каждая из сторон выступает против попыток любой другой страны или группы стран установить гегемонию»⁴². Такого рода заявление не могло не восприниматься в СССР отрицательно.

Договор по ПРО был подписан 26 мая 1972 г. в Москве во время визита в СССР Президента США Ричарда Никсона. Одновременно в Москве было заключено Временное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. Позднее, в 1979 г., в Вене на советско-американской встрече на высшем уровне Брежнева с Президентом США Дж. Картером был заключен Договор между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-I). Этот Договор так и не был ратифицирован из-за резкого ухудшения советско-американских отношений, что во многом было связано с вводом советских войск в Афганистан в декабре 1979 года.

Договор по ПРО 1972 г. очень серьезно ограничивал развитие систем противоракетной обороны. В нем присутствовало обязательство «не развертывать системы ПРО территории своей страны» и даже «не создавать основу для такой обороны» (статья I). В статье V стороны брали на себя обязательство «не развертывать системы ПРО морского, воздушного, космического или мобильно-наземного базирования»⁴³. При этом запрещалось создавать и испытывать такие системы. Соответствующие разработки не попадали под запрещение — хотя бы в силу того, что их невозможно было контролировать национальными техническими средствами другой стороны.

В соответствии со статьей III Договора, серьезным ограничениям подвергались комплексы ПРО для защиты как столицы, так и шахтных пусковых установок МБР. В том числе серьезные ограничения накладывались на РЛС ПРО. В районе размещения средств ПРО для защиты МБР разрешалось иметь только «две крупные РЛС с фазированной решеткой», причем «сопоставимые по своему потенциалу с аналогичными РЛС ПРО, находящимися в боевом составе или в стадии строительства в районе размещения системы ПРО, в котором расположены пусковые установки МБР»⁴⁴.

Для разграничения систем ПРО и предупреждения о ракетном нападении стороны договорились (статья VI, п. б) о том, чтобы «не

развертывать в будущем РДС предупреждения о ракетном нападении стратегических баллистических ракет, кроме как на позициях по периферии своей национальной территории с ориентацией вовне»⁴⁵.

По статье VII Договора модернизация и замена систем ПРО или их компонентов разрешалась с «соблюдением положений» ДПРО. Стороны не должны были «чинить помех национальным техническим средствам контроля другой стороны», которые использовались бы «для обеспечения уверенности в соблюдении положений настоящего Договора» (статья XII, п. 1), не осуществлять мер маскировки, препятствующих функционированию национальных технических средств контроля (статья XII, п. 3)⁴⁶.

В преамбуле Договора по ПРО присутствовало весьма важное положение о том, что «ядерная война имела бы для всего человечества опустошительные последствия»⁴⁷.

Договор об ограничении систем ПРО имел огромное политико-военное и военно-стратегическое значение. Он стал примером тщательной проработки множества военно-технических и юридических вопросов на основе строгого соблюдения принципа равенства и одинаковой безопасности.

Оценивая советско-американские соглашения по стратегическим вооружениям, один из крупнейших отечественных дипломатов Г.М. Корниенко писал: «Договориться обо всем этом было ох как непросто и нелегко. Сказывались в первую очередь чисто объективные трудности, связанные, в частности, с необходимостью найти общие знаменатели при всех различиях в структурах стратегических вооружений сторон, объясняемых историческими, географическими, технологическими и иными причинами». Корниенко обоснованно отмечал психологические проблемы выработки и заключения подобных соглашений: «Не меньшими, а то и большими, были трудности субъективного, в том числе психологического характера. Ведь руководителям и представителям двух держав пришлось впервые обсуждать и решать такие вопросы, касающиеся систем оружия, сведения по которым до этого оберегались каждой стороной пуще зеницы ока»⁴⁸. На деле это в значительно большей мере относилось к СССР, поскольку в Советском Союзе уровень секретности по многим вопросам был намного выше, чем в Соединенных Штатах.

Один из наиболее авторитетных отечественных экспертов по ОСВ генерал-лейтенант В. Колтунов писал: «Заключение ДПРО стало возможно при осознании обеими сторонами того факта, что отказ от территориальных систем ПРО создавал условия, при которых любая из них лишалась возможности нанесения первого ядерного удара без опасения получить ответный ядерный удар возмездия. Таким образом возникала ситуация равноуязвимости сторон или взаимного ядерного сдерживания, легшего в основу концепции обеспечения стратегической стабильности»⁴⁹.

Колтунов также считал, что «в результате стороны не только избегали разорительной гонки вооружений в области систем ПРО, но и вводили в более спокойное русло соревнование в области стратегических наступательных вооружений, создавая предпосылки для их постепенного взаимного ограничения и сокращения»⁵⁰. В последнем суждении видится определенное преувеличение, ибо в период после

московского саммита 1972 г. высокими темпами шло наращивание числа боезарядов на МБР и БРПЛ Советского Союза и США за счет практически тотального их оснащения РГЧИН. В результате к середине 1980-х гг. обе стороны имели по 10—11 тыс. стратегических ядерных боезарядов, обеспеченных средствами доставки. Число же стратегических носителей (по состоянию на 1 января 1988 г.) составляло: 2494 (у СССР) и 2260 (у США), в том числе оснащенных РГЧИН и крылатыми ракетами большой дальности — 1272 (Советский Союз) и 1351 (Соединенные Штаты).

Корниенко небезосновательно отмечал: «Грандиозность Договора по ПРО в том-то и состоит, что в нем нашли воплощение государственная мудрость и политическое мужество тех, кто сумел понять и открыто, перед своими народами и перед всем миром, признать, что в ракетно-ядерный век единственно разумным и наилучшим из возможных — впредь до ликвидации ядерного оружия как такового — способов защититься от этого оружия является взаимный отказ от защиты, то есть от создания территориальных систем противоракетной обороны страны»⁵¹.

29 мая 1972 г., в заключительный день московской встречи на высшем уровне, Брежнев и Никсон подписали совместный документ «Основы взаимоотношений между СССР и США». Проект этого документа незадолго до московского саммита был передан Брежневым лично приехавшему в Москву Киссинджеру (как особо доверенному представителю Президента США Никсона). Вручая этот документ, Брежнев сказал: «Так как нас интересует прежде всего развитие наших двусторонних отношений, то позвольте передать Вам подготовленный у нас проект совместного документа “Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки”. Это документ, который мы считаем очень важным. Просим его изучить и сообщить Ваше мнение»⁵².

Принятие документа было попыткой с советской стороны обеспечить развитие отношений между Советским Союзом и США на стабильной основе на длительную перспективу (без понимания того, что последующая администрация могла бы не считать себя связанной столь общим документом, не имевшим характера договора). Добрынин обоснованно писал о том, что «слабостью этого важного документа было то, что он не предусматривал какого-либо контрольного механизма за его соблюдением и осуществлением. Не предпринималось в этом смысле попыток и в последующие годы»⁵³.

В США этот документ не привлек к себе большого внимания. Администрация Никсона его особо не рекламировала, учитывая то, что он был, прежде всего, результатом настойчивых усилий советского руководства без серьезной заинтересованности со стороны руководства американской исполнительной власти⁵⁴.

«Основы взаимоотношений между СССР и США» способствовали в то же время подписанию 22 июня 1973 г. во время визита Брежнева в США бессрочного «Соглашения между СССР и США о предотвращении ядерной войны», которое было направлено на максимальное уменьшение и в конечном счете полное устранение опасности применения самого разрушительного из существующий видов оружия — ядерного. (Этому соглашению предшествовало подписание

еще в 1971 г. на уровне министров иностранных дел Соглашения по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США, нацеленного на предупреждение случайного или несанкционированного применения ядерного оружия, находящегося под контролем обоих государств⁵⁵). Стороны брали на себя обязательство «действовать так, чтобы предотвратить возникновение ситуаций, способных вызвать опасное обострение их отношений, избежать военных конфронтаций и исключить возникновение ядерной войны между ними и между каждой из сторон и другими странами (статья I)⁵⁶.

В этом Соглашении отмечалось, что в случае возникновения ситуаций, которые выглядели бы как влекущие риск ядерной войны, СССР и США «незамедлительно приступят к срочным консультациям друг с другом и предпримут все усилия для предотвращения этого риска» (статья IV). При этом обговаривалось, что «ничто в настоящем соглашении не должно затрагивать и ослаблять, в том числе, обязательства, которые приняты каждой из сторон по отношению к своим союзникам или другим странам по договорам, соглашениям и другим соответствующим документам» (статья VI, п. В⁵⁷). Это касалось «ядерных гарантий» США в отношении их союзников по НАТО и Японии и аналогичных обязательств СССР в отношении других членов ОВД. Дух и буква этого соглашения выглядят весьма актуально и в современных условиях.

После заключения Договора об ограничении систем ПРО в рамках Постоянной консультативной комиссии, образованной в соответствии с этим Договором в декабре 1972 г., велись активные переговоры по целому ряду важных деталей соблюдения этого документа. 3 июля 1974 г. был подписан и Протокол о процедурах, регулирующий замену, демонтаж или уничтожение систем ПРО⁵⁸.

В 1974 г. руководством США и СССР был подписан Дополнительный протокол к Договору по ПРО. В соответствии с этим протоколом, системы ПРО сторон ограничивались одним комплексом. В СССР были продолжены работы по созданию вокруг Москвы системы «А-35», которая, как говорилось выше, затем трансформировалась в систему «А-135».

Позднее США отказались от создания системы ПРО в одном позиционном районе, разрешенном Протоколом 1974 года. Работы были заморожены. Программа «Сейфгард» была закрыта в 1978 г.; ее РЛС включили в американскую систему раннего предупреждения о ракетном нападении⁵⁹.

В октябре 1978 г. стороны приняли Согласованное заявление, касающееся ряда положений Договора по ПРО, в частности испытательных полигонов и средств, которые могут рассматриваться как «испытанные в целях ПРО», а также использования РЛС ПВО на испытательных полигонах ПРО. Был также подписан документ «Общее понимание о несовместимости по времени работы компонентов ПРО и средств ПВО на испытательных полигонах ПРО»⁶⁰.

Добрынин писал о том, что «важность Договора по ПРО подчеркивалась тем фактом, что он был заключен как бессрочный». Добрынин отмечал, что «не случайно противники Договора по ПРО в США, выступавшие против принципа равенства и одинаковой безопасности в отношениях с Советским Союзом, сразу же включились в кампа-

нию против него. Их активность достигла кульминационной точки с приходом к власти администрации Рейгана»⁶¹.

Но в 1980-е гг. ДПРО удалось сохранить, несмотря на активную деятельность администрации Рейгана по продвижению программы НИОКР «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ), реализация которой с определенного момента вела бы к нарушению Договора по ПРО (в частности это касалось создания средств ПРО космического базирования). В этом значительную роль сыграли некоторые лидеры Конгресса США, особенно председатель Комитета по делам вооруженных сил Палаты представителей Лес Эспин (позднее он станет министром обороны США в администрации У. Клинтона, сохранив свою приверженность Договору по ПРО и после распада СССР) и председатель аналогичного комитета в Сенате Конгресса США сенатор Сэм Нанн, а также большая группа американских ученых — из Национальной академии наук США, Федерации американских ученых, Союза беспокоенных ученых. Среди них было немало фигур с мировым именем, людей, весьма авторитетных для многих американских политиков.

Особое раздражение в администрации Рейгана вызывала позиция сенатора С. Нанна, выступавшего против «расширенного» толкования Договора по ПРО 1972 г., которое позволило бы Соединенным Штатам в рамках НИОКР «СОИ» проводить широкий круг испытаний⁶².

В 1990-е гг., после распада СССР, Договор по ПРО сохранял свое значение уже в радикально иных международно-политических условиях. В российско-американском заявлении, подписанном на Московском саммите 9—11 мая 1995 г. Б.Н. Ельциным и Клинтонном, отмечалось, что ДПРО остается «краеугольным камнем стратегической стабильности»⁶³.

В 1997 г. была достигнута российско-американская договоренность о разграничении стратегической и нестратегической ПРО. В Нью-Йоркском протоколе к Договору СНВ-2 было определено, что нестратегической считается система ПРО до момента, пока она не была испытана по баллистическим мишеням со скоростью полета до 5,5 км/сек. для систем противоракетной обороны комплексов ПРО наземного и воздушного базирования; для противоракетных комплексов морского базирования речь шла об ограничении в 4,5 км/сек. при дальности полета баллистических ракет до 3500 км⁶⁴. Однако это соглашение так и не было ратифицировано Конгрессом США, где усиливались настроения в пользу того, чтобы США имели полную свободу рук в развитии систем ПРО, имея в виду угрозы, связанные с распространением ядерного оружия, с наличием «государств-изгоев», создающих собственное ракетно-ядерное оружие (в первую очередь имелись в виду Иран и КНДР).

В 2001 г. администрация Дж. Буша-младшего в одностороннем порядке вышла из Договора по ПРО. Официально президент уведомил об этом Россию 13 декабря 2001 года. Администрация Буша воспользовалась особой политико-психологической обстановкой в стране, связанной с «актами мегатеррора» в отношении Соединенных Штатов 11 сентября 2001 года. Конгресс США в этих условиях не оказал сопротивления администрации президента в вопросе выхода из бессрочного Договора по ПРО, хотя в нем имелось немало влиятельных сторонников сохранения Договора по ПРО 1972 года⁶⁵. Ад-

министрация президента не объявила о программе ПРО, сопоставимой по масштабам и амбициозности с программой НИОКР «Стратегическая оборонная инициатива» президента Рейгана. Ставка была сделана на интеграцию в единую («глобальную») систему ПРО различных комплексов наземного и морского базирования, подавляющая часть которых не попадала под категорию «стратегической ПРО» в соответствии с отмеченным выше российско-американским соглашением по разграничению стратегической и нестратегической ПРО.

Отсутствие Договора по ПРО способствует возрастанию степени неопределенности и непредсказуемости политико-военной и военно-стратегической обстановки в мире. Одновременно идет быстрое развитие технологий, связанных с рядом возможностей стратегических наступательных вооружений, в том числе в неядерном оснащении. Это относится как к «центральному стратегическому балансу», так и к проблеме обеспечения стратегической стабильности в отдельных регионах.

Это еще раз подчеркивает ту огромную роль, которую сыграл Договор по ПРО в годы своего существования.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-37-11136.

1. СЕМЁНОВ С.М. Расплетин. М. 2008, с. 221—222.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же, с. 223.
6. Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? М. 2012, с. 38.
7. МАКНАМАРА Р. Путем ошибок — к катастрофе. Опыт выживания в первом веке ядерной эры. М. 1988, с. 37.
8. ЕРЕМЕЕВ К. Баллистические и крылатые ракеты подводных лодок: история, современность, перспективы. В кн.: Подводные силы России. М. 2006, с. 569—572.
9. АРБАТОВ А.Г. Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона. М. 1980, с. 132.
10. Там же, с. 132—133.
11. ВЕСЕЛОВ В.А. Трансформация параметров стратегической стабильности: роль технологического фактора. — Вестник Московского университета. 2015, т. 7, № 3, июль-сентябрь, с. 36.
12. Там же, с. 39.
13. Вооруженные силы России. Т. 1. М. 2010, с. 261.
14. См.: КОКОШИН А.А., БАЛУЕВСКИЙ Ю.Н., ПОТАПОВ В.Я. Влияние ядерного фактора на развитие отечественной военной мысли. — Вестник Московского университета. 2015, № 3, с. 3—22.
15. PERRY W.Y. My Journey at the Nuclear Brink. Stanford University Press. 2015, p. 34—37.
16. ВЕСЕЛОВ В.А. Ук. соч., с. 39.
17. ФУРСЕНКО А., НАФТАЛИ Т. Адская игры. М. 1999, с. 344—347.
18. Известия. 18.II.1967, с. 1—2.
19. Там же.
20. СТАЛИН И.В. Ответ корреспонденту «Правды» насчет атомного оружия. М. 1951, с. 4.
21. Известия. 18.II.1967, с. 1—2.
22. ПЕРВОВ М. Системы противоракетной обороны создавались так. М. 2003, с. 175.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же, с. 210.
26. Там же.

27. ЕВТИФЬЕВ М.Д. Из истории создания зенитно-ракетного щита России. М. 2000, с. 125.
28. БЕЛОУС В.С., ГРЕШИЛОВ А.А., ЕГУПОВ Н.Д., ЖАБЧУК В.П. и др. Щит России: системы противоракетной обороны. М. 2009, с. 328.
29. ЕВТИФЬЕВ М.Д. Ук. соч., с. 26.
30. КОЛТУНОВ В. Переговоры об ограничении систем ПРО в контексте взаимного сдерживания. В кн.: Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? М. 2012, с. 67.
31. Там же, с. 67.
32. Там же, с. 68.
33. Запись беседы А.Ф. Добрынина с Г. Киссинджером. 18 февраля 1970 г. Советско-американские отношения. Годы разрядки. Сб. документов. Т. I. Кн. 1. М. 2007, с. 167.
34. АНДРЮШИН И.А., ИЛЬКАЕВА Л.А., ЧЕРНЫШЁВ А.К. Ядерный оружейный комплекс США. Страницы истории. Программы. Перспективы. М. 2013, с. 52.
35. ВЕСЕЛОВ В.А. Ук. соч., с. 36.
36. КИССИНДЖЕР Г. Дипломатия. М. 1994, с. 680.
37. Там же.
38. Материалы XXIV съезда КПСС. М. 1971, с. 26—27.
39. Там же, с. 15.
40. ТРОФИМЕНКО Г.А., ПОДЛЕСНЫЙ П.Т. Советско-американские отношения в современном мире. М. 1987, с. 98.
41. Меморандум о договоренности между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об установлении линии прямой связи между Москвой и Вашингтоном, 20 июня 1963 г. <http://old.lawru.info/base29/part3/d29ru3536.htm>.
42. Цит. по: КИССИНДЖЕР Г. О Китае. М. 2013, с. 295.
43. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны. Москва, 26 мая 1972 г. <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/abm-treaty.htm>.
44. Там же.
45. Там же.
46. Там же.
47. Там же.
48. КОРНИЕНКО Г.М. «Холодная война». Свидетельство ее участника. М. 2001, с. 189.
49. КОЛТУНОВ В. Ук. соч., с. 69.
50. Там же.
51. КОРНИЕНКО Г.М. Ук. соч., с. 190.
52. Запись беседы Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева с Г. Киссинджером. В кн.: Советско-американские отношения. Годы разрядки. Сб. документов. Т. I. Кн. 2. М. 2007, с. 174.
53. ДОБРЫНИН А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962—1986 гг.). М. 1997, с. 237.
54. Там же, с. 237.
55. Советско-американские отношения в современном мире. М. 1987, с. 94.
56. Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о предотвращении ядерной войны 22 июня 1973 г. <http://docs.pravo.ru/document/view/16658137/14111361>.
57. Там же.
58. КОЛТУНОВ В. Ук. соч., с. 69.
59. АНДРЮШИН И.А., ИЛЬКАЕВА Л.А., ЧЕРНЫШЁВ А.К. Ук. соч., с. 52.
60. КОЛТУНОВ В. Ук. соч., с. 69—70.
61. ДОБРЫНИН А.Ф. Ук. соч., с. 237.
62. The Reagan Files. Vol. 2. N.Y. 2012, p. 406—407.
63. ЕСИН В.И. Политика США в области противоракетной обороны. — Вестник Московского университета. 2015, № 3, с. 87.
64. ФЕНЕНКО А.В. Современная международная безопасность: ядерный аспект. М. 2013, с. 266.
65. ЕСИН В.И. Ук. соч., с. 91—92.

Князь Мстислав Мстиславич Торопецкий (Удалой)

А.Н. Нестеренко

Аннотация. Князь Мстислав Мстиславич Торопецкий (Удалой) сыграл выдающуюся роль в истории домонгольской Руси, участвовал в трех судьбоносных сражениях своего времени: Липицкой битве, «битве народов» у Галича и битве на Калке. Но, несмотря на личную доблесть и полководческий талант, военные победы Мстислава обернулись политическими поражениями. Отечественная историография видит в этом вину самого Мстислава, который вместо того, чтобы укреплять достигнутые завоевания, проводит жизнь в поисках воинской славы. Однако при этом не учитывается то, что в силу своего положения в княжеской иерархии, Мстислав не был самостоятельным политиком, а представлял интересы своих сюзеренов Ростиславичей.

Ключевые слова: князь Мстислав Мстиславич Удалой, Липицкая битва, битва на Калке, Галицкие походы Мстислава Удалого, Новгородская феодальная республика, Владимиро-Суздальская Русь, Галицко-Волынская Русь, половцы, Ростиславичи.

Abstract. Prince Mstislav Mstislavich Toropetskiy (Udaloy) played a prominent role in the history of Russia, participating in three fateful battles of his time: Lipitsa battle, «Battle of the Nations» in Galic and the Battle of the Kalka. But despite the personal courage and leadership talent military victory Mstislav turned into a political defeat. National historiography sees this as the fault of Mstislav himself, who, instead of strengthening the gains achieved, rushed about in search of military glory. However, it does not take into account that due to its position in the princely hierarchy, Mstislav was not an independent politician, but only represented the interests of his suzerains Rostislavich.

Key words: Prince Mstislav Mstislavich Udaloy, Lipitsa battle, the battle of the Kalka, Galician hiking Mstislav Udaloy, Novgorod feudal republic, Vladimir-Suzdal Rus, Galicia-Volyn Rus, cumans, Rostislavich.

Мстислав Мстиславич Торопецкий (Удатный) занимает особое место среди русских князей периода феодальной раздробленности ¹. Прозвище Удалой, возможно, обусловлено стремлением Мстислава к подвигам, воинской славе, хотя Н.М. Карамзин полагал, что его следует понимать как «счастливым» ².

Нестеренко Александр Николаевич — кандидат философских наук, доцент Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (МГТУ). E-mail: rockwool@list.ru.

Nesterenko Alexander N. — candidate of philosophical sciences, associate professor of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman. E-mail: rockwool@list.ru.

По мнению отечественной историографии, отличительными чертами личности Мстислава, выделяющими его среди других русских князей того времени, было великодушие, прямота, бескорыстность и миролюбие, сочетавшееся с отвагой: «ни в русской, ни в соседних странах не было князя храбрее его; куда ни явится, всюду принесет с собою победу»³. В.П. Бузескул называет Мстислава «князем-вitezем», главной целью которого была «защита правды, оказание помощи слабым, посредничество и примирение враждующих сторон»⁴. Эти черты характера Мстислава имели и другую сторону: «такие рыцари как Удалой, обыкновенно плохие политики, они хорошо владеют мечом, но совершенно теряют почву под собой среди коварных и ловких интриганов»⁵.

С именем Мстислава связаны все значимые события на Руси в первой четверти XIII в., в которых он выступал одним из главных действующих лиц. Поприщем деятельности «князя-вitezя», была вся Древняя Русь и ее соседи: Новгород, Киев, Владимир, Галич, половецкие степи и Ливония⁶.

Годы активной деятельности Мстислава пришлось на период, когда Русь переживала упадок удельно-вечевого порядка, характерной чертой которого была беспрестанная смена князей. Предпосылки для будущего объединения под властью одного правителя разрозненных княжеских уделов закладывались перемещением князей с одного престола на другой, и Мстислав был одним из самых активных участников этого процесса.

Дата рождения Мстислава неизвестна, как и неизвестно, был ли он единственным сыном Мстислава или у него были братья. Скорее всего, он родился не ранее 1170 и не позднее первой половины 1181 года. По поводу того, кем же был его отец, существуют четыре версии.

По сложившейся в отечественной историографии традиции, отцом Мстислава считают новгородского князя Мстислава Ростиславича Храброго. По мнению классиков российской истории, он был его старшим сыном⁷. Правда в завещании Мстислава Храброго указан только один его сын, Владимир, о котором он просил позаботиться⁸. Можно предположить, что Мстислав был уже взрослым и в опеке не нуждался. По мнению С.М. Соловьёва, к этому времени он уже княжил в отцовском уделе Торопце⁹. Именно этот город и считается его наследственным уделом. В пользу этой версии говорит то, что владимирский летописец, описывая события 1223 г., называет его князем Торопецким, хотя в это время он уже получил в княжение Галич¹⁰.

Но, Мстислав мог быть и младшим сыном Мстислава Ростиславича. Дело в том, что у Рюриковичей существовал строгий запрет на использование нехристианских имен ближайших живых предков (отца, деда)¹¹. Следовательно, имя в честь отца Мстислав мог получить только после смерти Мстислава Ростиславича (1180 год). В этом случае он не только не был князем Торопецким но и, скорее всего, вообще не имел своего удела, являясь князем-изгоем. Кроме того, гипотеза о том, что Мстислав был одним из сыновей Мстислава Ростиславича, не объясняет его связь с князем Лешekom Белым, претензии на галицкий престол и стремление влиятельных современников установить с ним династические связи.

Согласно Густынской летописи, Мстислав Мстиславич — внук Изяслава Мстиславича и сын великого князя киевского Мстислава Изяславича ¹². Если он получил имя в честь отца, значит он родился после его смерти (то есть в 1170 или 1171 году). В этом случае его мать — княжна Агнешка, дочь польского князя Болеслава III, а галицко-волынский князь Роман Мстиславич — его родной старший брат. Эта гипотеза происхождения Мстислава объясняет, почему внук Болеслава III — краковский князь Лешек Белый называл Мстислава братом, права Мстислава на Галич и отеческое отношение к Даниилу Романовичу Галицкому, который, в таком случае, был его племянником ¹³. Подтверждает эту версию и то, что Матей Стрыйковский называет Галич отчиной Мстислава, а самого князя галицким дедичем (то есть наследником по деду) ¹⁴.

Но эта гипотеза не объясняет, как церковь разрешила брак дочери Мстислава Анны с сыном его брата Даниилом Романовичем, которая, в этом случае, была его двоюродной сестрой. Впрочем, учитывая реальную опасность занятия престолов в Галицко-Волынской Руси польскими и венгерскими князьями, в политических интересах православная церковь могла допустить этот брак.

Никоновская летопись называет Мстислава внуком Романа, правнуком Ростислава, праправнуком Мстислава, прапраправнуком Владимира Мономаха ¹⁵. В этом случае Мстислав — сын Мстислава Романовича Старого, князя псковского, смоленского и киевского, а его дед — князь смоленский, новгородский и киевский Роман Ростиславич. Тогда Мстислав Ростиславич Храбрый был не его отцом, а двоюродным дедом (великий дядя). Эта версия объясняла бы прослеживаемую на протяжении всей жизни Мстислава его тесную связь с Ростиславичами. Слабое место этой гипотезы происхождения Мстислава в том, что она не объясняет, почему в нарушение традиции он стал тезкой своего отца. Впрочем, у традиции не называть сына в честь здравствующего отца были исключения. Так, Ярослав Всеволодович назвал одного из своих сыновей Ярославом. К тому же Мстислав мог быть назван и в честь своего прадедушки, старшего сына Владимира Мономаха — князя Мстислава Владимировича Великого.

И, наконец, четвертая версия происхождения Мстислава вытекает из его слов, которые приводит новгородский летописец о том, что он хотел бы быть похороненным в Софийском соборе у могилы своего отца ¹⁶. В некрополе Софийского собора кроме Мстислава Храброго похоронен Мстислав Ростиславич Безокий (1178 г.), старший сын Ростислава Юрьевича и старший внук Юрия Долгорукого ¹⁷. В таком случае матерью Мстислава была представительница влиятельной боярской новгородской семьи, дочь посадника. Это версия не противоречит тому, что Мстислав был назван в честь покойного отца и объясняет его связи с Новгородом и характер отношений с Всеволодом Большое Гнездо и его сыновьями.

О жизни Мстислава до его появления в Новгороде в 1210 г. известно мало. Впервые он упомянут в Ипатьевской летописи под 1193 г. как один из участников похода Ростислава Рюриковича на половцев. Летописец пишет о том, что Ростислав посылает за своим «строителем» (двоюродным братом) Мстиславом в Треполь (современное Триполье в Киевской области). Соединившись с черными клобуками,

князя на рассвете неожиданно напали на стоянку половцев и разгромили ее, захватив большую добычу скотом, лошаадьми и пленными, «возвратились восвояси с честью и славой»¹⁸.

Хотя предпринятый молодыми князьями на свой страх и риск поход увенчался тактическим успехом — князья получили богатую добычу и завоевали славу, о том, что половцы в отместку нападут на русские земли, они не думали. За безрассудство Ростислава Рюриковича пришлось отвечать его отцу. Узнав об этих событиях, великий князь киевский Святослав Всеволодович потребовал от отца Ростислава, князя Рюрика Ростиславича, чтобы тот отложил намеченный им поход на «литву»: «Сын твой задел половцев, зачал рать, а ты хочешь идти в другую сторону, а свою землю оставить. Сейчас пойдя в Русь стеречь свою землю». Рюрик послушался и отсрочил поход в Литву. «Долго стоял Святослав с Рюриком у Василева, сторожа свою землю, половцы не показывались, но только что Святослав уехал за Днепр в Корачев, а Рюрик — в свою волость, то поганые стали опять воевать Украйну»¹⁹.

Ипатьевская летопись содержит и следующие два упоминания о Мстиславе. Первое — о том, что он по приказу киевского князя Рюрика отправляется в Галич к князю Владимиру Ярославичу со словами «зять мой [волынский князь Роман Мстиславович] нарушил договор и воевал волость мою, а ты брат с сыновцем [племянником] моим воюйте волость его» (1196 г.). Однако в этом отрывке речь может идти не о Мстиславе Мстиславиче, а о Мстиславе Романовиче, сыне другого брата Рюрика — Романа. Второе сообщение — о том, что он приезжает в Киев праздновать рождение у своего товарища по набегу на половцев Ростислава Рюриковича дочери Евфросинии (1198 г.)²⁰.

В 1202 г. галицкий князь Роман Мстиславич взял верх над тестем и занял Киев. Но уже на следующий год Рюрик с союзниками возвратил город себе. Новгородская первая летопись (НПЛ) сообщает что «Рюрик с Ольговичами и с погаными половцами Кончака и Данила Бяковича, взяли град Киев на щит»²¹. Победители учинили в городе страшную резню. Половцы взяли в плен всех, кого удалось схватить живыми, даже священников, монахов и монахинь, разграбили все соборы и монастыри и подожгли город. Владимирский летописец сообщает о том, что Рюрик и его союзники «сотворили великое зло», подобного которому не было в Русской земле со времени крещения Киева²².

Источники не упоминают имени Мстислава Мстиславича в связи с этими событиями, но как вассал Рюрика Ростиславича, зять хана Кончака и князь пограничной заставы киевской земли Треполя, он должен был быть одним из непосредственных участников этой трагедии²³.

На этом борьба за Киев между князьями не остановилась. В 1207 г. город захватил черниговский князь Всеволод Чермной. Взяв другие города киевской земли, он осадил Торческ, в котором затворился Мстислав. Союзные Всеволоду половцы разграбили окрестности. Мстислав не в силах им воспрепятствовать и понимая бессмысленность дальнейшего сопротивления, решил сдать город²⁴. Почему Мстислав оказался в Торческе, неизвестно. Возможно, когда началась междоусобица между Ростиславичами и Ольговичами, он был направлен туда Рюриком Ростиславичем, чтобы оборонять этот киевский форпост.

У В.Н. Татищева, который относит эти события к 1208 г., подробно описывается оборона Торческа. «Мстислав же хотя млад, но храбростью и мужеством всех оных превосходил, несмотря на множество войска Всеволодова, говорил всем, что бесчестно есть, как женщинам, запершись сидеть или, не сделав попытки, договором отдать», «но лучше нам прежде показать противникам, что мы руки и сердце имеем, а потом посмотрим, что далее делать». Совершив вылазку из города, Мстислав нанес врагу урон, но, опасаясь быть разбитым превосходящими силами, отступил. Всеволод, видя, что силой город не взять, послал войска грабить окрестности. «Мстислав хотя ничего не опасался, поскольку град довольно укрепил и припасов нескучно имел, но, жалея область, послал ко Всеволоду говорить о свободном ему пропуске. Чему Всеволод обрадовался, что не принужден будет со стыдом отступить, отпустил Мстислава с честью, а сам возвратился в Киев»²⁵.

Видимо, в том же году Мстислав стал Торопецким князем²⁶. Торопец, по мнению Карамзина, Мстислав получил в удел от смоленского князя Мстислава Романовича Старого, «прославив себя мужественною, упорною защитою Торческа и принужденный выехать оттуда»²⁷. Возможно это был первый престол, который он получил в удел²⁸.

Решение посадить на княжение в Торопце Мстислава Мстиславича скорее всего было связано с желанием смоленских Ростиславичей использовать его амбиции в своих целях. Так как собственного княжеского стола у Мстислава не было, получить его князь-изгой мог только заняв один из тех столов, которые не передавались по наследству — Новгородский или Галицкий. И в этом случае личные интересы Мстислава совпадали с интересами княжеской коалиции, заинтересованной в ослаблении могущества Всеволода III, а находящийся на границе с Новгородскими и Владимирскими землями Торопец оказался удобным форпостом для реализации этих планов.

В это время Новгород находился под властью великого князя владимирского, который бесцеремонно попирали исконные новгородские права и свободы. Так, в 1208 г., прибывший из Владимира боярин Всеволода Юрьевича повелел убить на вечевои площади невинного, по словам летописца, новгородца Олексу Сбыславича²⁹.

В Новгороде интересы великого князя представлял его сын Святослав. Татищев сообщает, что новгородцы, «озлобясь» на князя Святослава «за ограбление народа и несправедливые суды», замыслили изгнать сына Всеволода и послали в Торопец к Мстиславу, который как раз в это время появился в этом городке по воле смоленского князя³⁰. По сообщению Новгородской летописи, зимой 1210 г. Мстислав, решив воспользоваться благоприятной ситуацией, объявился в новгородском приграничном Торжке. Там он схватил бояр Святослава и посадника, послав к Новгороду со словами: «пришел к Вам, узнав о насилии от князя, и жаль мне своей отчины»³¹. Таким образом, по версии новгородского летописца, инициатива изгнания Святослава Всеволодовича исходила от Мстислава, который предложил Новгороду собственные услуги, подкрепив серьезность своих намерений решительными действиями в Торжке.

Получив послание Мстислава, новгородцы призвали его на престол, предусмотрительно взяв в заложники Святослава и его дворян

«до того времени пока не будет достигнута договоренность с его отцом»³². О том, как развивались события далее, источники дают противоречивые сведения. По словам новгородского летописца, Мстислав прибыл в Новгород и выступил «со всем полком» на Всеволода, который прислал к нему послов, предлагая мир на условиях обмена заложниками. Мстислав согласился, но ему, видимо, пришлось признать формальный вассалитет от великого князя владимирского³³.

Владимирский летописец, представляя события в выгодном для себя свете, сообщает, что Мстислав не собирался сражаться с сыновьями Всеволода, а, наоборот, бежал из Торжка в Торопец, как только узнал, что на него двинулась владимирская рать³⁴.

Татищев приводит несколько иную версию этих событий. По его мнению, первая попытка Мстислава занять новгородский престол была пресечена решительными действиями великого князя владимирского. Узнав о событиях в Новгороде, Всеволод приказал схватить всех новгородских купцов в своих владениях и отправил к Торжку своих сыновей Константина, Юрия и Ярослава. Новгородцы послали к Константину просить мира. Константин провел совет с младшими братьями и боярами, которые считали, что за нарушение клятвы новгородцев надо наказать, но все же решил обойтись без кровопролития. Мир новгородцам дали с условием, что они примут того князя, которого им пришлет великий князь владимирский. Отпустив взятых заложников, новгородцы собрали вече, на котором «посадника Ждана, Иванкова сына, да трех бояр, кои Мстислава призвали, поймав, хотели с моста бросить». С трудом архиепископу удалось усмирить толпу. Сторонников Мстислава, побив, отпустили, разграбив их дома. Мстислав вынужден был вернуться в Торопец, а новгородский престол занял сын Всеволода Владимир. Но уже на следующий год его сместили сторонники Мстислава: новгородцы «учинили великое смятение, невзлюбив князя Владимира, и послали снова за Мстиславом. Владимир, опасаясь более быть, уехал со всеми своими к отцу»³⁵.

Занятие Мстиславом новгородского престола привело к обострению борьбы в городе между сторонниками и противниками великого князя владимирского. Хотя НПЛ не сообщает о том, что первая попытка Мстислава не увенчалась успехом, но и из нее следует, что после заключения мира с «низовой землей» Мстислав поспешил покинуть Новгород. Сначала, под предлогом обороны новгородских владений от возможного нападения со стороны Владимирского княжества («блюсти волость»), Мстислав отправился в Торжок. Из Торжка он возвратился в Торопец, а из Торопца, с согласия псковского князя Владимира, перебрался в Луки, предпочитая выполнять свои княжеские функции на почтительном расстоянии от Новгорода³⁶.

В это время в Новгороде произошли волнения, в ходе которых был смещен архиепископ Митрофан³⁷. Н.И. Костомаров считает, что владыка был низложен сторонниками Мстислава как «креатура Всеволода» и один из лидеров партии, «расположенной ко Всеволоду и к союзу с Суздальскою Землею»³⁸. Летопись не указывает на то, что причиной низложения архиепископа было то, что он являлся сторонником великого князя владимирского. Наоборот, летописец пишет о «злодеях», которые, «не хотя добра», возбуждали «зависть» как против владыки, так и против князя Мстислава, которому не давали

править и отвели в Торопец, что князь принял с радостью, как принимали обрушившиеся на них испытания прославленные христианские святые Иоанн Златоуст и Григорий Акрагантийский ³⁹.

Таким образом, положение Мстислава в Новгороде не было прочным, и он благоразумно старался держаться подальше от неожиданно обретенного престола. Чтобы укрепить свою власть, ему требовалось завоевывать авторитет и симпатии вечевого собрания. Понимая, что Новгороду князь люб, только если полезен, а польза от князя как от военного лидера заключается в успешных войнах, приносящих богатую добычу, Мстислав начал свое княжение с того, что совершил набеги на земли эстов. Так как в это время эстонские племена были втянуты в войну с ливонцами, они стали легкой добычей для грабителей. Захваченные трофеи Мстислав разделил так, что большая часть оставалась принимавшим участие в нападении новгородцам, а не князю и его дружине.

Первый поход «на чудь» Мстислава с новгородцами состоялся в 1212 году. НПЛ сообщает о том, что было взято много пленных и скота без числа. Зимой того же года состоялся еще один поход на город Медвежья голова (современный Отепя). Новгородцы разорили его окрестности, после чего «поклонилась чудь князю» и выплатила дань ⁴⁰.

Третий поход «сквозь землю чудскую к морю» НПЛ относит к 1214 году ⁴¹. Разорив все на своем пути новгородцы осадили Воробьин (современная Верболо) и принудили эстов выплатить дань. Победители вернулись с большим полоном.

Для устранения угрозы своей власти со стороны Владимирского княжества и привлечения на свою сторону провладимирски настроенных новгородцев, Мстислав выдал свою дочь Ростиславу за одного из сыновей Всеволода Юрьевича — переяславского князя Ярослава Всеволодовича (1213 г.) ⁴². Этот брак оказался недолгим. Он был расторгнут в 1216 г., став неактуальным после Липицкой битвы: Ярослав и его союзники были разбиты, а великокняжеский престол во Владимире занял Константин Всеволодович, который был обязан этим Мстиславу.

Политика Мстислава оказалась настолько успешной, что ему удалось удерживать за собой Новгород почти десять лет, прибегая не к насилию, как, например, Всеволод Юрьевич и его сыновья, а методами дипломатическим и экономическим.

В 1213 г., как сообщает Татищев, к смоленскому князю Мстиславу Романовичу прибыли посланники из Галича с просьбой прийти на княжение. Мстислав «будучи болен, послал тех присланных к племяннику своему Мстиславу Мстиславичу в Новгород, велел его просить, обещав ему в том помогать со всею возможностью»⁴³. Таким образом, дальнейшие усилия Мстислава по овладению Галичем осуществлялись по указанию его сюзерена. Но первую попытку занять Галич Мстислав предпринял только через год.

Под 1214 г. НПЛ сообщает о посольстве к Мстиславу от «внуков Ростиславля» (великого киевского князя Ростислава Мстиславича), которые обвиняли Всеволода Чермного в том, что он замыслил отнять их уделы, и просили помощи в «поисках своей отчины». Мстислав, который, если его отцом был Мстислав Храбрый, тоже был одним из внуков Ростислава, созвал вече и звал новгородцев в поход на Киев против Всеволода⁴⁴. Новгородцы ответили согласием, пообещав сложить за князя головы. Татищев приписывает им такие слова: «Стыдно бы нам, и нашим детям, и внучатам было, если б мы тебя, нашего князя и отца, в печали и все племя Владимирово в стыде и изгнании от Ольговичей оставили»⁴⁵.

Мстислав привел свою дружину к Смоленску для соединения с силами Мстислава Романовича. Там у новгородцев случалась распря со смолянами: «новгородцы, не желая у [Мстислава] Романовича, как старейшего князя, быть под властью, думая, что то против чести их, не пошли далее»⁴⁶. Мстислав, видя, что ему не удастся переубедить новгородцев, дружески с ними попрощался и ушел со своей дружиной вместе со смолянами⁴⁷.

Деликатное поведение Мстислава, который без гнева и с пониманием принял решение новгородцев вернуться по домам, заставило их устыдиться своего поступка. Новгородцы устроили вече, на котором посадник Твердислав убедил их последовать вслед за Мстиславом: «Как можем возвратиться и что скажем братии нашей? Я же рад лучше здесь умереть, нежели со стыдом возвратиться»⁴⁸.

Разорив черниговские земли, союзники подошли к Вышгороду, у которого произошло сражение. Всеволод потерпел сокрушительное поражение и бежал из Киева в свою вотчину Чернигов⁴⁹. Последовала осада Чернигова, которая продолжалась в течение двенадцати дней. Все это время смоляне и новгородцы предавали огню и мечу черниговские земли. Всеволод, понимая бессмысленность дальнейшего сопротивления, предпочел просить мира, отказавшись от своих притязаний на Киев, где князем стал Мстислав Романович, установив формальное первенство на Руси смоленской ветви Мономаховичей.

Мстислав Мстиславич с новгородцами возвратился восвояси. Несмотря на удачное завершение похода, в Новгороде у него оставалось много врагов. Татищев сообщает: «Новгородцы по древнему своему безумному обычаю, возненавидев князя Мстислава Мстиславича, стали, тайно сходясь, советоваться, как бы его изгнать». Узнав, что новгородцы ищут повод избавиться от него, Мстислав предпочел сам под благовидным предлогом покинуть город (1214 г.). Он объявил новгородской знати, что идет в Галич «просить короля, чтобы оное княжение ему отдал», чему они «весьма рады были и с честью проводили его»⁵⁰.

По сообщению НПЛ, Мстислав, собрав вече, отправился в Киев. Он объявил, что покидает Новгород, потому что у него есть дела на Руси, и произнес свои знаменитые слова, выражающие понимание Мстиславом природы княжеской власти: «суть мы орудия в Руси, а вы вольны в князьях»⁵¹. Однако владимирский летописец, вопреки этому сообщению НПЛ, утверждает, что новгородцы Мстислава «выгнали»⁵².

Видимо, жену и сына Мстислав оставил в Новгороде, предполагая туда вернуться⁵³. А новгородцы, посовещавшись, решили призвать к себе на княжение зятя Мстислава — Ярослава Всеволодовича.

В 1215 г. Мстислав, возможно, занял Галич в первый раз. Единого мнения на этот счет в историографии нет⁵⁴. Косвенным свидетельством того, что Галич был занят Мстиславом и затем передан им его сюзеренам — смоленским Ростиславичам — является то, что Галич упомянут среди городов, которые младшие Всеволодовичи планировали разделить между собой в случае победы в Липицкой битве⁵⁵.

Не прошло и года, как Мстислав вернулся на новгородский престол. Его призвало вече в связи с тем, что против Новгорода начал войну изгнанный из города зять Мстислава князь Ярослав Всеволодович: «И была новгородцам горесть великая. Тогда, учинив вече, с великим смятением каялись о том, что изгнали Мстислава Мстиславича и, согласясь, послали к нему в Торопец послов, прося, чтоб вину их простил и принял снова княжение. Мстислав долго отговаривался, выговаривая им их беспутства, неверность и коварства, но после многих со слезами прошений и тяжкой клятвы, склонясь, пошел в Новгород»⁵⁶.

Въехав в Новгород, Мстислав первым делом схватил наместника Ярослава и его двор, затем собрал вече, на котором поклялся своей жизнью, что добьется победы: «Либо верну мужей новгородских и волости, либо головою сложу за Новгород». Ярослав, по сообщению НПЛ, узнав о том, что происходит в Новгороде, послал туда сто новгородцев, которых считал своими сторонниками, «Мстислава проваживать из Новгорода». Но, прибыв в город, посланники Ярослава единодушно присоединились к его противникам⁵⁷.

Затем Мстислав послал к Ярославу требование, чтоб он, если не хочет войны, оставил Торжок и освободил схваченных новгородцев. Кроме того, он просил, чтоб с дочерью его Ростислав «жил по закону честно, как надлежит, а если ему нелюбо, то б, не обижая ее ради наложниц, отпустил к нему»⁵⁸. Ярослав ответил, что все князья есть братья, а Новгород — общая для них вотчина. Он пришел к новгородцам с честью, а они его обидели, и он должен им за это отомстить. А против других князей он ничего не имеет⁵⁹.

НПЛ сообщает, что Ярослав отпустил посла Мстислава без мира, а 2000 схваченных в Торжке новгородских купцов, ограбив, разослал в заточение по разным городам. Тогда Мстислав, собрав вече заявил: «Пойдем, поищем мужей своих, ваших братьев, и волости свои. Да не будет Торжок Новгородом ни Новгород Торжком, а где Святая София, там и Новгород. И во многом Бог и в малом Бог и правда»⁶⁰.

Согласно Татищеву, Мстислав, не желая войны, на которую его подбивали новгородцы, предпринял попытку повлиять на Ярослава через его старших братьев Юрия и Константина, пожаловавшись им

на его бесчинства. Константин послал к Ярославу, чтоб тот отпустил заложников и вернул захваченный Торжок. Ярослав «с гневом отказал». Великий князь владимирский Юрий Всеволодович, в отличие от Константина, поддержал своего младшего брата. Тогда Мстислав, предложил на вече выступить на Ярослава, «что новгородцы с охотою и великою ревностью исполнили» ⁶¹.

Дальнейшие события наиболее подробно, но в беллетризованной форме, изложены в Никоновской летописи ⁶². Новгородская летопись содержит меньше подробностей, а о самой решающей битве сторон говорит кратко ⁶³. Владимирский летописец вообще ограничивается только констатацией факта, что имело место сражение «между князьями сыновьями Всеволода», даже не упоминая имени Мстислава Мстиславича и его союзников ⁶⁴.

Первого марта, в первый день 1216 г.; по тогдашнему летоисчислению, Мстислав повел новгородцев войной на Ярослава и его союзников. Но не все в Новгороде готовы были выступить против могущественных князей Владимирской Руси, силы которых значительно превосходили новгородцев и присоединившихся к ним псковичей и смолян. Так, через день после того, как Мстислав Мстиславович выступил в поход из Новгорода, к Ярославу Всеволодовичу бежало четверо бояр с семьями, которые ранее клялись в верности Мстиславу и всем новгородцам, что они со всеми заодно ⁶⁵.

Первым делом Мстислав со своим союзником — псковским князем Владимиром Мстиславичем — взяв пятьсот воинов, поспешил на помощь городку Ржевка, гарнизон которого, численностью сто человек, отражал десятитысячное войско Святослава Всеволодовича. Святослав не рискнул сразиться с Мстиславичами и бежал ⁶⁶.

В районе Зубцова Мстиславичи соединились со смоленской ратью под предводительством Владимира Рюриковича (младшего брата товарища Мстислава по походу на половцев в 1193 г. Ростислава Рюриковича). Мстислав предпринял еще одну попытку примирения, отправив послов в Торжок к князю Ярославу, который насмешливо спросил, о каком мире Мстислав может говорить, когда на одного его человека у Ярослава сто? ⁶⁷

Новгородцы предлагали пойти на Торжок, но Мстислав решил перенести войну на территорию противника: «Если прямо пойдем, то Ярослав разорит Торжок и пожжет все села области Новгородской, и будет вред более приобретения, ибо он не оставит после себя, не разорив. Но лучше идти около в область Ярослава, которую он оборонять не оставит, и тогда увидим, что Бог даст» ⁶⁸. Войска Мстислава двинулись вглубь владений Ярослава, в сторону Твери, разоряя и сжигая села на своем пути. Ярослав, узнав о нападении на его земли, был вынужден оставить Торжок и уйти в Тверь.

Союзники разоряли городки по Волге, когда ростовский князь Константин Всеволодович, старший сын Всеволода Большое Гнездо, лишенный отцом великокняжеского престола в пользу младшего брата Юрия и к тому же женатый на дочери Мстислава Романовича (который в 1212 г. с помощью Мстислава Мстиславича занял киевский престол), прислал к ним своего воеводу. Константин обещал выставить 500 дружинников против своих младших братьев Ярослава и Юрия ⁶⁹. Карамзин предполагал, что в результате последовавших пе-

реговоров «Мстислав заключил тайный союз с Константином и дал ему слово возвести его на престол Владимирский» ⁷⁰.

А Ярослав тем временем отступил в свой удел Переславль, куда ему на помощь из Владимира выступил брат Юрий. Туда же, в свою очередь, направились Мстиславичи, Ростиславичи и Константин со своими дружинами. Ярослав из Переяславля спешил на встречу к Юрию, за ним следовали его противники. Силы противоборствующих сторон встретились под Юрьевом-Польским, где и состоялось сражение, которое вошло в историю под названием Липицкая битва.

Мстислав в канун решающей схватки предпринял попытку поссорить Ярослава с его союзником Юрием, отправив к последнему посла со словами: «Клянемся, от тебя нам нет обиды, обида нам от Ярослава». На это Юрий ответил, что он заодно с братом Ярославом ⁷¹. Тогда Мстислав, понимая что теперь все зависит от воли Ярослава, в очередной раз попробовал уладить дело миром и послал к нему переговорщика, предлагая на прежних условиях (возвращение захваченных новгородских владений и освобождение заложников) не допустить кровопролития. Ярослав заносчиво отказался, обещая не только не возвращать захваченное, но и казнить всех новгородцев, насмехаясь над «великой глупостью» Мстислава и его союзников, попавших в безвыходное положение «как рыба, оказавшаяся на суше» ⁷².

Тогда союзники предприняли последнюю попытку уладить конфликт и отправили посольство к обоим князьям. Очевидно, что столь настойчивые попытки переговоров младшие Всеволодовичи восприняли как проявление слабости и бросили вызов Константину, которому их противники требовали отдать Владимир: «победи нас, и вся земля твоя будет» ⁷³. Теперь все возможности договориться миром были исчерпаны, и все должна была решить битва. Юрий и Ярослав были полностью уверены в своей победе, полагаясь на собранное со всей владимирской земли многочисленное воинство ⁷⁴.

Впрочем, и среди владимирских бояр были люди здравомыслящие и осторожные. Один из них посоветовал князьям не смотреть на малочисленность войска противника и не забыть, что Ростиславичи — князья мудрые и храбрые, что новгородцы, псковичи и смоляне усердны в бою, что князю Мстиславу «от Бога дано храбрости больше всех и есть у него мужи зело храбрые и великие богатыри как львы и как медведи, не чувствующие на себе ран...» ⁷⁵ Эти слова не были услышаны. Боярина обвинили в том, что он от старости выжил из ума. Владимирские бояре убеждали своих князей, что никто не сможет им противостоять: даже если вся Русь вместе с половцами объединится против земли суздальской, то они врагов закидают седлами и побьют одними кулаками ⁷⁶.

Дружины противоборствующих сторон расположились на противоположных высоких холмах (названных летописцем «горами»), между которыми лежал труднопроходимый заболоченный буерак («дебрь»). Опять послали к Юрию Всеволодовичу с предложением или взять мир, или выбрать место, удобное для сражения. Это предложение также было отвергнуто. Всеволодовичи чувствовали себя уверенными на вершине неприступного холма, который они укрепили как крепость кольями и плетнями. Они в ответ передали: «Пойдите через болото и дебри эти, обычно свиньи так делают и в грязи валяются» ⁷⁷.

На совете князей перед битвой Мстислав Мстиславич предложил, несмотря на неблагоприятный для нападения рельеф местности, атаковать позиции противника: «гора нам не поможет, и не победит нас, ибо нам есть вся помощь от Бога. Бог дает помощь каждому по правде. Так пойдем на них, ничего не боясь»⁷⁸.

Новгородцы и псковичи со своими князьями заняли центр позиции. Напротив них выстроил свои полки Юрий. Перед сражением Мстислав вдохновлял полки на бой, призывая не думать о бегстве, забыть о семьях и умереть друг за друга⁷⁹.

Летописец красочно описывает последние минуты перед боем. Полки сходились, испытывая ужас перед тем, что люди одного рода и племени будут проливать кровь не за что. День был солнечный и очень знойный. Внезапно подул сильный ветер, раздались беспрестанные раскаты грома, засверкали страшные молнии. И всем стало страшно. Дружины стояли друг против друга, не нападая, но и не желая мира, рассвирепев, словно звери⁸⁰.

Новгородский летописец, восхищенный мужеством своих земляков, о сражении сообщает только одну подробность: новгородцы заявили Мстиславу, что не хотят погибать верхом и, сойдя с коней, сняв штаны («порты») и сапоги, босые бросились в атаку на полки Ярослава Всеволодовича⁸¹. Никоновская летопись, несмотря на то, что в ней содержится более подробное описание этой битвы, про такую примечательную подробность не упоминает.

Причина столь странного поведения новгородцев объясняется тем, что преодолеть верхом заболоченный и заросший кустарником буерак и подняться по скользкому от размытой ливнем грязи склону крутого холма пешим было проще, чем конным. И босиком это было сделать удобнее, чем в сапогах. Об этом свидетельствует летописец, описывая, как конь под ведущим в атаку новгородцев воеводой застрял в буераке, и они, не дожидаясь пока тот выберется, сами бросились в атаку⁸².

Видя, что нападавшим способствует успех, и они уже громят врагов на вершине горы, Мстислав бросил в атаку, решившую исход битвы, конную дружину. Никоновская летопись, описывая это сражение, в котором «лилась кровь как вода», сообщает, что Мстислав Мстиславич со своими полками трижды проходил сквозь полки Юрия и Ярослава и «сам был крепок и мужественен и великую силу имел и усердство, нещадно секая топором». В какой-то момент боя на Мстислава напал не узнавший его знаменитый ростовский богатырь Александр Попович, находившийся на службе у Константина Всеволодовича. Чуть было не рассек он его мечом, но Мстислав «возвопил», что он князь новгородский, и «так спас его Бог от смерти». Богатырь посоветовал Мстиславу не рисковать самому жизнью в бою, а руководить полками, так как, если князя убьют, то и его войско погибнет⁸³.

Видя, что противник побеждает, Ярослав, а за ним Юрий и другие князья бежали, а их полки были разбиты наголову. Говоря о результатах сражения, новгородский летописец пишет о таком бесчисленном числе убитых и пленных, что не увидеть, не помыслить, невозможно⁸⁴.

Одной из главных причин разгрома Всеволодовичей стал низкий моральный дух их войск — мобилизованные князьями крестьяне не

желали умирать за то, чтобы Ярослав отомстил новгородцам за якобы нанесенные ему обиды. А для новгородцев поражение в этом сражении означало не только гибель их самих, но и последующее возмездие для их близких. Поэтому они сражались, не зная страха, чем вселили во врага ужас, который привел к паническому бегству с поля боя.

Победители не преследовали разбегавшихся в разные стороны врагов, а занялись грабежом обоза и сбором трофеев на поле боя. Мстислав призвал «братьев новгородцев» не искать «корысть», а продолжить сражение, указывая на то, что недобитый противник может вернуться и нанести им поражение⁸⁵. Но его не слушали.

Только на следующий день союзники покинули поле битвы и выступили на Владимир. Они окружили город, в котором той же ночью начался пожар. Возможно, его устроили сторонники Константина Всеволодовича⁸⁶. Костомаров перечислил все три возможных варианта: «случай», «зажигательство в пользу осаждающих или метание огня через стену»⁸⁷.

Новгородцы хотели воспользоваться тем, что во Владимире вспыхнули пожары, и пойти на штурм, но Мстислав не позволил это сделать⁸⁸. «Он [Мстислав] не желал побеждать пользуясь несчастьем ближних, не желал извлекать из этого несчастья выгоды для себя; только победа в открытом и честном бою имела для него силы и привлекательность»⁸⁹.

На следующий день Юрий Всеволодович, который накануне призывал владимирцев оборонять город, вышел просить мира. Приняв капитуляцию, союзники отправились к Переяславлю, в котором находился Ярослав. Он последовал примеру брата и сдался на милость победителей. Несмотря на богатые дары и мольбы о прощении Мстислав послал забрать свою дочь и оставшихся в живых заложников новгородцев⁹⁰.

Ярослав отправил Мстиславу челобитную, уговаривая вернуть ему жену, прося прощения, утверждая, что его раскаяние искреннее. Но Мстислав не вернул ему дочь, ответив: «услышим и подумаем насколько истинно раскаяние твое»⁹¹.

Победа в этой войне имела для Новгорода «высокое нравственное значение», показав, «что нельзя безнаказанно нарушать его права и самостоятельность»⁹². «С оружием в руках новгородцы отстаивали свою вольность, которая отныне делается вполне законным его [Новгорода] достоянием»⁹³.

Липицкая битва принесла Мстиславу славу — никто не наносил такого поражения Владимиро-Суздальской Руси. Это была вершина его жизненного пути: «никогда уже не пользовался он таким влиянием и уважением как в то время»⁹⁴.

Одержав блестящую победу над младшими Всеволодовичами, Мстислав вернулся в Новгород, где пробыл недолго. Оставив в городе жену и сына Василия и взяв с собой нескольких бояр (как полагает Соловьёв в качестве заложников безопасности своей семьи), он отбыл в Киев (1217 г.)⁹⁵.

Видимо, причиной отъезда стали галицкие дела: «Мстислав Мстиславич, возвратясь в Новгород, жалея о Галицком княжении и не могши без плача слышать частых от галичан жалоб, не долго медля, поехал из Новгорода в Киев, чтоб со Мстиславом Романовичем о том

советоваться и стараться Галич от такого утеснения избавить»⁹⁶. Галичане жаловались на притеснение со стороны захвативших город венгров.

В Киеве князья долго совещались о том «как бы галичанам помощь учинить и от насилия венгров избавить». Но, из-за вражды с черниговскими князьями пойти войной на Галич не рискнули и ограничились посольством к венгерскому королевичу Коломану с требованием не притеснять галичан в вере, а самому обратиться в православие, «ибо того его неисполнения и русских в вере утеснения князи русские терпеть ему не будут». Коломан в ответ от принятия веры отказался, а жалобы галичан назвал клеветой⁹⁷. Мстислав Мстиславич вынужден был возвратиться в Новгород.

В Новгороде он арестовал одного из бояр и захватил его имение. На следующий год подобную расправу Мстислав учинил в Торжке. Впрочем, схваченные по его приказу бояре впоследствии были выпущены на свободу. Как князь распорядился присвоенным имуществом бояр — неизвестно⁹⁸.

В том же году Мстислав созвал вече и сказал новгородцам: «Клянюсь святой Софии, гробу отца моего и Вам; хочу поискать Галича, а вас не забуду; дай мне бог лечь подле отца у святой Софии». Новгородцы настойчиво упрасивали князя остаться, но так и не смогли удержать его (1218 г.)⁹⁹. Так закончилось княжение Мстислава в Новгороде, которое, по словам Бузескула, «было блестящей и лучшей порой во всей истории этого города»¹⁰⁰.

Мстислав покинул Новгород навсегда. Начался заключительный этап его жизни, который был связан с Галичем. Галицко-волынская летопись говорит о двух походах Мстислава на Галич. Первый она относит к 1217 г., указав, что Мстислав пришел с половцами, а из Галича «вышел Филя (венгерский полководец Фильней. — А.Н.) со многими уграми и ляхами, взяв с собою галицких бояр», не сообщая ни о сражении, ни о его результатах¹⁰¹.

Второй поход — в записи под 1219 г., в которой речь идет о захвате Галича Мстиславом в 1221 году. В ней говорится о том, что была «жестокая битва», в которой победил Мстислав. Венгры и поляки бежали, было убито множество из них и захвачен венгерский военачальник «величавый Филя». После этого была битва у городских ворот, осада церкви, превращенной, по приказу Коломана, в цитадель, защитники которой сдались, страдая от голода и жажды. Подводя итоги битвы, летописец пишет: «... все ляхи и угры были перебиты, а некоторые взяты в плен, а другие, убегая, утонули или же были убиты смердами, но никто из них не спасся»¹⁰².

Крайняя скудость описания придворного летописца Даниила Романовича объясняется тем, что сам Даниил в этих событиях не участвовал. То, что он не пришел на помощь своему тестю в решающей битве за Галич, летописец объясняет тем, что князю помешали поляки, которые его задержали¹⁰³. Но, как только Мстислав одержал победу и занял галицкий престол, Даниил тут же приехал к нему¹⁰⁴.

НПЛ сообщает о захвате Мстиславом Галича в 1219 г., не добавляя никаких подробностей сражения за город¹⁰⁵. Лаврентьевская летопись упоминает о том, что Мстислав овладел Галичем в 1221 году¹⁰⁶. Согласно Никоновской летописи, походов Мстислава на

Галич было три: первый — в 1218 г., второй — в 1219 г., третий — в 1221 году.

В ходе первого похода в 1218 г. состоялась битва под стенами Галича, в которой Мстислав и смоленский князь Владимир Рюрикович разбили венгеро-польско-чешское войско, взяли Галич, пленили венгерского королевича, которого затем отпустили, заключив мир с королем. В том же году венгры «выгнали» Мстислава, вновь посадив королевича ¹⁰⁷.

В 1219 г. Мстислав, которого летописец называет торческим князем (видимо, Мстислав, изгнанный из Галича, не вернулся в Новгород, а сел в Торческе), с киевским князем Мстиславом Романовичем и половцами предпринял попытку отбить Галич. Союзники полдня бились под стенами Галича и «разошлись по земле воевать, много зла сотворили, города и села пожгли и взяв большой полон ушли восвояси» ¹⁰⁸.

И, наконец, о третьем походе в 1221 г. летописец пишет буквально следующее: Мстислав разбил множество венгров, пленил королевича и сел в Галиче ¹⁰⁹. Никаких подробностей об имевшей место под Галичем грандиозной битве, в которой участвовала, с одной стороны, коалиция русских князей и половцы, с другой, поляки, венгры и галичане, и эта летопись не сообщает.

Татищев также описывает три похода с участием Мстислава на Галич. В отличие от Никоновской летописи, говоря о походе 1218 г., Татищев сообщает, что королевич Коломана не был пленен, а бежал в Венгрию после жестокого боя близ Галича с дружинами Мстислава и его братича Владимира Рюриковича смоленского. В ходе сражения Коломану показалось, что галичане, сражавшиеся на его стороне, «не бились как надлежит», и венгерский королевич бежал, опасаясь того, что они переметнутся на сторону Мстислава. Но уже через три месяца Коломан вернулся из Венгрии с «великим войском». «Мстислав, видя, что удержаться трудно, вышел из Галича» и с Владимиром Рюриковичем возвратился в Смоленск, а в Галиче вновь сел Коломан. «И было от венгров галичанам тяжелее, нежели прежде» ¹¹⁰.

В 1219 г. киевский князь Мстислава Романович, «с братаничем своим Мстиславом Мстиславичем и другими князьями, собрав войска, пошли к Галичу. А королевич, не смея против их выйти в поле, укрепился в Галиче». Русские князья полдня штурмовали город, но решив, что Галич им не взять, «пошли по области, многие села и города пожгли и сколько венгров где нашли, побрав в плен, возвратились». Больше всего от этого набега пострадали галичане, которым и от венгров и от русских было «тяжелое утеснение и разорение» ¹¹¹. Видимо после этих событий Мстислав заключил с Коломаном мирный договор ¹¹².

Причиной следующего похода, который Татищев относит к 1220 г., было обращение галичан к великому князю Мстиславу Романовичу с жалобой на королевича Коломана, который, «преступив свое клятвенное обещание, веру их порицает, церковь соборную в латинскую обратил и священников оной изгнал, многих бояр и купцов богатых замучил, имение их ограбил, а иных и умертвил, понуждая к вере папешской» ¹¹³.

Великий князь «созвал всех князей на совет в Киев и, объявив им все о галичанах, требовал их совета и помощи. Они же после довольно рассуждения согласились все идти на Галич и прилежать

онный от папистов освободить, посадить русского князя или принудить Коломана принять веру русскую, а папистов всех выгнать»¹¹⁴. Таким образом, *casus belli* для объявления войны с целью захвата Галича был найден.

Мстислав Мстиславич послал Коломану ультимативное требование принять православие и изгнать католических священников, в противном случае грозя объявлением войны. Коломан послал за помощью к отцу и польскому князю, которые немедленно пришли к Галичу «с великими войсками». Под началом великого князя киевского Владимира Рюриковича было 50 тыс. воинов, 17 русских князей и 25 тыс. половецких наемников¹¹⁵. О численности войск противной стороны Татищев не сообщает.

Первая стычка передовых сил состоялась на реке Сыреть, где Мстислав Мстиславич с Ростиславом Мстиславичем разбили венгерскую стражу. Затем состоялась битва основных сил. Сначала поляки напали на Мстиславичей и почти их разбили, но пришедшие на помощь половцы принудили их остановиться. В центре шла «прежестокая битва» между венграми и дружинами под командованием Владимира Рюриковича. Мстислав Мстиславич, «видя своих многих уже побитых», поручил Ростиславу удерживать поляков, взял лучших 2000 половцев и свою дружину, обошел врагов и напал на них с тыла. Поляки, были разбиты. Победители прибегли к военной хитрости: захваченное польское знамя оставили поднятым. Поляки, думая что под ним собирает полки князь Лешек, устремились к нему, «а русские ловили их, как птиц на притраве»¹¹⁶.

В это время на другом фланге черниговский князь Мстислав Святославич разбил галичан и зашел в тыл венграм. Королевич Коломан вынужден был отступить в Галич. В бою венгров погибло более 20 тыс., в плен взято 3 тысячи. Поляков погибло 3 тыс., еще больше попало в плен. Погибли два русских князя, более 3 тыс. русских и половцев до тысячи. «Многие же князи русские ранены были. Князь великий пробит был копьем в бедро, Владимир Рюрикович двумя стрелами уязвлен и в ногу копьем, Мстислав Мстиславич двух коней погубил, но от раны Бог избавил»¹¹⁷.

Союзники подступили к стенам Галича и на протяжении 17 дней штурмовали их, одновременно запрудив реку и оставив город без воды. «И когда воду от города отняли, в тот же день учинился жестокий в городе пожар, а полки шли на приступ». Коломан вынужден был прислать послов просить мира. Великий князь согласился на мир на условиях отречения Коломана и его отца от Галича и выплаты 14 тыс. гривен (более 3 т серебра).

Победители разделили между собой захваченную добычу и трофеи: «Галич же отдали за показанную храбрость Мстиславу Мстиславичу, польских пленников Владимиру Рюриковичу за многие его беды. Он же взял за них 2000 гривен серебра. И так все разошлись, каждый в свое владение, а половцев князь великий, одарив и дав им по договору обещанное из пожитков венгерских и польских, отпустил чрез поля, а Коломана [до получения выкупа] послал с достаточною стражею в Торческ»¹¹⁸.

Дополняет подробностями, неизвестными Татищеву, описание этой битвы польский хронист Ян Длугош. Согласно Длугошу, воен-

ные действия начались по инициативе венгерского короля, который, «стыдясь изгнания своего сына Коломана из Галицкого королевства... с большим тщанием и не жалея денег, подготовил большой поход на Русь»¹¹⁹.

На помощь венграм князь Лешек Белый прислал «значительное войско из польских воинов». Союзники соединились под стенами Галича. Венгерское вел Аттила Фильня (Филя по Ипатьевской летописи), польское — «выдающийся военачальник» из Кракова Николай. Им навстречу выступили четыре русских князя: Мстислав Мстиславич, Владимир Рюрикович, Ростислав Давидович и Ростислав Мстиславич, а также «огромное» половецкое войско, «вдвойне превосходившее по числу и венгров, и поляков». Коломан приготовил к обороне городские стены, а внутри города была возведена цитадель вокруг церкви Святой Марии. Оставив в городе гарнизон из «наиболее храбрых воинов», союзники выступили из Галича и напали на противника¹²⁰.

Поляки разбили и обратили в бегство войско Владимира Рюриковича. Преследуя отступающих, «многих поражая и беря в плен», они думали, что уже одержали полную победу. В это время им в тыл ударил Мстислав с половцами и «без труда их разбил и уничтожил». В плен попал командующий венгерским войском воевода Фильней. Потерявшие военачальника венгры «пали духом и были совершенно уничтожены половцами». Тем временем поляки, завершив преследование, возвратились с добычей, «ведя с собой великое число пленников, не зная о поражении, постигшем венгров и галичан, и распевая родные песни в уверенности, что одержали полную победу», и неожиданно для себя попали в окружение.

Длугош красочно описал последствия побоища, закончившегося резней побежденных: «Число погибших нельзя было даже сосчитать, так что реки стали красными от крови, а стенания умирающих и раненых были слышны в галицкой крепости. Непогребенные трупы убитых лежали, как песок, и не было вокруг Галича никого, кто мог бы похоронить павших. Половцы же завладели множеством ценной добычи: конями, оружием, одеждами, уведя также в свою землю множество венгров и поляков, которым предстояло вечное рабство. А Мстислав Мстиславич, одержав победу и гордо злоупотребив победой, приказал своим русским не оставлять в живых ни одного венгра или поляка»¹²¹.

Затем наступил черед Галича, в котором затворился гарнизон во главе с королевичем Коломаном. Трижды Мстислав пытался уговорить осажденных открыть ворота и сам, и с помощью пленного воеводы Фильней и некоего Дмитрия. Началась осада. Осаждавшие сделали подкоп, ночью проникли за стены и открыли одни из городских ворот. Узнав о том, что противник вошел в город, королевич Коломан с женой и лучшими воинами укрылся в укреплении вокруг церкви Святой Марии. Через некоторое время он, мучимый жаждой и голодом, был вынужден сдаться на милость победителя, получив обещание, что ему сохранят жизнь. Пленных Мстислав раздал половцам и своим дружинникам, а самого королевича под охраной направил в Торческ.

«Когда вестника о таком поражении привели к венгерскому королю, тот, пораженный глубоким горем, ударяя себя кулаком в лоб,

дал волю слезам, оплакивая свое столь позорное поражение». Король Андраш II послал посольство к Мстиславу, требуя отпустить сына и пленных, угрожая войной. Мстислав, не испугавшись его угроз, в ответ пообещал разбить венгров, если они явятся. Тогда король, прислушавшись к совету придворных, умерил свой гнев и послал второе посольство, в этот раз, предлагая мир на устраивавших Мстислава условиях. Отдельное посольство прибыло и от королевы, которая умоляла отпустить ее сына. «Мстислав же, опасаясь, что, если он отпустит Коломана, то против него возобновится война, отказался освободить Коломана»¹²².

Отметив победу в Киеве у князя Мстислава Романовича, где, по утверждению Длугоша, он провел много дней в празднествах и удовольствиях, Мстислав вернулся в Галич и стал в нем княжить¹²³. Галицкое княжение Мстислава продолжалось шесть лет — до 1227 года.

В 1223 г. к Мстиславу в Галич прибыло посольство от его тестя хана Котяна с дарами для русских князей: «кони и верблюды и буйволы и девки». Котян молил Мстислава помочь против врагов, которые «сегодня нашу землю отняли, а завтра вашу отнимут». Мстислав обратился к русским князьям со словами: «братья если мы им [половцам] не поможем, то они соединятся с ними [Ордой] и их сила будет больше»¹²⁴.

На совете князей в Киеве было принято решение помочь половцам. Соединенные рати, во главе которых стояли «старшие Русской земли» три князя Мстислава (Мстислав Романович киевский, Мстислав Святославич черниговский и Мстислав Мстиславич галицкий), двинулись в степь¹²⁵. Русско-половецкие полки, вступая в стычки с передовыми отрядами противника, дошли до реки Калка, где и состоялась битва с основными силами Орды.

Некоторые историки полагают, что одной из причин поражения в этой битве было то, что Мстислав возжелал «один воспользоваться честью победы» и напал на врага, не поставив в известность других князей¹²⁶. Галицко-волынский летописец обвинил в том, что часть русских дружин не приняла участия в битве, Мстислава. Но причиной этого, по его мнению, были не амбиции, а ссора между князьями¹²⁷. Новгородский летописец не обвиняет Мстислава «в зависти» и не говорит о вражде между старшими князьями. Действительно, всех трех Мстиславов связывали длительные отношения: Мстислав киевский был обязан Мстиславу галицкому своим престолом. Мстислав черниговский участвовал вместе с ним в битве под Галичем в 1221 году. Делить между собой им было нечего. По версии НПЛ, в поражении в битве на Калке виноват Мстислав киевский, который, видя отступающие под натиском ордынцев русские дружины, не пришел им на помощь, оставшись в своем укрепленном лагере¹²⁸.

Татищев также пишет о конфликте между двумя Мстиславами. Согласно его описанию битвы на Калке, Мстислав шел с передовыми полками, когда показались главные силы Орды. Ему посоветовали отступить к полкам великого князя, но он, надеясь на свою храбрость, а больше из несогласия с Мстиславом киевским, не дав ему знать о приближении противника, решил дать бой самостоятельно¹²⁹.

Но, когда Мстислав увидел великое множество врагов, он направил гонца к великому князю, призывая его идти со своей дружиной на помощь. «Великий князь вельми тем оскорбился, что Мстислав без воли его и согласия так далеко ушел», и прислал сказать, что на помощь прийти не успеет ¹³⁰.

Не дождавшись поддержки от киевского князя, половцы и их русские союзники вынуждены были отступить к Днепру. Мстислав Мстиславович с остатками своей дружины переправился на другой берег. Классики отечественной истории приписывают ему приказ порубить все ладьи, чтобы оторваться от преследователей. Татищев объясняет поступок Мстислава «беспамятством», Карамзин ссылается на то, что на него повлияло «ужасное непостоянство судьбы» ¹³¹.

Очевидно, что история про порубленные ладьи — вымысел. Ни Лаврентьевская летопись, ни Галицко-Волынская об этом эпизоде не сообщает. Новгородский летописец пишет, что ладьи только оттолкнули от берега, не указывая на то, что это было сделано по приказу Мстислава ¹³².

Если предположить что Мстислав действительно распорядился уничтожить ладьи, то скорее его действия были вызваны не страхом преследования, а стремлением спасти жизни отступающих ратников, что было единственно верным решением в данной ситуации. Кроме того, отрезав путь к отступлению своим союзникам, которые не принимали участия в битве, наблюдая за ней со стороны, Мстислав тем самым вынуждал их принять бой. Ведь, если бы князь Мстислав Романович, который был обязан своим киевским престолом Мстиславу Мстиславичу, ударил во фланг и тыл ордынцам, преследовавшим его отступавших воинов, исход сражения мог быть совсем другим. Впрочем, Мстислав Романович боя не принял и предпочел сдаться, поверив ложным обещаниям, чем обрек на бесславную гибель себя и всех, кто был под его началом.

Последний этап жизни князя, по словам Бузескула, явил не того Мстислава, который был героем Липицы. «Не подвигами и проявлением блестящих качеств, а напротив, колебаниями, ошибками и признаками какой-то слабости богата эта эпоха жизни славного князя». И причиной этого, якобы, стало следующее: «На берегах Калки Мстислав потерял не только свою дружину, но и славу победителя, веру в себя и в свое счастье» ¹³³.

После этой битвы разгорелся конфликт между Мстиславом и его зятем Даниилом. Уже сам факт того, что Мстислав завладел Галичем, делал его соперником Даниила Романовича, который считал, что город принадлежит ему по праву наследования. Но только после событий на Калке, в которых Даниил проявил себя не с лучшей стороны, бежав с поля боя, до этого скрытый конфликт перешел в активную стадию. В 1225 г. давний противник Даниила, его двоюродный брат Александр Бельзский убедил Мстислава присоединиться к походу против Даниила. Отряд, посланный Мстиславом, был разбит, и Даниил со своими союзниками-поляками начал опустошать галицкую область. В ответ Мстислав обратился за помощью к своему тестю хану Котяну. Большое половецкое войско во главе с ханом пришло на Русь. Тогда Даниил предложил уладить дело миром. Мстислав простил зятя и одарил его богатыми подарками. Он простил и Александ-

ра Бельзского, которого обвинили в том, что война между Мстиславом и Даниилом началась из-за его интриг ¹³⁴.

Тем временем в Галиче один из бояр убедил остальных, что Мстислав задумал привести против них половцев. Бояре бежали из города. Мстислав послал за ними своего духовника, который убедил беглецов вернуться. Виновник инцидента, боярин Жирослав, был в наказание изгнан (1226 г.) ¹³⁵.

Мстислав, укрепляя свои позиции в Галиче, в котором многие бояре были настроены провенгерски, выдал свою младшую дочь Марию за венгерского королевича Андрея [Андраш Галицкий], дав за ней в приданное город Перемышль ¹³⁶. Придворный летописец Даниила Романовича утверждал, что это было сделано «по совету лукавых бояр галицких» ¹³⁷.

Это событие отражает политическую ситуацию в Галиче после его захвата Ростиславичами, посадившими на княжеский престол своего ставленника Мстислава. Галицкий нобилитет, контролировавший вече, добивался реализации своего права свободного выбора князя, и его симпатии к этому времени были на стороне венгерского короля Андраша II, а не узурпатора Мстислава. Поэтому, несмотря на попытку Мстислава загладить конфликт заключением династического брака своей дочери с сыном венгерского короля, галицким боярам удалось спровоцировать очередную войну с венграми (1226—1227 гг.). Королевич Андрей из Перемышля бежал в Венгрию и начал собирать войско. Его отец, король Андраш II, двинулся на галицкие земли. Мстислав выступил навстречу. Венгры взяли два города. В битве под Звенигородом Мстислав разбил их. «Король пришел в смятение и ушел без промедления из этой земли» ¹³⁸.

Несмотря на эту победу Мстислав, убедившись в том, что ему не дадут править в Галиче, передал княжение венгерскому королевичу Коломану, а сам удалился в Торческ (1227 г.). Карамзин называет это беспрецедентным случаем и обвиняет Мстислава в легкомысленности ¹³⁹. Галицко-волынская летопись утверждает, что принять такое решение Мстислава убедили галицкие бояре, которые внушили ему мысль о том, что он не сможет княжить в городе, где его не хотят. А сам Мстислав больше всего желал отдать Галич своему любимому зятю Даниилу. Но бояре не позволяли этого сделать, говоря ему: «Если отдашь королевичу, то, когда захочешь, сможешь взять у него. Если отдашь Даниилу, не будет вовек твоим Галич» ¹⁴⁰.

Чем же руководствовался Мстислав, добровольно передавая Галич венгерскому королевичу? Было ли это проявлением слабости и неискушенности в политических делах или корыстным расчетом, основанным на надежде снова приобрести утраченное? А, может быть, в данной ситуации Мстислав просто действовал как последовательный сторонник приоритета вечевого права над княжеской властью?

Власть венгерской короны более отвечала интересам галичан, гарантируя им беспрецедентные для своего времени экономические и политические свободы. Каламан, заняв галицкий престол, должен был распространить на галицкое боярство положения подписанной его отцом в 1222 г. «Золотой буллы» (аналога английской Великой хартии вольностей), на основании которой венгерская и хорватская знать получила освобождение от уплаты налогов, и «Закон Андраша» от 1224 г.,

по которому трансильванские саксонцы получали самоуправление. Ничего подобного этим правовым актам, ограничивающим власть князя и гарантирующим права местной знати, на Руси не существовало. И, в этом смысле, передавая княжескую власть венгерскому королевичу, Мстислав действовал как мудрый и дальновидный политик, для которого общественные интересы были выше личной выгоды.

Впрочем, нельзя исключить, что, передавая галицкий престол своему венгерскому зятю, Мстислав продолжал «рубить лады». Своему волынскому зятю он отказал в Галиче, потому что Даниил Романович, несмотря на то, что накануне был осыпан богатыми дарами в знак примирения, не пришел Мстиславу на помощь, когда началась очередная война с венграми. От обязательств перед смоленскими Ростиславичами Мстислав Мстиславич, очевидно, счел себя свободным. Мстислав Романовича погиб в битве на Калке. Его приемника на великокняжеском столе в Киеве Владимира Рюриковича, участника Липецкой битвы, Мстислав считал товарищем, но не своим сюзереном. Оставить Галич своим сыновьям Мстислав не решился, потому что понимал, что они его не смогут удержать.

Галицкий летописец утверждает, что Даниилу все же удалось убедить тестя в том, что «иноплеменники» не должны владеть Галичем, и Мстислав даже пообещал ему призвать на помощь половцев и совместными усилиями вернуть город Даниилу ¹⁴¹. Но, даже если это действительно было так, сдержать свое обещание Мстислав не смог. Он умер в 1228 г. по пути в Киев, перед смертью постригшись в монахи и приняв схиму ¹⁴². По Длугошу, Мстислав скончался на пути из Познесья (Подолья) в Торческ и был погребен в киевской церкви Святого Креста, «которую сам построил» ¹⁴³.

Придворный летописец Романовичей сообщает, что перед смертью Мстислав «очень желал видеть сына своего Даниила... Мстислав хотел поручить свой дом и своих детей князю Даниилу, ибо имел он к нему великую любовь в своем сердце». Но этим намерениям помешали коварные галицкие бояре ¹⁴⁴.

НПЛ о смерти князя, которого всего лишь десятилетие тому назад новгородцы не хотели отпускать, клянясь ему в верности, не упоминает.

Соловьёв подводит итоги жизни Мстислава словами: «князь знаменитый подвигами славными, но бесполезными» ¹⁴⁵. На первый взгляд, такая оценка соответствует действительности. Свое восхождение к славе Мстислав начал как победитель «поганых» половцев, а закончил как их союзник. Боролся за вечевые свободы, но оказывался жертвой интриг противоборствующих боярских группировок. Был бесстрашным воином, а умер с репутацией труса, бежавшего с поля боя. Нарушил завещание Всеволода и освободил Новгород от его сыновей, но вскоре там все вернулось на круги своя. Изгнал венгра из Галича, но потом добровольно вернул его.

Следует отметить еще одно обстоятельство, возможно, имеющее отношение к оценке деятельности Мстислава. Имя Мстислав было одним из родовых имен Рюриковичей, широко распространенным у Мономаховичей. После смерти Мстислава Мстиславича оно вышло из употребления. Было ли это просто вопросом изменения вкусов или связано с тем, что имя Мстислав приобрело негативный смысл?

Не следует забывать, что Мстислав, занимая низкое место в княжеской иерархии, всегда был лишь исполнителем чужой воли — своего сюзерена или вечевого собрания. Поскольку у него не было наследственного удела, его поведение разительно отличалось от поведения главных героев летописных сводов — князей-собственников определенных областей, которыми они распоряжались по своему усмотрению. Появление Мстислава в летописях было случайностью (о первой половине его жизни мало что известно) и поэтому диссонировало с образами воспетых придворными летописцами удельных властителей.

Так или иначе, но Мстислав вошел в историю как один из былинных богатырей, главными чертами которого были смелость, благородство и миролюбие — качества столь редкие для властителей и поэтому столь ценные и важные для потомков.

Примечания

1. Владимир Даль слово «удатный» толкует как «удалой, удалец, храбрый, смелый, доблестный, отважный, притом расторопный, толковый, которому в отваге всегда удача», приводя в пример сообщение Ипатьевской летописи «Мстислав великий, удатный князь, умре, летописн». ДАЛЬ В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб. 1882, с. 483.
2. КАРАМЗИН Н.М. История Государства Российского. Т. 3. СПб. 1818, с. 252.
3. СОЛОВЬЁВ С.М. Сочинения. Т. 2. Кн. I. М. 1988, с. 586.
4. БУЗЕСКУЛ В.П. Князь торопецкий Мстислав Мстиславич. — Журнал Министерства народного просвещения, ч. ССХХVIII. СПб. 1883, с. 217.
5. Там же, с. 216.
6. Там же, ч. ССХХVI, с. 221.
7. Карамзин предполагал, что Мстислав был сыном первой жены Мстислава Храброго, у которого было еще двое детей от второй жены. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 111, пр. 158.
8. Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. II. СПб. 1908, с. 609.
9. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., т. 2, кн. I, с. 708, прим. 388.
10. Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. I. М. 1997, л. 153об.
11. ЛИТВИНА А.Ф., УСПЕНСКИЙ Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М. 2006, с. 265.
12. Густынская летопись. ПСРЛ. Т. XL. СПб. 2003, л. 124об.
13. ПСРЛ, т. II, с. 731.
14. STRYJKOWSKIJ M. Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszyskiej Rusi. Warszawa. Т. I. 1846, с. 225.
15. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. ПСРЛ. Т. X. СПб.
16. «Дай мне бог лечь подле отца у святой Софии». НПЛ, л. 88об.
17. URL:<http://saintsofianovg.ru/drevnosti/nekropol-sofiyskogo-sobora>.
18. ПСРЛ, т. II, с. 677, 678.
19. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 639.
20. ПСРЛ, т. II, с. 697, 708.
21. НПЛ, л. 63об.
22. ПСРЛ, т. I, л. 141об.—142.
23. О том, что Мстислав был женат на дочери половецкого хана Котяна, пишет Ипатьевская летопись. ПСРЛ, т. II, стб. 747.
24. Там же, т. I, л. 145об.
25. Непонятно, почему Татишев называет Мстислава «младым», ведь даже если предположить, что он родился в 1180 г., то в 1208 г. ему уже было почти тридцать лет. А если предположить, что он был не младшим, а старшим сыном Мстислава Ростиславича или сыном Мстислава Изяславича — то около сорока. ТАТИШЕВ В.Н. Собр. соч. в 8 томах. История Российская. Т. III. М. 1994, ч. 2, с. 177.

26. Лаврентьевская летопись под 1209 г. называет Торопец волостью Мстислава. ПСРЛ, т. I, л. 148.
27. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 126.
28. БУЗЕСКУЛ В.П. Ук. соч., с. 235.
29. НПЛ, л. 73.
30. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 183.
31. НПЛ, л. 76.
32. Там же.
33. Новгородский летописец приводит слова из обращения Всеволода Юрьевича к Мстиславу: «... ты мне есть сын, а я тебе отец». Это указывает на то, что великий князь признает его своим вассалом. НПЛ, л. 76.
34. «Той же зимой великий князь Всеволод послал своего сына, Константина, с братьями его на Мстислава Мстиславича на Торжок. Мстислав же, узнав, что идет на него рать, ушел из Торжка в Новгород, а оттуда в Торопец в свою волость». ПСРЛ, т. I, л. 148.
35. Татищев приводит следующие слова Константина: «... новгородцы ныне от страха мира просят, а когда увидят, что мы более от них, нежели им терпеть можно, требуем, то конечно все совокупно, вооружась, будут себя оборонять. Тогда нам нужно их оружием принудить. Но кто может на великие войска и лучшие в бою порядки надеяться? И если им счастье выпадет, то мы примем стыд и вред, а они более возгордятся». ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 184 — 185.
36. НПЛ, л. 76.
37. Там же, л. 77.
38. КОСТОМАРОВ Н.И. Русская республика. М. 2014, с. 59—60.
39. НПЛ, л. 77—77об.
40. Там же, л. 77об.—78.
41. Там же, л. 78—78об.
42. Летописец Переяславля Суздальского. ПСРЛ. Т. XLI. М. 1995, л. 539.
43. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 189.
44. НПЛ, л. 79.
45. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 189.
46. Там же.
47. «Мстислав Мстиславич стал звать новгородцев на вече, но они не пошли, тогда он, перецеловавши всех, поклонился и пошел один с дружиною при смоленских полках». СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 588.
48. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 189.
49. «Мстислав Романович с братиею и племянниками победил полки Всеволодовы, много черниговских побили и в Днепре потопили; в плен взяли князей Ростислава и Ярополка Ярославичей со многими боярами. Всеволод ушел в Киев и, взяв княгиню с детьми, едва успел уехать за Днепр от гонящих за ним. А Мстислав Романович остановился у Вышгорода. И вышгородцы, отворив врата, просили его к себе во град, и приняли его с честью. В тот же день киевляне прислали к нему, как старейшему в братии, просили его, чтоб принял престол киевский, объявив, что Всеволод, часа не быв в Киеве, ушел». ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 190.
50. Там же, с. 191.
51. НПЛ, л. 80.
52. «Того же лета новгородцы выгнали от себя Мстислава Мстиславича, а Ярослава Всеволодовича привели к себе на стол». ПСРЛ, т. I, л. 150.
53. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 191.
54. Подробно об этом см.: БУЗЕСКУЛ В.П. О занятии Галича Мстиславом Удалым. — Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССХIV. СПб. 1881, с. 86—92.
55. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. ПСРЛ. Т. X. СПб. 1885, с. 72.
56. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 192.
57. НПЛ, л. 82—82об.
58. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 192.
59. «Новгород сколько вам, столько мне принадлежит, и есть нам вотчина. Я же зван был новгородцами и пришел к ним с честью, но они меня обидели, и не могу им не мстить, а с вами, как с братиею, дела никакого не имею». ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 192.
60. НПЛ, л. 82об.—83.
61. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 193.
62. ПСРЛ, т. X, с. 69—76.

63. НПЛ, л. 83—87.
64. ПСРЛ, т. I, л. 150—150об.
65. НПЛ, л. 82об.—83.
66. Там же, л. 83об.—84.
67. ПСРЛ, т. X, с. 69.
68. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 193.
69. ПСРЛ, т. X, с. 70.
70. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 154.
71. Летопись по Воскресенскому списку. ПСРЛ. Т. VII. СПб. 1856, с. 121.
72. Там же, т. X, с. 71.
73. Там же, т. VII, с. 121.
74. Там же, т. X, с. 71.
75. Там же.
76. Там же, с. 72.
77. Там же, с. 73.
78. Там же.
79. Там же, с. 74. Согласно Татищеву, князь, обращаясь к дружине, сказал: «Братия и сыновья, вот пришли мы в землю чужую искать мира и покоя, но противные никакого нашего умеренного и справедливого требования принять не восхотели. И вот пред нами полки их, нет нам иного способа к окончанию нашего дела, как положиться на правосудие и милость Божию, на которую и на правду нашу надеясь, станем крепко и дерзнем смело, не озираясь назад. Ибо не можем избежать смерти, разве храбростию и мужеством, ибо нужно нам жизни и честь оружием спасти и друг за друга пострадать. Забудем про жен, чад и все имение, но бодрствуем единодушно». ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 197.
80. ПСРЛ, т. X, с. 73—74.
81. НПЛ, л. 85об.
82. ПСРЛ, т. X, с. 74.
83. Там же.
84. НПЛ, л. 86.
85. ПСРЛ, т. VII, с. 123; т. X, с. 74.
86. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 710, прим. 413.
87. КОСТОМАРОВ Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей в 2-х книгах. Кн. I. М. 1995, с. 93.
88. НПЛ, л. 86.
89. БУЗЕСКУЛ В.П. Князь торопицкий..., с. 279.
90. Там же, с. 280.
91. ПСРЛ, т. X, с. 77.
92. КОСТОМАРОВ Н.И. Ук. соч., с. 94.
93. БУЗЕСКУЛ В.П. Князь торопецкий, с. 282.
94. Там же, с. 285.
95. НПЛ, л. 87; СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 598.
96. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 200.
97. Там же.
98. НПЛ, л. 87об.—88.
99. Там же, л. 88об.
100. БУЗЕСКУЛ В.П. Князь торопецкий..., с. 287.
101. ПСРЛ, т. II, с. 736.
102. Там же, с. 737—738.
103. Брак дочери Мстислава Анны с князем волынским Даниилом Романовичем, по Ипатьевской летописи, был заключен на следующий год после первого занятия Галича Мстиславом в 1216 году. ПСРЛ, т. II, с. 732.
104. Там же, с. 738.
105. «Поиде князь Мстислав и Владимир из Киева к Галичу на королевича, и вышли галичане против, и Чехи и Ляхи и Морава и Угры, и сошлись полками. И пособил Бог Мстиславу, и в город Галич въехал, а королевича пленил с женой, и взял мир с королем, а сына его отпустил, а сам сел в Галиче». НПЛ, л. 92.
106. «Мстислав Мстиславич бился с уграми и победил их, избив множество и королевича пленил». ПСРЛ, т. I, л. 152об.
107. Там же, т. X, с. 82.
108. Там же, с. 86.
109. Там же, с. 87.
110. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 207.

111. Там же, с. 209.
112. Татищев, говоря о событиях 1221 г., пишет о том, что Мстислав требовал от Коломана, в случае невыполнения им предъявленного русскими князьями ультиматума, объявить войну, отдав мирные грамоты. Там же, с. 210.
113. Там же, с. 210.
114. Там же.
115. Там же, с. 215.
116. Там же.
117. Там же.
118. Там же, с. 212.
119. ШАВЕЛЕВА Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. (Кн. I—VI). М. 2004, с. 354—357.
120. Там же.
121. Там же, с. 355.
122. Там же, с. 356—357.
123. Там же, с. 357.
124. НПЛ, л. 144.
125. «Лучше нам встретить их на чужой земле, чем на своей». ПСРЛ, т. II, с. 741.
126. «Мстислав Галицкий, желая один воспользоваться честью победы, не дал им [Мстиславу Романовичу и Мстиславу Святославичу] никакой вести о сражении. Сие излишнее славолюбие Героя столь знаменитого погубило наше войско». КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 239.
127. «Мстислав им не сказал о происходящем из-за зависти, потому что между ними была большая вражда». ПСРЛ, т. II, с. 743.
128. «Князь же Мстислав Киевский видя таковое зло, не двинулся с места, где стоял на горе над рекою Калкой». НПЛ, л. 145.
129. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 217.
130. Там же.
131. «А князь Мстислав Мстиславич и с ним Данил Романович, прибежав к Днепру, где ладьи стояли, переправился и в беспамятстве велел все ладьи порубить и сам, не ожидая многих за ним бегущих, ушел, боясь за ним погони». ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 218. «Мстислав Галицкий, испытал в первый раз ужасное непостоянство судьбы, изумленный, горестный, бросился в ладью, переехал за Днепр и велел истребить все суда, чтобы Татары не могли за ним гнаться». КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 239.
132. НПЛ, л. 145об.
133. БУЗЕСКУЛ В.П. Князь торопецкий..., с. 208—209.
134. ПСРЛ, т. II, с. 745—746.
135. Там же, с. 747.
136. По Густынской летописи, Мстислав выдал свою дочь Марию за королевича Белу. ПСРЛ, т. XL, л. 130.
137. Там же, т. II, с. 748.
138. Там же, с. 749.
139. «Случай беспримерный в нашей истории, чтобы Князь Российский, имея наследников единокровных, имея даже сыновей, добровольно уступал владение иноплеменику, согласно с желанием некоторых Бояр, но в противность желанию народа, не любившего Венгров. Легкомысленный Мстислав скоро раскаялся, и внутреннее беспокойство сократило дни его». КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., с. 254.
140. ПСРЛ, т. II, с. 750.
141. «Сын, согрешил я, что не дал тебе Галич, а отдал иноплеменику по совету лживого Судислава [галицкий боярин]; обманул он меня. Но если Бог захочет, пойдем на него. Я приведу половцев, а ты — со своими. Если Бог даст его нам, ты возьми Галич, а я — Понизье, а Бог тебе поможет». ПСРЛ, т. II, с. 752.
142. Там же, т. VII, с. 134; т. X, с. 94; т. XL, л. 130об.
143. ШАВЕЛЕВА Н.И. Ук. соч., с. 360.
144. ПСРЛ, т. II, с. 752.
145. СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., с. 606.

Брак и семья в Московской Руси в XVI—XVII вв.

М.С. Черкасова

Аннотация. В публикации показаны возможности расширения документальной базы для обновленного изучения проблем семьи и брака в Московской Руси XVI—XVII веков. Анализируются разные виды массовой документации, раскрываются демографические, правовые, социокультурные аспекты институтов семьи и брака.

Ключевые слова: традиционное общество, брак и семья, народный обычай и церковное регулирование.

Abstract. The work shows the possibilities of expanding the documentary base for updated studying the problems of the family and marriage in Muscovite Russia XVI—XVII cen. Examines the different types of media documentation, reveals the demographic, juridical, socio-cultural aspects of the institutions of marriage and family.

Key words: traditional society, marriage and family, folk custom and the church's control.

История семьи, частной жизни, диалогичность и дихотомия мужского/женского, гендерная история ныне все более привлекают ученых-гуманитариев, становятся предметом специальных и междисциплинарных исследований историков, демографов, культурологов, психологов, социологов, этнографов¹. Источниками для таких работ являются правовые и литературные памятники, епитимийные и назидательные сборники, исповедные и агиографические тексты, личная переписка, писцовые и переписные книги. И хотя по вопросу брака и семьи в средневековой Руси написано уже довольно много, есть возможность дальнейшего источникового расширения подобных исследований, поскольку целые пласты архивной документации остаются пока вне поля зрения ученых.

Это — венечные памяти («знамяна») и венечные разделы приходо-расходных книг архиерейских кафедр, челобитные архиереям о вступлении в брак или о разводе, «сказки» городских и сельских свя-

---

Черкасова Марина Сергеевна — доктор исторических наук, профессор Вологодского государственного университета. E-mail: mscherkasova@mail.ru.

Cherkasova Marina S. — doctor of the historical sciences, professor of the Vologda State University. E-mail: mscherkasova@mail.ru.

щенников о числе венчаний в их приходах, жалованные уставные и монастырские уставные грамоты, отпускные-выводные и разводные записи, «акты служилых землевладельцев» (рядные-сговорные, духовные, ввозные), записные пошлинные книги поповских старост. Значение для их разработки фондов центральных и региональных архивов трудно переоценить². Не потеряли свое значение и некоторые старые (дореволюционные) публикации.

Комплексный подход к источникам позволяет выделить различные аспекты проблемы семьи и брака — имущественно-правовые, социокультурные, демографические, раскрывает данные институты через призму канонического, церковного и гражданского права, сочетание народного обычая и церковного регулирования, макро- и микроистории, соотношения коллективного и индивидуального опыта матримониальных стратегий, публичного и приватного в повседневной жизни и русской культуре эпохи Средневековья и раннего Нового времени³. Так достигается более объемное, целостное понимание социальной истории, расширяются горизонты исторической антропологии, изучения человека во всех проявлениях его социальности.

Требуется уточнения мысль авторов Предисловия к сборнику переводов «Семья, дом, узы родства в истории» о том, что вплоть до XVIII в. православные священники не регистрировали в своих приходах браки и рождения детей⁴. На самом деле по ряду епархий сохранились в большом количестве вечные сборные книги попов, архиерейских «заказчиков» и старцев-казначеев за XVII в. (Новгородской, Ростовской, Великоустюжской, Вологодской)⁵. Они свидетельствуют об учете брачности (понимаемой как создание новых брачных пар — непереносимое условие дальнейшего демографического роста страны) задолго не только до введения метрической системы при Петре I, но и попытки Московского собора 1666—1667 гг. упорядочить учет в приходах браков, крещений и смертей⁶.

В различных актовых источниках и записных пошлинных книгах архиерейских кафедр нашли отражение отдельные аспекты исторической демографии — сроки крещения детей относительно даты венчания супругов, взимание «почеревных и поднаказных» пошлин за рождение детей вне брака, сведения о младенческой смертности и выдаче похоронных памятней для погребения умерших в родах женщин, детях родных и приемных, «законных» и «незаконных», их восприятию в общественном мнении разных социальных страт русского общества, в гражданском и церковном законодательстве.

В предлагаемой работе раскрывается практическая реализация нормативно-правовых принципов брака и семьи, автором анализируется еще не введенная в научный оборот делопроизводственная документация двух северорусских епархий — Вологодско-Белозерской и Великоустюжской по фондам Государственного архива Вологодской области (ГА ВО) и Сектора письменных источников Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (ВГИАХМЗ).

В актах находим сведения об опекунов над малолетними сиротами. В одной грамоте митрополита Киприана, со слов вдовы Федосьи Филипповой, говорилось, что в продолжение 13 лет у них с мужем не было детей и они взяли «приимчка Тимошку за дитяти место,

чтобы поминок был мужа моего и меня». В 1404 г. митрополит на основе Номоканона подтвердил право приемного сына на наследство, вдова Федосья могла «волно в земле и в людех и во всем стяжании мужа своего сесть в своем доме, а поминати душу мужа своего и управливать и дитя свое приемное кормить»⁷.

В более поздней вологодской записи (1671 г.) речь шла о воспитании теткой, помещицей Меланьей Бердяевой, племянницы-сироты, Авдотьи Перфульевой. В архиерейском судном приказе Меланья получила предписание «девку Овдотью учить страху Божию и заповедем Его и всякому добру и соблюдать и во всем надзирать, а живота ее и людей и вотчинных крестьян и бобылей хранить и от сторон во всем оберегать и самой живота ее не перевести, и вотчин не разорить, и людей и крестьян и бобылей не разогнать». По достижении Авдотьей 13 лет тетка должна была «по мере прибрать жениха и замуж выдать, не задержав животы и ее вотчины»⁸.

В посланиях митрополита Фотия новгородцам и псковичам 1410 г. третий брак допускался при отсутствии детей в первых двух, но человек в течение 5 лет не должен был входить в церковь, принимать причастие, св. дары и хлеб Богородицы⁹. Четвероженцы лишались всякого причащения и освящения. Митрополит рекомендовал выдавать девочек замуж не ранее 12 лет, венчаниям быть «по обедне», а при крещении быть только одному куму. Фотий предостерегал жителей Новгорода и Пскова от сквернословия, чтобы те «престали лаять отцевым и матерным именем, занеже того в крестиянех нигде нет»¹⁰.

«Законом» в средневековой Руси считался первый брак, венчаемый в церкви, а при втором и третьем браке поп «молитвил/молитвословил» партнеров¹¹. Однако статистика вторых и третьих браков, их возрастные характеристики, динамика свадебных пошлин еще недостаточно выяснены в литературе. Разрешая их, церковь принимала в расчет витальные факторы — молодость и отсутствие у брачующихся детей. Отсюда в документах архиерейских кафедр XVII в. шло выражение двоеженец или троюженец по нуже (нужде), «аще будет добре млад и детей не будет». При общем раннем возрасте брака, установленном Стоглавом (для отроков 15 лет, а отроковиц 12 лет), и с учетом высокой смертности людей в ту эпоху понятно, что вторые и третьи браки заключались отнюдь не в пожилом возрасте. Ранний возраст вступления в брак еще долго оставался характерным явлением демографии русского народа, хотя на протяжении XVIII—XIX вв. он постепенно повышался¹². В записных книгах приходских попов Устюжской десятины Ростовской митрополии 1665—1666 гг. по поводу третьих браков мужчин и женщин уточняется, «чтоб они были меньше 40 лет», «по нужде, что они в молодых летех» (25—30, но не старше 40 лет)¹³.

В зависимости от очередности брака в грамотах XVI в. мужчины назывались «холостец, вдовец, троюженец»¹⁴. В 1611—1613 гг. в вологодском селе Ивановском было венчано 42 первобрачных свадеб (их доля составила 67%), 17 второбрачных (27%), 3 третьобрачных (4,8%)¹⁵. В белозерских и пошехонских селах Кириллова монастыря в 1606 и 1622 гг. доля вторых браков была 22—23%, а третьих 5,3—5,9%, размер же пошлин возрос по сравнению с нормами Стоглава на 40—60%¹⁶.

Это увеличивало бюджет Ростовской митрополии, в казну которой они поступали.

Народное одобрение института брака отразилось в свадебном величании жениха и невесты как князя и княгини (статусно-значимыми определениями из высших слоев общества). Такое определение встречается в уставной грамоте Соловецкого монастыря 1548 года¹⁷. В грамотах XVI в. из архива Иосифо-Волоколамского монастыря отмечено название свадебная пошлины «розвинское», происходящее от глагола «розвивать» — расплетать косу невесты перед введением ее в церковь¹⁸.

В монастырских уставных грамотах представлены «кормовые» компоненты свадьбы — «тиунский гусь», мясной окорок, пиво, хлебы, калачи, пироги. Старинный когда-то обычай свадебного гостеприимства стал для крестьян в эпоху Московской Руси на фоне развивавшихся феодально-крепостнических отношений принудительной обязанностью выкупать свое право на свадьбу, устраивая сеньориальным агентам подобные «микрокормления» или откупаться от них денежными эквивалентами. Правда, вотчинным приказчикам запрещалось ходить незванными на крестьянские пиры-братчины-свадьбы, где случалось «пивцо особое»¹⁹. Так крестьянский двор-семья-община старались уберечь свое автономное существование в контурах вотчины-сеньории.

Известны коллективные протесты крестьян, когда они сталкивались с явным нарушением личной и общинной «суверенности». В 1690 г. вологодский архиепископ Гавриил получил челобитную от крестьян Дионисьево-Глушицкого монастыря на келаря Мельхиседека Пересветова, расхаживавшего по крестьянским дворам и угрожавшего их обитателям шпагой. Ему вменяли в вину изнасилования крестьянских жен, незванные появления на свадьбах, наглое обращение с женихами и невестами²⁰. Такие проступки келаря были явным нарушением традиционного принципа невмешательства духовных корпораций в лице их властей и низших агентов в повседневную и праздничную жизнь крестьянских семей.

Судя по венечным разделам приходных книг первой половины XVII в., в Вологодской епархии свадебные пошлины по сравнению с XVI в. увеличились на 30—40%: с первого брака бралась 1 гривна (20 денег), второго — 2 гривны, третьего — три гривны. Произведенные нами подсчеты за 1617/1618 — 1627/1628 и 1646/1647—1650/1651 гг. показали, что в г. Вологде и уезде 69—79% обвенчанных браков были первыми, вторые браки составляли 11—18% и очень скромной была доля третьих браков — 0,7—0,8%²¹. В ряде сельских волостей уезда в 1620-е гг. доля вторых браков была 20—50%, а доля третьих доходила до 9—13%. В Белозерском уезде в 1670-е гг. число первых браков среди крестьян составляло 74—82%, вторых — 16—22, третьих 1,2—2,7%²². Предельно высокая доля вторых браков у вологжан — 56% — фиксируется приходной книгой с небольшим по хронологии венечным разделом (14 июля — 27 августа 1615 г.)²³. В 1617—1618 гг. таких браков было уже 23% и в течение последующих 10 лет они в городе снизились до 12%.

Эти колебания могут объясняться тяжелыми для Вологды демографическими последствиями смуты в связи с ее сильным польско-

литовским разорением в сентябре 1612 года. На фоне недавней массовой гибели людей подобное демографическое поведение оставшихся в живых горожан выглядит вполне оправданным. Частота повторных браков была примерно одинакова, и когда мужчина женился во второй или третий раз, беря «отроковицу», и когда вдова выходила во второй или третий раз, выбирая «отрока». Можно предположить равную в принципе активность и мужчин, и женщин при выборе брачной партии («...прикажи мне, сироте, по воле выбрать женишка и вытти замуж»). В ряде записей мужчине разрешается брак на будущее, «где он себе приищет (припытает, сосватаетца), кого он поимет за себя»²⁴.

Исходя из принципа патрилинейности, женщина обычно именовалась по отцу («вдова Варвара Игнатова дочь», «девица Евфимья Иванова дочь»), но иногда и по умершему мужу («горькая сирота, вдова Федосьица Семёновская женишко»). Некоторые мужчины, уличенные в попытке жениться в четвертый раз (обманув священника), на допросах в архиерейском приказе не могли вспомнить имен своих прежних жен, «по грехом забыли», зато помнили, что была она «Иванова дочь», «Игнатьева дочь» и т.п. Если при записи о втором или третьем браке на вдовство женщины не указано, можно предположить, что она разведенная: «Феодора Прокофьева дочь вторым браком»²⁵, хотя слово развод в вечных разделах приходных архиерейских книг не используется. Социальную, профессиональную, а иногда и национальную принадлежность, географическое происхождение брачующихся горожан отражают ремарки вечных разделов: «боярской человек», «вязмитин», «смолянин», «сын боярской вологжанин», посадский человек, «выезжий иноземец», «торговой иноземец», «человек иноземца Юрья Смита», «иноземец Ногайские орды», «новокрещеной татарин», «выезжий черкашенин»²⁶.

Выяснение сезонности браков в 1617—1618, 1627—1628, 1631—1632 и 1646 гг. показало, что более трети из них у крестьян разных волостей Вологодского уезда было заключено в декабре-январе (39—47%), а в январе-феврале 1652 г. — 65%²⁷. Объяснением может служить влияние православного календаря, когда люди стремились создать семьи до наступления великого поста, цикл земледельческих работ, свобода от них в указанные месяцы, минимальная домашняя нагрузка на женщину. Этнографы отмечают, что осень и зима изобиловали неделями-свадебницами²⁸. Среди городского населения периодом наиболее активного вступления в брак также являлись январь-февраль — 55—71% венчаний. Можно предположить, что в конце лета — начале осени у молодых супругов уже рождались первенцы, однако систематической информации о рождаемости в дOMETРИЧЕСКИЙ период мы не имеем. Б.Н. Миронов пишет о глубокой оправданности традиции зимних свадеб в России и в более позднее время (XVIII — начало XX в.), отразившей наиболее оптимальную связь между демографическими событиями, церковными правилами и ритмами крестьянского труда. Исследователь также отметил высокий коэффициент корреляции между сезонностью городских и сельских браков в России в середине XIX — начале XX в. (0,84—0,95)²⁹.

Согласно наказной памяти патриарха Иоасафа священнику Андрею в Нижегородскую десятину (1634—1641 гг.), вечные пошлины

следовало записывать в приходные книги порознь по статьям, а свадьбы — по «мясоедам» (Великий, Петровский, Успенский, Рождественский)³⁰. Сохранилась приходная книга поповских заказчиков Устюжской десятины Ростовской митрополии за 1665—1666 гг., в которой записи систематизированы по четырем названным мясоедам³¹. На Рождественский пришлось большинство браков, среди которых преобладали первые — «отрока с отроковицей» (около 80%).

Известны архиерейские указы поповским заказчикам, контролировавшим деятельность приходских священников. В 1675 г. поповский заказчик села Отводного-Никольского получил от владыки Симона наказную память, в которой были прописаны важные принципы церковного регулирования института брака. Приходские попы должны были убеждать крестьян, чтобы те стоваривали детей своих жениться «в равных летех», затем обязательно спрашивали жениха и невесту «волею ли они друг с другом поемлются», а письменный сыск об этом держать у себя «для спору». В январе 1683 г. этот наказ был подтвержден архиепископом Симоном на имя нового поповского заказчика Григория Хрисанфова³².

Архиепископом Варламом было направлено окружное послание о том, чтобы «жены, чреватые близ порождения младенца за неделю или за две, по силе попостясь, исповедовались бы и приобщались, дабы не умереть без покаяния при трудных родах»³³. Последнее подтверждается документами церковного учета: «... померла такая-то в рождении младенца, дана похоронная память»; «родила двойню и умерла без молитвы», «родила младенца, а вторым не разродилась, Божиим судом померла»³⁴. Видно также стремление церковной власти внедрить покаянную дисциплину среди прихожан, предусмотреть исповедь и отпущение грехов на случай непреднамеренной смерти женщины.

Венечные памяти и отписи в уплате венечных пошлин находятся в соответствующих разделах архиерейских приходо-расходных книг первой половины XVII века. Более системное изучение брачности становится возможным благодаря осуществленной Н.В. Башниным на высоком научно-археографическом уровне публикации комплекса приходо-расходных книг Вологодского архиерейского дома с 1612—1613 по 1677—1678 годы³⁵. Венечные памяти были важны и для служилых людей. Если, например, после смерти помещика его вдова оставалась беременна, то венечная память и соответствующая запись в «зборной книге» заказчика подавались в Поместный приказ как основание для закрепления за вдовой и ее будущим ребенком отцовского поместья.

В ввозных грамотах служилых людей сообщались имена и возраст сыновей, которые по достижении 15 лет могли верстаться в службу и владеть отцовским поместьем. При этом они должны были заботиться о матери и сестрах, выдать последних замуж и наделить приданым³⁶. Распространенный в Московской Руси институт поручительства должен был сдерживать дурные наклонности неверных мужей. В 1652 г. помещица А. Трусова жаловалась на супруга, который отправил ее в Вологду, а сам, оставшись в поместье, «держит у себя женку Манку и к ночи к себе емлет ее на постелю, а меня, бедную, не поит и не кормит и к себе не емлет»³⁷. Здесь словно обрисовано и

выставлено напоказ пространство частной жизни: дом — совместный сон — совместная трапеза ³⁸. В 1653 г. была оформлена поручная запись 7 служилых людей в том, чтобы нерадивый муж жил со своей женой Ариной «как и прочие мужи живут з женами, и ея не бил и не мучил, и до смерти ее не убил». Так семейная жизнь человека ставилась под принудительный контроль сословной группы. Не всегда приходское духовенство с должной строгостью блюло нравы: помещица, вдова Ульяна Валутина, жаловалась архиерею на непутевого сына, который покинул законную жену и «зжился блудно» со вдовой, с которой его обвенчал «нощным временем» поп из белозерского села Милобудова за 2 руб. и ведро вина ³⁹.

В актах служилых землевладельцев отражена и отцовская власть над сыновьями, не желавшими жить достойно. В 1685 г. один белозерский вотчинник дал две деревни внучке в обход развратного сына, имевшего нескольких любовниц и детей от них, сопроводив это крепкими выражениями по его адресу и проклятьем: «...не будь на нем мое благословение» ⁴⁰. По Соборному уложению 1649 г. (гл. X, ст. 280), дети, прижитые отцами до, при или после «законные женитвы», не имели права на их вотчины и поместья. Даже последующая женитьба отца на своей наложнице не давала их детям имущественных прав по сравнению с законными наследниками ⁴¹. «Бесчестье» (компенсация за оскорбительное обзывание) в отношении незаконных детей государством не предусматривалось, тогда как аналогичное правонарушение по адресу законных детей штрафовалось. Зато, согласно севернорусскому Судебнику 1589 г. (ст. 69—70), штраф за оскорбление (хотя и символический), все же взимался в пользу женщин легкого поведения и их детей («... которые не у венчальные жены родилась, тому бесчестия 2 денги для матерних промыслов») ⁴². Вероятно, отмеченное различие объясняется более существенными общинными устоями на русском Севере и большей терпимостью общины к внебрачным детям.

Контексты употребления слова семья в «Домострое» были проанализированы в новейшей литературе ⁴³. В закладной записи по Алатырскому уезду за 1632 г. перечисляются дворы: в одном мужчина-хозяин «в семье сам семья», в другом мать-вдова с детьми «сама сема», в третьем семья — это «сам друг с женою». В 1679 г. в вотчине Дионисьево-Глушицкого монастыря одна вдова в своей челобитной указывала, что у нее 4 сына, у тех 8 сыновей, а всего с «робятишками» 25 чел. мужского и женского пола ⁴⁴. И хотя слова семья она не употребляла, показательно, что при наличии взрослых сыновей с детьми именно себя она ставила во главе многочисленной семейно-родственной группы. В наказе властей Соловецкого монастыря 1679 г. отмечены дворы, в которых проживало по 2—3 крестьянских или бобыльских семьи, и это сообщество определялось как «хлеб едящие особно по своим» ⁴⁵. Ведущая роль семьи в хозяйственно-производственной жизни, в социализации человека была несомненна.

В челобитных от желающих вступить в брак на имя архиереев лаконично и ярко отражено крестьянское понимание необходимости семейной жизни: «... А я человекно одинакое, пахатной, без жены жыть не мошно, печи и варити некому»; «... А я молодой и без жены мне никак не мошно». Ранняя смертность мужчин и женщин

обусловливала повторные браки ради воспитания оставшихся сирот: «... робятишки малы и не женяся мне, сироте, жить невозможно»⁴⁶. Ссылки на одиночество, молодой еще возраст как аргумент для вступления в повторный брак находим и в женских челобитных. Бобылка Спасо-Каменного монастыря в 1692 г. писала, что два ее прежних мужа «не подолгу со мной жив, умерли, а я, бедная, от них осталася во младых летех, всего от роду 25 лет». Третий брак ей необходим, дабы «молодостью своею от насилства какова в блуд не впасти»⁴⁷.

Еще один мотив челобитных — просьба освободить от уплаты венечных пошлин («нужен я и беден, не вели, государь, на мне, сироте венешные пошлины имать для моей бедности») ⁴⁸. Подобные реплики находим и в соответствующих разделах приходных книг: «... а пошлин для их бедности господин архиепископ имати не велел, отданы»⁴⁹. Так обрисован далекий от благополучия материальный контекст брачности — очевидный факт заключения браков в рядовой посадской и крестьянской среде как попытки выхода из тяжелого состояния сиротства-бедности-одиночества, связанными с еще большей незащищенностью. Чаще всего в подобных случаях брак отнюдь не сулил ни одному из партнеров повышенной социальной мобильности, хотя, по наблюдениям Н.Л. Пушкарёвой, в XVII в. городская литература и фольклор допускали в женских брачных стратегиях «игру на повышение» и использование брака как «социального лифта»⁵⁰.

В челобитных крестьяне и посадские люди излагали «свадебное дело — сватанье и зговор/зговорки», «образованье», которые могли быть простой устной договоренностью либо иметь письменную форму. Тексты сговорных записей, предусматривавших конкретный срок свадьбы, могли непосредственно включаться в состав челобитных. Устное соглашение дополнялось зарядными записями, указывающими на размер штрафа в случае нарушения договора. Арбитром в конфликтах по поводу невыполнения сторонами ряда-сговора, вопросов, связанных со сроками свадьбы и приданым («приносным животом»), был местный архиерей. Стрелецкая вдова обращалась к архиепископу Гавриилу с просьбой допросить ее жениха относительно его социальной принадлежности (то ли он холоп, то ли крестьянский сын, то ли стрелец) — «не дай обманом за себя взять»⁵¹.

Другая крестьянка в челобитной архиепископу Маркелу в 1645 г. жаловалась на жениха ее дочери, с которым «по зговору» были определены два возможных срока свадьбы — в великий мясоед за неделю до масляного заговенья или после пасхи на радуницу. Челобитчица к обоим этим срокам «к свадьбе припасала, два пива варила и две браги сидела, и всякую еству припасала», пригласила 10 крестьян, издержав всего 100 руб., а жених так и не явился, хотя заряд был предусмотрен в 200 рублей⁵². В апреле 1681 г. Ульяна Карпова жаловалась архиерею на посадского человека Вас. Олфёрова, который не приехал со свадебным поездом 27 января, хотя сговор состоялся 2 января, жених на нем крест целовал и дары принял. Мать невесты просила, чтобы ее убытки за «сватанье» (харч и питье), а также бесчестье дочери («отказал, насмеялся») были возмещены⁵³.

Интересны «сговорные полюбовные статочные записи», на основании которых крестьянские вдовы во второй раз выходили замуж. В 1688 г. один бобыль поступал в дом и двор вдовы, имея за собой

«вносу лишь зипун да штаны да шапку». Понятно, что при таких обстоятельствах она ему ультимативно диктовала условия проживания («... детей моих двух дочерей и сына поить и кормить до возраста, ничем не изгонять, жить, бояся Бога в правду и ничем не обидеть. И как он, Игнатий, ко мне, Анне, в дом придет, хотя ночь переспит, ино взять ему, Игнатью, половину всего живота и повитья и хором и скота, а дочерей моих скормить до замужья, а приданого дать по можете...»⁵⁴ Здесь присутствует явная асимметрия в браке. Е.Н. Швейковская проанализировала сговорную запись двух крестьян Спасо-Прилуцкого монастыря 1611—1612 гг., когда соединялись по сути два крепких хозяйства, а в дом к вдове с пятью детьми приходил мужчина со своими тремя сыновьями. Имущественно-хозяйственные вопросы в их брачном соглашении стояли на первом месте, и здесь оба партнера выступали на вполне паритетных началах⁵⁵, формировался брак-партнерство, этому и названию записей соответствовали — любовные сговорные.

В случае безвременной кончины одного из супругов могли возникать конфликты между их родителями (сватами) по поводу малолетних детей. В 1698 г. крестьянин Андрей Олферьев жаловался архиерею на бывшую сноху, вторично вышедшую замуж, не оставившую деду, вопреки воле покойного сына, малолетнего внука, а тот со временем стал бы «вместо меня наследником и вотчинником». Интонации в отношении детей-сирот отмечены несомненной нежностью: «два парнишка невелички», «две девочки-осталицы», «близнята», «внучек маленок у грудей», «четыре сынишка в малых летех»⁵⁶. Об эмоциональном обогащении отношения к детям в русской культуре XVII в. пишет Пушкарёва⁵⁷.

Обилие в челобитных и других документах уменьшительных форм типа «женишко / семьюшко / дочеришко / сестришко / сынишко» было не просто этикетной формой обращения социальных низов, паствы высоко наверх, к духовному пастырю («я, человеченко», «я, сирота», «я, нужен и беден» и т.п.). Оно порой усиливало, делало более выразительным проявление живых человеческих чувств. Распространенная лексическая пара: «семья-жена, семьюшко-женишко» была глубоко разобрана в новейшей монографии Е.Н. Швейковской⁵⁸. После пострижения жены муж говорил о ней как о своей «посестрии», «подружии», она о нем — как о своем «побратиме». Другие термины родства отражали другой этап отношений и чувств, теперь уже вне дома, брака, семьи.

К некоторым челобитным прилагались «рописи родству» для доказательства, что жених и невеста не находятся в ближнем родстве и свойстве, как того требовали нормы канонического права. («... Никита роди сына Георгия, а другой брат Никиты Тимофей. Георгий роди Марфу, а Тимофей Матфея. Марфа роди Устинью, а Матфей сына Романа. Устинья роди Ивана, а Роман Евдокию. И достоин ли Иван понять Евдокию?») ⁵⁹ Такие росписи отражают некоторые представления крестьян об истории своей семьи, рода⁶⁰.

Для установления срока, в течение которого отсутствовал один из супругов, архиерейская администрация также предписывала произвести большой повальный обыск на месте. Для постановки вопроса перед архиереем о новом браке достаточным считалось безвестное

отсутствие жены или мужа в течение 7—9 лет ⁶¹. Но из-за отсутствия в России XVII в. четкой регистрации смертности никогда не было полной уверенности, жив ли еще человек или его уже нет и он никогда не вернется в семью. Поэтому среди резолюций на челобитных женщин о повторном вступлении в брак из-за длительного отсутствия мужа встречаются выписки из Кормчей книги (31 правило св. Василия Великого): «Жена аще отидет муж еа и без вести будет и не испытает ни увидевши добре, яко умре, да ин муж идет, прелюбы творит» ⁶². Если же муж после длительного отсутствия вдруг появился, его бывшую супругу по архиерейскому приказу отдавали ему «в жену по-прежнему» ⁶³. Семейные узы ослабевали от пребывания крестьянина на военной службе вместе со своим помещиком («дана почеревная память солдатской женке» ⁶⁴), отлучки из дома по торговым делам («пока я сволокся к Вологде с просольной рыбой, жена моя сошла безвесно» ⁶⁵).

Владычной администрации приходилось разбирать и случаи преднамеренного подталкивания мужем своей жены к пострижению ради развода. В 1650 г. один крестьянин жаловался архиепископу на своего зятя, который подбивал ее «сильно постричься, а она, дочь моя, ни хрома, ни слепа, ничем увечна не была» ⁶⁶. Увечность как неспособность выполнять тяжелую крестьянскую работу на самом деле являлась причиной расторжения брака и перехода в монастырь. Но и после пострижения жен мужа должны были заботиться о своих «посестриях» ⁶⁷. Одновременно с челобитными крестьянок о пострижении и разводе с мужем из-за «скорби-болезни» архиерею подавались записи их мужей о взятии на себя расходов по их содержанию ⁶⁸.

«Полюбовные челобитные» о расторжении брака и пострижении в монашество из-за болезни, немощи, старости могли поступать к архиерею и от обоих супругов. В таких случаях обители играли роль учреждений социального обеспечения ⁶⁹. Это напоминает известное в Западной Европе явление покупки «пенсиона», получения алиментов как способа социального обеспечения пожилых супругов. Известны примеры, когда дряхлые родители доживали свой век дома, а для одинокой «дочеришки, девчонки в полных летех, близко 40 лет» просили у помещиков отпускную память для поступления в монастырь ради поминовения и их, и господ ⁷⁰. Здесь женское монашество выступает как альтернатива несостоявшемуся замужеству.

В делопроизводственной документации можно найти отражение некоторых медико-биологических аспектов семьи и брака. Крестьянин М. Мохин в челобитной устюжскому архиепископу Александру (1687 г.) жаловался на свою жену Марьицу, живущую от него в бегах во дворе у отца. Судя по словесной сказке жены при допросе в архиерейском разряде, ей с мужем «жить нелзе». В результате досмотра старицами местного монастыря было установлено, что «у нее женского естества нет и скорбна она нутрянною болезнью». Это послужило основанием для расторжения данного брака ⁷¹. Случались проблемы и с мужским здоровьем, нередко, как они считали, из-за наведенной на них порчи или колдовства. В одной челобитной о расторжении брака человек признавался: «... в прошлых годах судом Божиим был я, бедной, скорбен, одержим черною болезнью, и для скорби у меня постели многое время з женой своею с Устиньицею Прокопьевой дочерью не было, и поить и кормить мне было нечем...» ⁷²

Жизнь «по закону» («законная ложа») и жизнь «во блуде» четко различались в понимании людей любой социальной принадлежности. Чиновникам архиерейской администрации приходилось читать в челобитных о «блуде по любви» и «блуде насилством»⁷³. Подобные дела рассматривались в духовном приказе архиерея, и за них устанавливалось церковное наказание — «смирение». Согласно окладной книге приходов Патриаршей области в Череповецкой волости Белозерского уезда 1675 г., санкции возлагались на обе стороны: «Которые женки родят младенцы, прижив беззаконно с кем, и таким женкам и кто с ними младенца приживет, бывает им смирение да сверх тово пеня»⁷⁴. Размер ее (2 руб. 8 алт. 1,5 ден.) был определен в грамоте патриарха Иоакима на Белоозеро дворцовому приказчику в 1674 году⁷⁵.

По окладной книге Вологодской епархии 1675—1676 гг. известна фиксированная пошлина «почеревное» в размере 4 алт. 4 ден. за рождение у вдов, девок и монахинь незаконных детей. Такой же была эта пошлина и в Устюжской десятина Ростовской митрополии в 1660-е годы⁷⁶. В записной пошлинной книге по Устюгу 1665 г. в одинаковом размере (4 алт. 4 ден.) отмечены почеревные штрафы на «безмужних женках» и за молитвы на «покинутых младенцах»⁷⁷. Несколько выше (5 алт. 2 ден.) получил муж в виде компенсации за «блудное насилство» над своей женой со стороны соседнего крестьянина, о чем он подал челобитную в митрополичьем приказе на Устюге⁷⁸.

В приходах Яренского уезда, входившего в Великоустюжскую епархию, по сборной книге 1691—1692 гг. различались «свадьбы законные» и «свадьбы пенные». За вторые, имевшие вынужденный характер (из-за рождения детей до брака или как принудительная женитьба насильника на своей жертве) брались более высокие пошлины — 2 руб. 8 алт. 2 деньги. Так отцу пришлось заплатить за сына, «прижившего блудно ребенка прежде законного брака». Одинокая женщина сама платила за «беззаконное рождение» ребенка от изнасиловавшего ее прохожего, которого, как говорится, след простыл. «Безмужняя женка» тоже сама платила за «прижитие брюха полюбовно»⁷⁹. В таком же размере взимался штраф за неприглядное явление внутрисемейной жизни — снохачество: «живет со снохою своею». Если блудное насильство не повлекло за собой рождение ребенка, виновный платил меньше — 5 алт. 2 деньги. Если дело об изнасиловании заканчивалось мировой (по желанию потерпевшей), то штраф для виновного составлял 12 алтын.

Понятия жены и женки в народном сознании и церковном праве находились по разные стороны от закона. Одинокие незамужние женщины, прижившие детей вне брака, назывались в деревне «женками-самокрутками»⁸⁰. В архиерейском приказе они признавались, что «сходились на блудное дело по любви, а законно замужем не бывали, укручивались сами собой лет з десять». В случае рождения ребенка о ней говорили: «у той родильницы мужа нет, ходит самокруткой»⁸¹. Здесь весьма показательно проводимое различие между законным браком и свободной любовью во блуде. О появлении детей «самокрутки» из крепостных крестьян не сообщали ни отцам духовным, ни своим помещикам «от сраму», однако в дальнейшем это становилось известно и общине, и земельному собственнику, и церковному

начальству. В любом случае такие женщины сами определяли свою судьбу, какой бы она ни была. Очевидно еще и то, что часть людей бракоспособного возраста находилась вне брака. Упоминания наложников и наложниц говорят о существовании и внецерковных брачных союзов.

Слово самокрутка происходит от народного свадебного обряда, в котором прическе невесты (расплетанию девичьей косы и свиванию двух кос с укладкой/скруткой их на голове под повойник, что делала обычно на церковной паперти сватья-кручельница⁸²) придавался глубокий смысл. Он олицетворял качественно важный переход от одного жизненного этапа (девичества) к другому — замужеству⁸³. Самокрутки — это еще и женщины, родители которых не имели достаточных средств для полноценной свадьбы, они сами «закручивали себе волосы не в две, а в одну косу, упрятывая ее под повойник. Была такая низшая форма брака — «убегом/угоном/уводом/самокруткой/самоходкой», которая могла закончиться венцом, а могла и не закончиться. В последнем случае самокрутка — это по сути сожителство, а не законный брак.

Таким образом, институт семьи и брака в Московской Руси являлся весьма динамичным. Узы брака не были столь священны и нерасторжимы, как то предписывалось каноническим и церковным правом. Вторые и третьи браки не следует игнорировать: они играли заметную роль в поддержании института семьи, социализации человека, в демографическом воспроизводстве. Структура и сезонность брачности в городе и деревне существенно не отличались. Церковь настойчиво внедряла и поддерживала дисциплину в семейно-брачной сфере, стараясь охватить каждого (мужчину, женщину, ребенка). Центром этих усилий был городской и сельский приход — внесословная, по сути своей, организация. Ведущаяся на уровне приходов и архиерейских кафедр разнообразная документация требует дальнейшей источниковедческой разработки и важна как определенный опыт учета населения до введения в России метрик в 1718—1722 годах⁸⁴.

В информации о браке и семье всегда высвечивается проблема человеческих потребностей, в которых наиболее полно сочетаются объективные и субъективные основы социальной истории. Можно наблюдать мотивы человеческих действий и поступков, модели поведения людей, обусловленные как объективной материальной жизнью, так и миропониманием и мироощущением⁸⁵. Семейно-матримониальная жизнь человека в Московской Руси во многом еще оставалась предметом регулирования (в первую очередь, церковного), размежевание публичной и частной сфер жизни, нарастание индивидуализации шло медленно, и это свидетельствует о глубокой традиционности России, асинхронности и асимметричности в ней различных структур (человек, семья, общество, политика, экономика, культура⁸⁶) накануне раннего Нового времени.

Примечания

1. ГИС Ф. и ДЖ. Брак и семья в Средние века. М. 2002; ГУРЕВИЧ А.Я. Историческая наука и историческая антропология. — Вопросы философии. 1988, № 1, с. 56—70;

- Женщина, брак и семья до начала Нового времени. Демографические и социокультурные аспекты. М. 1993; KOSHELEVA O. "Without Going to a Regular Court": the Phenomenon of the "Divorce Letter" in Petrine Russia. *Women in Russian Culture and Society 1700—1825*. New York. 2007, p. 107—124; КРОМ М.М. Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу. СПб. 2004; ЛЕ РУА ЛАДЮРИ. Монтайю, окситанская деревня (1294—1324). Екатеринбург. 2001; ЛЕЩЕНКО В.Ю. Русская семья (XI—XIX вв.). СПб. 2004; Прошлое — крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб. 2003; ПУШКАРЁВА Н.Л. Женщина в русской семье: динамика социокультурных изменений. Автореф. дис. докт. ист. наук. М. 1997; ЕЕ ЖЕ. Частная жизнь русской женщины в доиндустриальной России: Невеста, жена, любовница. М. 1997; ЕЕ ЖЕ. Зачем он нужен, этот «гендер»? Новые концепции и новые подходы к анализу прошлого. — Социальная история. Ежегодник. 1998—1999. М. 1999, с. 155—174; ЕЕ ЖЕ. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий. — Там же. 2004. М. 2005, с. 93—111; РЕПИНА Л.П. «Женская история»: проблемы теории и метода. — Средние века. М. 1994, вып. 57, с. 103—109; Семья, дом и узы родства в истории. СПб. 2004; ТИМОШЕНКОВА З.А. Социокультурный облик северо-западной деревни XVII — начала XVIII в. Псков. 1999; Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М. 1996; Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. М. 2000; Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы (до начала Нового времени). М. 2000; ЦИТКИЛОВ П.Я. Историко-социологический облик патриархальной российской семьи. — Вопросы истории. 2017, № 2, с. 3—11; ШВЕЙКОВСКАЯ Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — начала XVIII в. М. 2012; ЯСТРЕБИЦКАЯ А.Л. Проблема взаимоотношения полов как диалогических структур средневекового общества в свете современного историографического процесса. — Средние века, вып. 57, с. 126—136.
2. Семья, дом и узы родства, с. 30.
  3. КОН И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М. 1997, с. 14; ПУШКАРЁВА Н.Л. Сексуальная этика в частной жизни древних руссов и москвитов (X—XVII вв.). Секс и эротика в русской традиционной культуре. М. 1996, с. 44—91.
  4. Семья, дом и узы родства, с. 31.
  5. ПЕРЕВАЛОВ В.А. Книги сбора вечных пошлин XVII — начала XVIII в. как исторический источник. Массовые источники истории и культуры России XVI — XX вв. Архангельск. 2002, с. 242—248;
  6. АНТОНОВ Д.Н., АНТОНОВА И.А. Метрические книги России XVIII — начала XX в. М. 2006.
  7. Русская историческая библиотека (РИБ). Т. VI. СПб. 1880, № 31.
  8. Старая Вологда. Сб. документов и материалов. Вологда. 2004, № 138, 139.
  9. РИБ, т. VI, № 33, 34.
  10. Акты исторические, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедиции имп. Академии наук (ААЭ). Т. I. СПб. 1836, № 369.
  11. Российское законодательство X—XX вв. Т. 2. М. 1985, с. 287—288, 290.
  12. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. I. СПб. 1999, с. 163, 167, 177.
  13. Государственный архив Вологодской области (ГА ВО), ф. 1260 (Коллекция столбцов), оп. 3, кн. 228, л. 1об., 3об., 10об., 21, 25об.; кн. 27, л. 2об.
  14. ААЭ, т. I, № 296.
  15. Описание свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище. Вологда. 1917, вып. 13, № 1.
  16. РИБ. Т. XXXV. Пг. 1917, № 45, 309.
  17. ААЭ, т. I, № 221.
  18. См., например, по Троице-Сергиеву монастырю: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1. М. 1964, № 400, 412, 618, 652; Акты Русского государства. 1505—1526 гг. М. 1975, № 189; Российский

- государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 281 (Грамоты коллегии экономии), по Ростову № 10 560; по Рузе № 10 259; Научно-исследовательский отдел рукописей (НИОР) Российской государственной библиотеки (РГБ), ф. 303 (Архив Троице-Сергиевой лавры), кн. 521, л. 86—88.
19. ПРОКОПЕНКО А.М. Новые документы по истории землевладения Николо-Угрешского монастыря. — Русский дипломатарий. М. 1997, с. 67—68; Акты исторические. Т. 5. СПб. 1842, № 171; ААЭ. Т. IV. СПб. 1841, № 120; Дополнения к актам историческим. Т. IX. СПб. 1875, № 12.
  20. Описание свитков..., вып. 7, № 89; БАШНИН Н.В. Келарь со шпагой. Случай из жизни Дионисиево-Глушицкого монастыря. — Родина. 2009, № 12, с. 108—110; ЕГО ЖЕ. Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV—XVII вв. Исследование и тексты. СПб. 2016, с. 545, 568, 899—901.
  21. ГА ВО, ф. 883 (Н.И. и И.Н. Суворовы), оп. 1, кн. 23, 24; Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (ВГИАХМЗ), ф. 1 (Вологодский архиерейский дом), оп. 1, кн. 9.
  22. Там же, кн. 48, л. 13; кн. 49, л. 15об.
  23. Там же, ф. 948 (Вологодский архиерейский дом), оп. 1, кн. 4, л. 32—42.
  24. Там же, ф. 883, оп. 1, кн. 12, л. 147об.; БАШНИН Н.В. Дионисиево-Глушицкий монастырь, с. 870.
  25. ГА ВО, ф. 948, оп. 1, кн. 5, л. 154об., 174.
  26. Там же, ф. 883, оп. 1, кн. 12, л. 97об., 109об., 139, 140об., 141об., 145об.; ф. 948, оп. 1, кн. 2, л. 18, 115об., 118об.; кн. 5, л. 130; кн. 6, л. 112.
  27. ВГИАХМЗ, ф. 1, кн. 9, 10; ГА ВО, ф. 883, оп. 1, кн. 91;
  28. БЕРНШТАМ Т.А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX — начало XX в.). Этнические стереотипы поведения. Л. 1985, с. 130.
  29. МИРОНОВ Б.Н. Ук. соч., т. 1, с. 170—171.
  30. РИБ. Т. II. СПб. 1875, № 157.
  31. ГА ВО, ф. 1260, оп. 3, кн. 228.
  32. Описание свитков... Вологда. 1913, вып. 12, № 16.
  33. Там же, № 17.
  34. ГА ВО, ф. 1260, оп. 3, кн. 145, л. 1об.; Описание свитков..., вып. 8, № 180; вып. 10, № 217; вып. 12, № 168.
  35. Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церковью Вологодской епархии. XVII — начало XVIII в. М.—СПб. 2016.
  36. Акты служилых землевладельцев XV —начало XVII в. (АСЗ). Т. 2. М. 1998, № 132, 331.
  37. Описание свитков..., вып. 11, № 32.
  38. ДУБРОВСКИЙ И.В. Средние века: структуры повседневности. В кн.: Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. М. 2012, с. 42—53.
  39. Описание свитков..., вып. 7, № 143.
  40. АСЗ, т. 3, № 580.
  41. Соборное Уложение, с. 63, 227—228.
  42. Судебники XV—XVI вв. М.—Л. 1952, с. 384.
  43. НАЙДЁНОВА Л.П. «Свой» и «чужие» в Домострое. Человек в кругу семьи, с. 290—304; ШВЕЙКОВСКАЯ Е.Н. Ук. соч., с. 35.
  44. РГАДА, ф. 281, по Алатырю № 55; БАШНИН Н.В. Дионисиево-Глушицкий монастырь..., с. 817.
  45. ААЭ, т. IV, № 232.
  46. Описание свитков, вып. 7, № 108; вып. 11, № 89; БАШНИН Н.В. Дионисиево-Глушицкий монастырь..., с. 956.
  47. Описание свитков..., вып. 9, № 106; вып. 10, № 98.
  48. Там же, вып. 9, № 80.
  49. ГА ВО, ф. 883, оп. 1, кн. 12, л. 124об.; ф. 948, оп. 1, кн. 2, л. 40, 52; кн. 5, л. 114об., 128, 130, 144, 169; кн. 6, л. 108.
  50. ПУШКАРЁВА Н.Л. Образ идеальной супруги (супруга) и его трансформации в средневековой Руси и России раннего Нового времени (XII—XVII вв.). В кн.: Человек и его близкие, с. 183.
  51. Старая Вологда, № 128.

52. Описание свитков..., вып. 11, № 15.
53. ВГИАХМЗ, ф. 1, оп. 1, № 52.
54. Описание свитков..., вып. 7, № 85.
55. ШВЕЙКОВСКАЯ Е.Н. Ук. соч., с. 125—127.
56. Описание свитков..., вып. 9, № 90.
57. ПУШКАРЁВА Н.Л. Образ идеальной супруги (супруга)..., с. 186.
58. ШВЕЙКОВСКАЯ Е.Н. Ук. соч., с. 47—52.
59. ВГИАХМЗ, ф. 1, оп. 1, № 34; БАШНИН Н.В. Дионисиево-Глушицкий монастырь..., с. 663—664, 894—896, 940—942, 1016—1017.
60. Описание свитков..., вып. 8, № 112; вып. 11, № 33.
61. Там же, вып. 5, № 124.
62. Там же, вып. 10, № 82.
63. Там же, № 13.
64. ГА ВО, ф. 883, оп. 1, кн. 245, л. 2об.
65. ВГИАХМЗ, ф. 1, оп. 1, № 113, л. 2; БАШНИН Н.В. Дионисиево-Глушицкий монастырь..., с. 727.
66. Описание свитков..., вып. 1, № 26.
67. Там же, вып. 9, № 14.
68. Там же, вып. 1, № 8.
69. ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, № 182.
70. СУВОРОВ И.Н. Сб. актов Северного края XVII—XVIII вв. Вологда. 1925, № 311.
71. РИБ. СПб. 1890, т. XII, стб. 911—912; ТИМОШЕНКОВА З.А. Ук. соч., с. 77—79.
72. Описание свитков..., вып. 11, № 126.
73. Там же, вып. 7, № 149.
74. ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги (ОСРК). Q. II.-107, л. 174об.
75. ААЭ, т. IV, № 198.
76. ГА ВО, ф. 1260, оп. 3, кн. 51, л. 3—4; кн. 233, л. 2, кн. 232, л. 8об.; кн. 247, л. 10; Российское законодательство X—XX вв. Т. 2. М. 1985, с. 287—288, 290.
77. ГА ВО, ф. 1260, оп. 3, кн. 245, л. 2—2об., 4об., 6об., 9об.
78. Там же, кн. 245, л. 2об.
79. ОР РНБ. Общество любителей древней письменности (ОЛДП). Q.-755.
80. Описание свитков..., вып. 9, № 97.
81. Там же, вып. 9, № 93, 99.
82. ЛЕЩЕНКО В.Ю. Ук. соч., с. 219—220.
83. ЛЕВИНТОН Г.А. Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог). Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб. 1991, с. 217.
84. АНТОНОВ Д.Н., АНТОНОВА И.А. Ук. соч., с. 39—40, 64—65.
85. ГУРЕВИЧ А.Я. Социальная история и историческая наука. — Вопросы философии. 1990, № 4, с. 31.
86. МИРОНОВ Б.Н. Ук. соч., т. 2, с. 289.

Итоги ратной службы и анализ потерь земского ополчения в 1812—1814 гг.

С.Ю. Каргапольцев, И.Ю. Лапина

Аннотация. В публикации исследуются обстоятельства возвращения земского ополчения из Заграничных походов Русской императорской армии 1813—1814 гг. Фиксируются данные о материальных и людских потерях в войне с наполеоновской Францией периода 1812—1814 гг. Многие сведения публикуются впервые. Приводятся документы о небрежном отношении командования к ратникам ополченских формирований, снабжавшихся по остаточному принципу, вследствие чего санитарные потери значительно превышали боевые. Констатируется недостаточная изученность данной темы в дореволюционной и советской историографии. Делается вывод о неосценности патриотического подвига ополченцев и их вклада в победу над Наполеоном. Устанавливается причинно-следственная связь между социально-политической системой крепостничества эпохи русского абсолютизма и драматическими обстоятельствами расформирования ратных дружин земского ополчения.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Заграничные походы Русской императорской армии 1813—1814 гг., император Александр I, земские ополчения, боевые и санитарные потери, крепостные крестьяне, помещичье дворянство.

Abstract. The circumstances of the Zemsky militia from the foreign campaigns of the Russian Imperial Army of 1813—1814 are being investigated. Data on material and human losses in the war with Napoleonic France of the period 1812—1814 are recorded. A lot of information is published for the first time. Documents are given about the careless attitude of the command to the fighters of the militia formations, supplied with a residual principle, as a result of which the sanitary losses considerable exceeded the combat losses. It is stated that there is insufficient knowledge of this topic in pre-revolutionary and Soviet historiography. It is concluded that the patriotic deeds of the militia and their contribution to the victory over Napoleon are invaluable. A causal relationship is established between the socio-political system of serfdom of the era of Russian absolutism and the dramatic circumstances of the disbanding of the military squads of the Zemsky militia.

Key words: The Patriotic War of 1812, foreign campaigns of the Russian Imperial Army in 1813—1814, Emperor Alexander I, Zemstvo militia, combat and sanitary losses, serf's peasants, landed gentry.

Каргапольцев Сергей Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: s_karg@mail.ru; *Лапина Ирина Юрьевна* — доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: poli-kam@yandex.ru.

Kargapol'tsev Sergey Yu. — candidate of historical sciences, associate professor at the St.-Petersburg State University of Architecture and Construction. E-mail: s_karg@mail.ru; *Lapina Irina Yu.* — doctor of historical sciences, associate professor, holder of the chair at the St.-Petersburg State University of Architecture and Construction. E-mail: poli-kam@yandex.ru.

Война с Наполеоном принесла Европе и особенно России значительные людские и материальные потери. На полях сражений пали сотни тысяч человек, были разорены многие города и села, нанесен серьезный урон сельскому хозяйству. По подсчетам Б.Ц. Урланиса, безвозвратные людские потери воевавших стран за десять лет (1805—1815 гг.) составили огромную для того времени цифру — 755 000 чел., а всего (с ранеными и без вести пропавшими) они доходили до 2 млн человек. Согласно его же исследованиям, потери русской армии за этот период составили 360 000 чел., в том числе в Отечественной войне 1812 года — 111 000 человек ¹.

Что касается расходов на войну 1812—1815 гг., то в этом вопросе у исследователей нет единого мнения. А.А. Корнилов писал, что все материальные убытки России составили около 1 млрд руб., а министр финансов Д.А. Гурьев в секретной записке императору расходы населения в 1812 г. оценил в 200 млн рублей ². А.П. Погребинский приводит цифру в 722 млн руб., истраченных в ходе войны на военное и морское ведомства ³. П.А. Хромов затраты на войну 1812—1814 гг. определил в 900 млн руб., из которых 157 млн отнес к специальным военным расходам. В большинстве изданий по Отечественной войне 1812 г. суммарные затраты определяются в 155,5 млн рублей. Происхождение этой цифры связано с отчетом М.Б. Баркляя де Толли в марте 1815 г. об издержках на «войну с французами в 1812—1814 гг.». Точнее, эта цифра составляла 155 470 710 рублей ⁴. Если соотнести эту сумму с данными Министерства финансов по исполнению государственной росписи доходов и расходов, то видно, что она явно занижена. Только в 1812 г. основные статьи государственной росписи доходов и расходов России составляли 331,9 млн руб., кредиты — 80,7 млн руб.; расходы военного ведомства — 160,8 млн руб., морского — 23 млн руб., всего — 183,8 млн руб. (57% всех расходов) ⁵. Значительными были затраты на войну и в 1813—1814 годах. В эти расходы не входят огромные пожертвования российского общества на содержание ополчения. Только православная церковь дала на Московское и С.-Петербургское ополчения в первые недели войны 1 500 000 руб. (по 750 000 руб. на каждое). Миллионные пожертвования были сделаны дворянством и купечеством Москвы, Санкт-Петербурга, Тульской, Владимирской, Ярославской, Пензенской и других губерний.

Особенно значительными были людские и материальные потери в губерниях, где проходили военные действия. Пожар Москвы, полностью уничтоженный Малоярославец, разоренные Можайск, Вязьма, Смоленск и другие города исчисляли убытки многими миллионами рублей (и это еще теми деньгами, когда даже 10 руб. считались крупной суммой). Так, в ведомости о разорениях уездов и городов Смоленской губернии, составленной А.И. Михайловским-Данилевским на основе сведений, доставленных от губернских начальников в 1836 г., все убытки от сожжения домов и разграбления имущества только по г. Рославлю составили 210 949 руб. 61 копейку. Число погибших или пропавших без вести включало: мещан и купцов — 64, разночинцев — 1, умерших от истязаний, пропавших без вести, не имевших пропитания крестьян — 17 782 человек. Забрано неприятелем скота: лошадей — 588, коров — 601, овец — 3 043 ⁶. Не меньшие

потери понесли в период присутствия французов и в результате военных действий другие уезды и города Смоленской губернии. Дорогобуж, к примеру, был полностью сожжен отступающими частями наполеоновской армии, местное население ограблено, весь скот (крупного рогатого — 44 408 голов и овец — 52 233 головы) был забит и пошел на продовольственные рационы корпусов Даву и Нея. В Дорогобуже сгорело 667 зданий, число «разоренных обоюга пола по уезду составило 64 311 человек. Не имеющих пропитания крестьян обоюга пола — 56 145» (больше только в Ельнинском уезде). Понесено убытков: владельцами — 3 315 597 руб., крестьянами — 3 616 772 руб., городом Дорогобужем — 1 040 875 рублей ⁷.

Особенно полным было разорение Смоленской губернии: сумма убытков равнялась 74 456 363 рублям ⁸. Н.В. Долгоруков в своих записках отмечал: «Смоленские наши деревни были дотла разорены Французами, и мы потерпели убытка миллиона на два рублей» ⁹. В 1813 г. была учреждена «Комиссия о пособиях разоренным жителям для продовольствия крестьян и обсеменения полей». Частные пожертвования жителей Костромской губернии смолянам составили 2 433 470 рублей ¹⁰. Приходила помощь и из других российских губерний. Необходимо также отметить, что более 10 000 трудоспособных крестьян, которые составили Смоленское ополчение, были отвлечены от сельскохозяйственных работ, что тоже нанесло немалый материальный ущерб губернии. Такие же убытки исчислялись по всем губерниям, где проходили военные действия: разрушенные дома, угнанный или забитый скот, разоренное или ушедшее с мест проживания население.

На завершающем этапе войны с Наполеоном усилиями армий союзных государств, в первую очередь российской, удалось сломить сопротивление основных французских сил. Ни военный талант императора Наполеона Бонапарта, ни отчаянная храбрость преданных ему маршалов, ни предпринятые мобилизационные усилия внутри государства не смогли восполнить те огромные потери, которые понесла Франция во время похода в Россию и последующих сражений на полях Западной Европы. Даже те немногочисленные победы, которые удалось одержать Наполеону в ходе борьбы с войсками коалиции, не изменили общего положения дел на театре военных действий. Союзные войска упорно продвигались к Парижу, чтобы победоносно завершить войну. На этом этапе отпала необходимость держать в составе действующей армии земское ополчение, сыгравшее значительную роль в 1812—1813 годах.

Важно подчеркнуть, что в восприятии народа нашествие Наполеона было не просто очередным военным столкновением двух империй, а противостоянием с иной, латинско-богоборческой цивилизацией. Патриотический порыв населения явил себя, среди прочего (сбор средств, партизанщина ¹¹, «скифская война»), и в таком явлении как земское ополчение ¹². Конечно, причиной формирования «ратных сил» была воля сверху, поскольку рекрутская система комплектования регулярной армии Российской империи не подразумевала наличия как таковых мобилизационных резервов, но на сей раз призыв власти нашел широкий отклик и понимание со стороны низших сословий — крепостных крестьян и ремесленников. Даже далекие от

военного дела мещане охотно записывались в ополчение на добровольной основе. Победа же над агрессором воспринималась народными массами как избавление по милости Божией от нашествия «галлов с двенадцати языков».

После взятия Данцига Александр I в январе 1814 г. издал ряд указов, которые определяли порядок возвращения ополчения по домам. Командующему Данцигским корпусом принцу А. Вюртембергскому он приказывал: «Ополчение как конное, так и пешее и вольный корпус Шмита распустить по домам, для сего, разделяя оное по губерниям, колоннами отправить в полном воинском порядке с штаб-и обер-офицерами к губернаторам по принадлежности, доставя предварительно к ним именные списки о всех воинах»¹³. «Оружие же и амуницию, отобрав от ополчения, оставить при пехотных полках 6-й и 25-й дивизий, впредь до повеления»¹⁴. В материалах Инспекторского департамента сохранились материалы, свидетельствующие о выделении средств на расформирование ополчений: «Оружие и амуницию назначено всем оным ополчениям сдать артиллерийскому и комиссариатскому ведомствам, а одежду и обувь на людях велено исправить, на что отпущена особая сумма»¹⁵. Для награждения и отправки ополчений домой российским императором была выделена сумма в размере 100 000 рублей¹⁶.

Одновременно Александр I направил начальникам С.-Петербургского, Новгородского, Тульского, Ярославского и Калужского ополчений указ о порядке возвращения ратников в Россию: «С покорением Данцига, — писал российский император, — признал я нужным распустить по домам ополчение, перенесшее в осадном корпусе необыкновенные труды и неоднократно оказавшее мужество и храбрость в делах с неприятелем... В дополнение тех наставлений, кои получите вы от местного начальства, в особенную обязанность вашу поставляю сбережение в пути людей, столь усердно защищавших отечество... 8 марта 1814 г. Ополчения находящиеся за границую в Данцигском корпусе войск: Санктпетербургское, Новгородское, Ярославское, Тульское, Калужское, а также пребывающее в России для внутренней службы Тверское и Владимирское повелено распустить по домам»¹⁷.

Анализируя эти документы, необходимо отметить, что российский император воздал в них должное ратникам ополчения за участие в войне, проявил заботу о награждении и содержании в пути всех воинов. Так, каждому ратнику полагалось по пять рублей, «непрерменно исправная обувь и одежда», а также приказывалось «раздать воинам и шубы»¹⁸. «При отправлении всех по домам велено исправить одежду и обувь на счет сумм комиссариата, дабы они по теперешнему времени года непременно имели теплое одеяние и добрую обувь; на что обратить и остающиеся по госпиталям вещи умерших людей из ополчения»¹⁹. Обращаясь к командующему осадным корпусом, Александр I выразил надежду, что «при отправлении означенных войск не оставите, ваше высочество, учредить исправное продовольствие их в пути и начальников ополчений в особенности снабдить приличными наставлениями о сбережении людей и соблюдения должного в дороге порядка...»²⁰

В письме управляющего Военным министерством А.И. Горчакова от 23 февраля (7 марта) 1814 г. генералу от инфантерии А.С. Феньшу,

который принимал активное участие в осаде Данцига, был определен порядок отправления ополчений в Россию: «Означенные ополчения возвращаются Санктпетербургское — через Юрбург, Ригу и Нарву, Новгородское — через Ковно, Динабург и Псков, Ярославское — через Ковно, Полоцк и Тверь, Тульское — через Гродно, Бобруйск и Брянск, Корпус Шмита через Юрбург до Риги, Тверское — от Риги через Псков и Новгород, Владимирское — через Могилев, Смоленск и Москву»²¹. «Для сбора остающихся в госпиталях воинов ополчения и препровождения их в Россию» велено было «оставить надежного штаб-офицера и несколько обер-офицеров, дав ему инструкцию и приличную сумму... Главнейше в его обязанность вменить, чтобы люди отправляемы были не иначе, как партиями при офицере и в исправной одежде и обуви»²². В делах РГВИА отложились рапорты комендантов городов о получении информации об освобождении ополчений от службы. Так, омский комендант 2 мая 1814 г. сообщает, что получил информацию о возвращении ратников 24 апреля²³.

В указе императора особо говорилось о важности «сбережения людей и соблюдении должного в дороге порядка»²⁴. В ведомости численности возвращающихся ополчений, подписанной начальником гарнизона Кенигсберга генерал-лейтенантом К.К. Сиверсом, указывается наличный состав губернской воинской силы, которая направлялась домой. Так, С.-Петербургское ополчение под начальством генерал-майора В.В. Ададунова состояло из 4264 чел. воинских чинов, Новгородское имело в наличие 3131 чел., Ярославское — 2825, Калужское — 4385, Тульское — 5980 человек²⁵. К отправке домой было собрано 20 685 ратников пяти ополчений.

Анализ документов показывает, что число возвратившихся домой воинов ополчения в рапортах и донесениях разное. Так, согласно количественным итоговым спискам, на момент расформирования в Новгородском ополчении числилось по уездам: Старорусский — 200 чел., Крестецкий — 207, Валдайский — 271, Боровичский — 542, Тихвинский — 262, Устюжский — 361, Череповецкий — 226, Кириловский — 77, Белозерский — 207, Новгородский — 465 человек. Всего — 2818 человек. Офицеры должны были следить за дисциплиной ратников «до самых мест жилищ воинов», сдать ополченцев под расписки и представить их старшему офицеру по уезду²⁶.

Разночтения хорошо заметны и по С.-Петербургскому ополчению. Так, в рапорте генерала К.К. Сиверса названо 4264 воина. В донесении же Ададунова Александру I о прибытии ополчения в Санкт-Петербург и роспуске его по домам указано 4202 человека, в том числе в прусских госпиталях было оставлено 176, в русских — 180 человек. Умерли во время марша и уже непосредственно в Санкт-Петербурге 11 воинов. Бежали из ополчения на пути домой 9 ратников²⁷. Следует отметить, что это было наименьшее число воинов, сбежавших из губернского ополчения за весь период войны. Некоторые крестьяне не хотели возвращаться к помещикам, но для большинства родной дом был связан, прежде всего, с семьей и привычным укладом жизни. Отмечен современниками был и еще один немаловажный фактор: из похода ратники-ополченцы возвращались другими людьми. Пройдя через огонь сражений, не раз рискуя жизнью, посмотрев в Западной Европе на свободных людей, они обрели

чувство собственного достоинства и укрепились в вере скорого освобождения от крепостной зависимости. Выполнив свой долг перед Родиной, они мечтали обрести свободу и подогревали друг друга разговорами о скором ее даровании (наивное ожидание милостей сверху — традиционная черта русского народа). В этом нет ничего удивительного, поскольку даже значительная часть дворян прониклась в Европе идеями о необходимости революционного преобразования общества путем изменения государственного строя.

Возвращаясь к основному сюжету исследования, вновь подчеркнем, что у исследователей нет единого мнения относительно численности вернувшегося из похода С.-Петербургского ополчения. В.И. Бабкин считает, что из Заграничных походов в Санкт-Петербург возвратилось 6237 ратников²⁸. В своей работе он ссылается на окончательную перечневую ведомость от 4 сентября 1815 года. В ней указывалось, что убитых и без вести пропавших было 672 ратника С.-Петербургского ополчения и около 7000 умерло в госпиталях и полковых околотках во время похода²⁹. Однако число вернувшихся ратников С.-Петербургского ополчения, указанное в перечневой ведомости, не совпадает с запиской от 14 сентября 1814 г. начальника объединенного Комитета С.-Петербургского ополчения генерал-лейтенанта А.Д. Буткевича «о числе возвратившихся из похода воинов временного ополчения С.-Петербургской губернии на прежние жилища», связанной с тем, что «воинам следует разослать высочайше пожалованные по 1 рублю на человека». В ней указано 4917 человек. С нижними чинами «бывших вместе с ополчением в 1812 г. при выступлении в поход 2 и 3-го морских и Воронежского полков — 1320 человек», а также прикомандированными к ополчению нижними чинами учебного батальона, внутренней стражей и инвалидами, бывшим ратникам всего было выдано 6468 рублей³⁰.

Таким образом, разночтения в отчетной документации того времени не позволяют определить точное число воинов С.-Петербургского земского ополчения, возвратившихся из похода домой. Аналогичная ситуация и с офицерским составом ратных сил. Так, в губернской воинской силе на офицерских должностях, урядниками и вольноопределяющимися в 1812—1814 гг. служили 609 дворян. Более 40 из них были убиты, около 150 — ранены. Часть дворян храбростью на войне добилась офицерских званий и осталась служить в регулярной армии. Так, Гавриил Силич поступил в ополчение из служащих Департамента горных и соляных дел, после роспуска ополчения остался служить в армии. Его же брат, шестнадцатилетний Григорий Силич, прапорщик, который был принят в ополчение из кадетов Горного кадетского корпуса, предпочел вернуться на гражданскую службу³¹. Другой воспитанник Горного кадетского корпуса — Пётр Топорков — служил урядником в 13-й дружине. За храбрость в боях он был произведен в прапорщики и остался служить в армии³².

Остался на службе в армии и А.И. Михайловский-Данилевский, направленный в ополчение по рекомендации дворянства Царскосельского (Софийского) уезда, ставший впоследствии официальным историографом Отечественной войны 1812 года. По-разному сложились судьбы и остальных дворян. Четырнадцатилетний барон Густав Клод честно служил в ополчении, а затем вернулся доучиваться гор-

ному делу ³³. Большинство чиновников возвратились на службу к своим должностям и обязанностям. В более выигрышном положении были те, у кого имелись средства для жизни в имении и отдыха от ратных трудов.

Данные о потерях С.-Петербургского ополчения по уездам можно детализировать по отчетам помещиков, находящихся в Российском государственном историческом архиве СПб. (в числителе — количество крестьян, направленных в ополчение, в знаменателе — вернувшихся ратников): С.-Петербургский — 640/253, Шлиссельбургский — 628/175, Царскосельский — 1082/406, Ораниенбаумский — 1498/705, Ямбургский — 1965/981, Гдовский — 1832/506, Лужский — 2678/849, Новолодожский — 1419/603. Всего — 11742 мобилизованных ратника, и 4478 вернувшихся ³⁴. Анализируя эти цифры, несложно заметить, что помещики получили из ополчения вдвое-втрое меньше людей, чем направляли. Приведем и другой пример: из 53 крестьян, сданных в ополчение тайным советником С.В. Шкуриным, к хозяйству возвратились только 12 бывших ратников (23%). Старосты его удельных деревень в Новолодожском уезде докладывали, что многие из крестьян «невозвратились из похода против французов, оставив сиротами свои семьи» ³⁵.

1-я дружина С.-Петербургского ополчения полностью состояла из мещан и ремесленников. Всего было направлено в ополчение 746 чел., вернулось же из них — 314. Ратники проявили себя во многих сражениях, участвовали в «горячих делах» при Смоленах, на Березине, в составе авангардных войск во время Заграничных походов. Особо отличились воины 1-й дружины при осаде Данцига. Представим имеющиеся данные по сословиям и национальностям (в числителе — количество направленных в ополчение, в знаменателе — вернувшихся к местам проживания):

1. Мещане: С.-Петербургские — 319/157, Шлиссельбургские — 45/16, Царскосельские, Гатчинские, Павловские — 50/41, Ораниенбаумские — 20/8, Ямбургские — 13/6, Ладожские — 45/19, Лужские — 12/?, Гдовские — 16/1, Нарвские — 21/6, Кронштадтские — ?/5;

2. Ремесленники: российские — 129/41, немецкие — 70/14 ³⁶.

Приведенные данные свидетельствуют о больших потерях, которые понесло С.-Петербургское ополчение в сражениях и походах 1812—1814 годов. 21 мая (2 июня) 1814 г. управляющий Военным министерством А.И. Горчаков дал предписание генералу И.Г. Гогелю о выдаче ружей ратникам для парада С.-Петербургского ополчения. В нем говорилось: «С.-Петербургское ополчение при выступлении от Данцига в свои жилища оставило там, по высочайшему е. и. в. повелению, ружья по надобности в них на снабжение других войск и следует сюда без ружей. Уважая в полной мере те подвиги, какими ополчение сие ознаменовало в сражениях отличное усердие свое к государю и отечеству и мужественным поражением неприятеля приобрело себе всегдашнюю славу, я нахожу приличным, чтобы оно для сохранения почести, справедливо ему принадлежащей, вступило в С.-Петербург парадом, неся ружья, бывшие страхом врагов отечества; по окончании же парада сложило бы их и обратилось в мирных жителей с такою готовностью, с какою приняло вид воинственный, коль скоро потребовало сего монаршее соизволение» ³⁷.

На Сестрорецком оружейном заводе было получено «переправочных 2483 и новых 517» — всего 3 000 ружей, которые были доставлены в Стрельну и накануне вступления ополчения в северную столицу вручены воинам ³⁸. 1 (13) июня 1814 г. управляющий Военным министерством Горчаков направил отношение генерал-губернатору Санкт-Петербурга С.К. Вязмитинову об организации торжественной встречи возвращающихся воинов ополчения: «По случаю возвращения здешнего ополчения в С.-Петербург, которое прибудет в Стрельну 10-го, а сюда 10 или 12-го сего июня (о чем я буду иметь честь особенно уведомить ваше высокопревосходительство), долгом поставляю сообщить вам, милостивый государь, что я полагаю встретить оное с тою же почестию, с каковою благоугодно было государю императору отправить сие ополчение в 1812 г. противу врагов России. Таковую встречу сделаю у Нарвской заставы и провожу ополчение до Исакиевской площади, на которой всемилостивейший государь соблагволил вручить то знамя, с коим оно столь храбро защищало наше отечество. По прибытии на Исакиевскую площадь я полагаю весьма приличным встреченным быть духовенством и принести богу благодарение за вся благая излиянная и за блистательные успехи победоносного российского воинства, в коих и сии возвращающиеся со славою воины столь отлично соучаствовали, о чем для учинения зависящего распоряжения со стороны духовенства отнесся я вместе с сим к г. тайному советнику кн. Голицыну.

Знамя, дарованное С.-Петербургскому ополчению, будет храниться в здешнем арсенале в особо приготовленном для того месте и с приличною надписью. Ожидая на сие мое предположение мнения вашего, милостивый государь, имею честь быть с истинным почтением и преданностью, вашего высокопревосходительства» ³⁹.

12 (24) июня 1814 г. Санкт-Петербургское ополчение торжественно вступило в столицу. На Исакиевской площади состоялся парад. Столичная публика восторженно приветствовала своих героев. Жители столицы империи воздали должное героизму ополченцев, искренне приветствовали их как спасителей отечества. После празднеств начались будни. Вчерашних ратников ополчения в сопровождении офицера и солдат доставляли в родные места и под расписку сдавали тем помещикам, которые отправили их на войну с Наполеоном. По этому вопросу в 1-м Департаменте Сената было заведено дело «О возвращении домой ополчения Петербургской губернии», в котором прослеживалось четкое выполнение указа Александра I и велся учет, каким помещикам сколько возвращено людей ⁴⁰. В октябре в столицу вернулись и были распущены по домам ратники ополчения волонтерских казачьих полков Яхонтова и Боде. В первом добровольно вступивших вольных людей было 287 чел., и от Комитета временного ополчения — крепостных крестьян, предоставленных помещиками, — 116 человек. Всего — 403 человека. В полку Боде «из разного звания 164 чел., да осталось из числа данных Комитетом 166, итого 330 чел.» ⁴¹. Перед вступлением в Санкт-Петербург они были обмундированы в синие казачьи мундиры, помещены в казармы и после соблюдения всех формальностей и проверок отпущены по домам «в первобытное свое состояние». Роспуском ополчения занимался объединенный Комитет Санкт-Петербургского ополчения во гла-

ве с генерал-лейтенантом А.Д. Буткевичем. Он завершил свою деятельность только в 1816 году.

В числе ополчений, которые подлежали роспуску, было и воинское формирование Ярославской губернии. Его отправили домой в конце января 1814 г.: 1-й и 2-й пешие полки вернулись в Ярославль 12 (24) июня, а 1-й и 2-й конные — в ноябре 1814 года. Общие потери Ярославского ополчения составили 4663 чел. (41%), в том числе: убиты в сражениях — 321 воин, умерли во время похода — 2033, остались в госпиталях больными и ранеными — 2309 человек. Часть раненых и больных, безусловно, вернулась домой после выздоровления, однако далеко не все, так как смертность в госпиталях, где не было должного ухода за больными и ранеными, была очень высокой ⁴².

30 марта (11 апреля) 1813 г. последовал высочайший указ о роспуске Московского и Смоленского ополчений. Александр I, подписывая его, отдал должное заслугам губернских формирований: «Из народных Государственных сил, толь единодушно и ревностно в защиту отечества вооружившихся, прежде всех составились Смоленское и Московское ополчение. Они первыя встретили неприятеля и мужественным сопротивлением и многократными с ним битвами оказали усердие свое и заслуги. Ныне, по истреблении врага в пределах Наших, уже далеко за оными не дерзает он перед победоносным Нашим воинством появляться. Почему в силу обнародованнаго Нами обещания, освобождая Смоленское и Московское ополчение от пребывания на службе, повелеваем Мы, изъявляя к ним Монаршее Наше благоволение и признательность, распустить оныя по домам. Да обратится каждый из храброго воина паки в трудолюбиваго земледельца, и да наслаждается посреди родины и семейства своего приобретенною им честью, спокойствием и славою» ⁴³. Точных сведений о том, сколько воинов вернулось домой, установить не удалось. Это связано с тем, что значительная часть ратников Московского и Смоленского ополчений оставалась служить в действующей армии. В составе полков они участвовали в сражениях на территории Франции, а также «были при деле по взятию Парижа». К 1 (13) мая 1813 г. помещикам Московской губернии через земскую полицию было возвращено только 544 ратника. В рапорте исполняющего дела предводителя дворянства Дмитровского уезда Ф. Сахарова о возвращении помещикам воинов распущенного Московского ополчения указывается, что «присланные при сообщении Московской военной силы от г. подполковника Рославлева 38 воинов сего мая 19-го дня препровождены в Дмитровскую земскую полицию к помещикам в селении, и в принятии их отбираются от управляющих именными начальниками расписки, причем и представляется оным воинам именной список» ⁴⁴.

В июне 1813 г. в ведомости численности бригад Московского ополчения, отправленных из г. Борисова в Москву, указывалось 3222 воина. 6 (18) июля в списке отправленных воинов в различные уезды Московской губернии «господам уездным предводителям для обращения в дома их» — уже 5112 человек ⁴⁵. В последующие месяцы ополченцы возвращались небольшими партиями в Москву. Генерал-губернатор Москвы Ф.В. Ростопчин писал российскому императору 29 июля (10 августа) 1813 г. о нежелательности рекрутского набора в связи с невозвращением домой большей части Московского ополче-

ния: «Хотя Московское ополчение было распущено, но возвратилась едва третья часть»⁴⁶. В сентябре ратники продолжали нести службу в полках регулярной армии, саперных частях, госпиталях.

В конце 1815 г. не было полной ясности о том, сколько же воинов Московского ополчения возвратилось домой. Потери губернской воинской силы с полной достоверностью также определить трудно, так как из частей регулярной армии об этом сведений не поступало. Многие из числа мобилизованных числились пропавшими без вести. Ратники Смоленского ополчения до момента своего отпуска по домам занимались не только охраной порядка, но и выполнили большую работу по освобождению территории Смоленской губернии от непогребенных тел погибших. Их было так много, что «погребать их обычным способом не было никакой возможности»⁴⁷. В связи с этим 6 ноября 1812 г. в губернии была создана специальная комиссия по уборке человеческих трупов и скота, которая работала до 20 апреля (2 мая) 1813 года. Ратники вместе с крестьянами собирали останки людей и животных и сжигали их на кострах. В ведомости, составленной смоленским губернатором К.И. Аушем только по городу Рославлю, числится 3500 сожженных человеческих трупов, закопанных в ямы — 1500, скота — 502. В уезде числилось: сожженных — 2890, закопанных в ямы — 900 трупов, лошадей — 50⁴⁸. Среди 8790 сожженных и закопанных трупов в Рославле и уезде весной 1813 г. были как солдаты Великой Армии Наполеона, так и россияне. Нередко российские войска после очередной схватки с неприятелем шли вперед, оставляя заботу о раненых и убитых ополчениям. Не обходилось и без обычной на войне жестокости. Так, в записке московского ополченца М.М. Евреинова сохранились описания душераздирающей картины: «Приказано было рыть ямы, в которые крючьями таскали убитых, а вместе с ними и едва уже дышущих, но еще живых, и валили в яму, так что приметно было, как засыпаемая земля от их движения поднималась»⁴⁹. Если раненых еще удавалось собрать и отправить по возможности в госпитали на излечение, то погребением убитых практически никто не занимался, оставляя эту заботу на местные земские власти. Во всех уездах Смоленской губернии ратникам ополчения, которые были оставлены для несения внутренней службы, приходилось выполнять эту тяжелую, если не сказать отвратительную, работу: с наступлением зимы и до самой весны они выкапывали из-под снега человеческие останки, собирали их вместе, заготавливали дрова для погребальных костров и днями и ночами жгли эти костры. Даже после того, как было объявлено о роспуске ополчения и возвращении воинов в свои дома, земская полиция вызывала их, уже как крестьян того или иного уезда, для исполнения этой повинности. С февраля по май 1813 г. в городах и селах Смоленской губернии «сожжено и закопано 172 566 человеческих трупов и 154 539 туш скота»⁵⁰.

Не все ратники Московского и Смоленского ополчений, которые служили в армии, были распущены по домам. В Российском государственном военно-историческом архиве хранится директива управления Главного штаба всех армий № 3002 от 26 июля 1813 г., где сказано: «По высочайшей воле государя императора, изображенной в записках генерала от артиллерии графа Аракчеева мая 29 числа, воины в полках при армиях Заграничных состоящие не должны быть

распускаемы по домам до прекращения войны; а потому и должно руководствоваться его последней высочайшей волей; если же оные не при полках, но составляют особые отделения из ополчений Московского и Смоленского, то отправить их при офицерах»⁵¹. В том же архивном деле вместе с длинным списком московских заграничных ополченцев, возвращаемых в Россию, сохранился список из тридцати ратников-смолян, находившихся в корпусе барона Ф.Ф. Винценгероде. Поскольку они уже не принимали участия в боевых действиях, им предписывалось через Берлин и Познань следовать в Смоленск.

После роспуска ополчений, принимавших участие в осаде Данцига, в августе 1813 г. последовали указы Александра I об отправке домой семи полков Костромского, Симбирского, Нижегородского и Рязанского ополчений, которые участвовали в осаде крепости Глогау, а также Полтавского и Черниговского ополчений «от дворянства выставленные»⁵². К ним применялись те же правила, что и для воинской силы, которая принимала участие в осаде Данцига: воины были собраны из госпиталей и ближних командировок, одеты, обуты и каждому выдано по 5 рублей ассигнациями. Однако в отношении Полтавского и Черниговского ополчений на запрос генерал-фельдмаршала Барклая де Толли о мере вознаграждения ратникам Александр I написал резолюцию: «Как сие ополчение не было ни в деле с неприятелем, ни в дальних походах, то выдать по два рубля на воина»⁵³. Это распоряжение касалось только тех воинов, которые действительно не участвовали в боевых действиях, а несли гарнизонную службу в тылу действующей армии. В конце октября 1814 г. последовал указ российского императора о роспуске по домам всех остальных ополчений. В нем говорилось: «С возвращением армий наших в пределы Отечества указали Мы Генерал-Фельдмаршалу Графу Барклаю де Толи и Генералу Графу Бенигсену распустить по домам и достальное ополчение, во внутренних Губерниях Российских на защиту в 1812 году собранное, но бывшее доселе за границею»⁵⁴.

По данным Военного министерства Российской империи, в Заграничных походах участвовали 184 186 воинов губернских земских ополчений⁵⁵. В пределах России находились Московское, Смоленское, часть Владимирского и некоторые полки других ополчений, а также около 26 000 чел. резервных ополчений Казанской, Вятской, Симбирской, Пензенской, Нижегородской и Костромской губерний. Все они подлежали возвращению домой, чтобы «воины в недрах семейственных наслаждались среди трудов и промыслов, прежнему состоянию их личных, полным благом и спокойствием»⁵⁶. Впоследствии Военным министерством были разработаны и приняты правила о распределении изувеченных людей, бывших в ополчении. Они причислялись к «числу неслуживых инвалидов на казенное содержание», переселялись от помещиков в города в гарнизонные батальоны, что давало ополченцам, ставшим в ходе боевых действий инвалидами, некоторые гарантии не остаться без куска хлеба⁵⁷. Такие правила действовали и для армейских инвалидов. Ополченцы приравнивались к ним и могли пользоваться теми же правами, оставаясь при этом крепостными людьми. Таким образом, государство позаботилось о ратниках, получивших увечья в ходе боевых действий и оказавшихся неспособными заниматься сельскохозяйственным трудом, но это тема отдельного исследования.

Тверское и Владимирское ополчения не участвовали в Заграничных походах, однако их потери оказались не меньше, чем у тех губернских формирований, которые осаждали Данциг, Гамбург, Магдебург и Глогау. Так, из 12 636 ратников Тверского ополчения после указа российского императора домой вернулись 4577 человек⁵⁸. Остальные находились в госпиталях, где ухаживали за ранеными, 1914 чел. умерли от болезней в период службы, часть — сбежала. Так, по данным начальника ополчения генерала Я.И. Тыртова, в марте 1813 г. среди сбежавших числилось 11 урядников, 1 писарь и 805 ратников⁵⁹. В январе 1813 г. части Тверского ополчения вошли в состав корпуса генерала Ф.О. Паулуччи и использовались для охраны границы с Восточной Пруссией. Конный полк в составе около 600 чел. нес гарнизонную службу при военном губернаторе Восточной Пруссии — генерал-майоре К.К. Сиверсе.

Большое количество сбежавших ратников свидетельствует о тяготах службы. Подтверждает это в своем донесении и Рижский военный губернатор Ф.О. Паулуччи, рапортуя начальнику Главного штаба действующих армий П.М. Волконскому о состоянии Тверского ополчения: «Нижние чины Тверской военной силы, будучи до сего в непрерывных с полками переходах и употребляясь в частые караулы, до такой степени обносились обувью, рубахами, портами, шароварами, кафтанами и фуражками, что таковая одежда, обветшав, требует непременно починки или перемены»⁶⁰. Полки Тверского ополчения не только несли караульную службу, но и выполняли полицейские задачи: ловили беглых, мародеров, воров, охраняли собственность помещиков, выполняли земляные работы по содержанию дорог и переправ, ухаживали за больными и ранеными в госпиталях.

Для полноты данных укажем, что в составе гренадерского корпуса действующей армии в Западной Европе воевал батальон ополченцев, сформированный из людей удельных вотчин великой княгини Екатерины Павловны и на ее средства. В батальоне проходили службу 77 семинаристов и 26 «церковнослужителей», в том числе один послушник. В боях с неприятелем 14 семинаристов сложили головы, причем, младшему из них — Николаю Ивашеву из Ржевского уездного училища — в 1812 г. было всего 14 лет⁶¹. Из оставшихся в живых семинаристов семеро записались в мещане, а 34 остались в Твери и Санкт-Петербурге, чтобы поступить на разные чиновничьи должности. Только 14 чел. изъявили желание остаться в духовном звании, поступив, по распоряжению духовных властей, «на праздные пономарские и дьяконские должности» Тверской губернии. Так, старшекласник Кашинского училища Иван Новосёлов, вернувшийся из похода с Георгиевским крестом и в звании унтер-офицера, стал пономарем, а затем дьяконом. Он был награжден медалью за взятие Парижа⁶². Всего же из 900 ратников батальона великой княгини Екатерины Павловны домой вернулись 417 чел., то есть меньше половины списочного состава⁶³.

Основные силы Тверского ополчения прибыли в губернию 11 (23) июня 1814 г., после чего по домам было распущено 4814 человек. Во время похода из Прибалтики в госпиталях было оставлено 86 заболевших воинов, 11 ратников умерло в пути. В сентябре из Риги пришли в Тверь и также были отправлены по домам 35 урядников и 510 казаков 1-го и 3-го батальонов 3-го пешего полка. В госпиталях

Риги и Митавы находились на излечении 26 ратников⁶⁴. Таким образом, общее число воинов Тверского ополчения вместе с казаками конного полка, возвратившимися домой, не превысило 7000 человек.

Во Владимирском ополчении на январь 1814 г. числилось 12 штаб- и 120 обер-офицеров, 698 урядников и писарей и 6021 воин, всего — 6851 человек. После царского указа возвратилось домой не более 6000 человек. Часть воинов умерла в госпиталях, часть — сбежала, узнав, что предстоит вернуться к помещикам в «первобытное состояние».

Торжественно было отмечено возвращение из похода ратников Тульской губернии. 21 июня (3 июля) 1814 г. в поле за Киевскими воротами воинов встретил архиепископ Амвросий со всем духовенством «с хоругвями и крестным ходом вкупе и всеми жителями города». Во главе стройного марша ополченцев процессия вступила в Тулу. Состоялся традиционный молебен, затем панихида по убиенным, угощение от города воинам, для офицеров — бал. Затем ратники были «сланы губернатору Богданову для водворения по домам воинов ополчения в числе штаб-офицеров 10, обер-офицеров 218, на вакансии обер-офицеров 10, урядников 189 и 7014 воинов .... Тут же и отправлены по уездам с офицерами при печатных билетах на каждого отпускаемого воина, по спискам одной формы с означением помещиков, селений, имя воина, где в отлучке, по какое число чем удовлетворен, с арматуром вещей на нем состоящих»⁶⁵. Сдача ополченцев помещикам проходила через земские суды, что само по себе выглядело весьма унижительно. Тульские ополченцы возвращались в губернию до конца 1814 года. Эскадроны конного полка конвоировали из Данцига пленного генерала Ж. Раппа и офицеров его штаба в Киев, а уж затем вернулись домой. 27 октября (8 ноября) вступил в Тулу 4-й батальон 1-го пешего полка под командованием капитана 2-го ранга Кожина. В его рядах состояло 546 чел., которые вскоре были также распущены по домам в установленном порядке — рядовых ратников, героев войны разводили по деревням под конвоем. Всего из Тульского ополчения, по подсчетам, сделанным на основании архивных документов, вернулось около 10 000 чел. (в терминологии того времени — «душ»).

Советские исследователи, в первую очередь П.А. Жилин, в своих работах писали о дружественном приеме, который оказывался русской армии на немецких и польских землях: «Большую помощь и поддержку русская армия получала от немецкого и польского народов, и это в значительной мере ускоряло достижение победы над противником. Освобожденное население не только оказывало русской армии помощь в обеспечении ее продовольствием, фуражом, транспортом, но и само включалось в активные боевые действия...»⁶⁶ Подобная оценка событий не соответствовала реальному положению дел. Если в Восточной Пруссии и на некоторых других германских землях русскую армию, действительно, встречали как освободительницу от французского гнета, попиравшего национальное самосознание и интересы народа, то на польских территориях ситуация была совершенно другой. Большинство поляков видели в России, а, следовательно, и в русской армии силу, которая препятствовала объединению Польши и возвращению ей утраченной независимости. Не случайно в армии Наполеона воевал против России Пятый (польский) корпус генерала, а впоследствии маршала французской империи

Ю.А. Понятовского. После отступления из России и потери значительной части своих солдат, Понятовский вновь сформировал корпус из польских добровольцев, которые храбро сражались с войсками коалиции в битве народов под Лейпцигом. После прихода русских войск польское население и, в первую очередь, шляхта неоднократно поднимало восстания против России. Поляки действительно создавали партизанские отряды, но действовали они против русских войск, и в первую очередь против ратников ополчения, которые были плохо вооружены. Они убивали на дорогах оставших, нападали на госпитали, поджигали дома, где останавливались на постой русские солдаты. Так, в «Записке о составе, служении и водворении по домам Тульского военного ополчения», написанной полковником С.П. Бобрищевым-Пушкиным, рассказано о попытке поляков истребить части Тульского ополчения в Плоцке: «Покушение злобных поляков оказано было и сим временем, назначением, двоекратно, дня истребить ополчение, расположенное для их же спокойствия не более как по два или три человека на квартиру, почему крайне бы удобно было им злое намерение привести в действие, но извещение полным кагалом жиновским о сем покушении спасло ополчение, а соединением на ночь полных сотен совершенно оно обеспечило»⁶⁷. В Плоцке поляками был организован настоящий заговор с целью вырезать ополчение, воины которого расположились по квартирам горожан. Своевременно предупрежденные, ратники Тульского ополчения собрались вместе и готовы были дать достойный отпор. На следующий день полки ополчения получили приказ следовать к Данцигу, поэтому полковник С.П. Бобрищев-Пушкин не указал в Записке, чем закончилась эта история в Плоцке.

Возвращение ополчений в свои губернии проходило в течение полутора лет. После окончания военных действий все они походным маршем отправлялись в родные места. Этот трудный путь из Западной Европы занимал от трех до семи месяцев. Многие ратники так и не увидели своего дома, так как не выдерживали трудностей этого похода. Так, из Пензенского ополчения домой возвратились 4513 человек. Затем из госпиталей вернулись еще 1036 воинов, многие из которых остались инвалидами. Около 500 чел. умерли от ран и болезней в госпиталях. Свыше 2000 воинов пали на полях сражений. 2 (14) марта 1813 г. Александр I направил командующему ополчением 3-го округа генералу П.А. Толстому рескрипт об отмене наказания ратникам Пензенского ополчения за бунт, который они подняли накануне выступления в поход. В нем российский император повелевал «прощение сие объявить воинам и внушить им, что заблуждение свое должны они загладить усердною службой, верностию и повиновением начальству, как требует от них того обязанность закона и долг благодарности»⁶⁸. Ратники Пензенского ополчения выполнили свой долг перед отечеством.

24 февраля (6 марта) 1815 г. в Казань возвратилось из Заграничных походов Казанское земское ополчение под командованием подполковника Чичагова, состоявшее из пеших воинов. Жители губернского города торжественно встретили своих героев. Как писала газеты «Казанские известия», «24-ое число февраля было торжественнейшим днем для Казанской губернии, города Казани и дворянства. В оный с

поля чести и славы возвратилось и вступило в Казань Казанское ополчение, за веру, государя и отечество более двух лет подвизавшееся и особенно под стенами Дрездена храбростью своею отличившееся»⁶⁹.

Ратников ополчения архимандрит Свяжского монастыря Израиль с «большим собранием духовенства с хоругвями и чудотворной иконой Казанской Божией Матери, при многочисленном стечении народа, воинских и гражданских чинов и дворянства, встретил... за мостом через реку Казанку»⁷⁰. Ополчение подошло к встречающим и ликующим казанцам в строго воинском порядке, как бы отдавая честь горожанам, которых, по наблюдениям современников, собралось более десяти тысяч человек. Ведший ополчение подполковник Чичагов отдал рапорт коменданту Казани генерал-майору Д.М. Есипову. «Старик, принимая рапорт от героя, плакал. Затем, кое-как справившись с чувствами, приветствовал воинов и вместе со всеми кричал “Ура!”»⁷¹

Конные сотни Казанского ополчения в составе корпуса генерала П.А. Толстого были направлены к Магдебургу для участия в осаде города, а затем состояли в блокаде Гамбурга и домой вернулись только в конце мая 1815 года. Анализ потерь Казанского ополчения из-за недостатка источников сделать трудно. Известно, что при осаде Дрездена только в одном бою 26 октября (7 ноября) 1814 г. ратники потеряли убитыми 38 воинов и ранеными — 170⁷². Необходимо отметить, что ратники 3-го округа ополчения, в состав которого входило и Казанское, в ходе Заграничных походов и при несении гарнизонной службы в городах понесли большие потери. Так, в поход с берегов Волги отправившись 107 штаб- и 1153 обер-офицера, 3245 урядников, 54 598 ратников — всего 59 103 человека⁷³. Бабкин в своей работе «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года», приводя численный состав ополчения 3-го округа, называет цифру 54 598 ратников⁷⁴, совершенно не учитывая того, что в ополчении состояли не только рядовые воины, но еще и штаб- и обер-офицеры, а также урядники. Потери только за время похода на театр боевых действий составили 16 762 человека. Анализ архивных данных позволяет сделать вывод, что общие потери ополчения 3-го округа в период боевых действий ранеными, пропавшими без вести, умершими в госпиталях и сбежавшими составили около 32 000 человек. Основная причина этих небоевых потерь — тяготы походной жизни. Ополчения 3-го округа выступили в поход накануне зимы — в ноябре 1812 года. Трудная дорога на Киев, Волынь и далее — на территорию герцогства Варшавского при меняющихся климатических и погодных условиях была сопряжена со вспышками инфекционных заболеваний, особенно на территориях, разоренных войной. Крестьяне, не подготовленные к армейской жизни, были наиболее подвержены влиянию внешних факторов.

В январе 1813 г. генерал-лейтенантом Толстым была составлена ведомость о состоянии губернской воинской силы 3-го округа ополчения. Это интересный документ, который дает возможность проанализировать состав корпуса после того, как он выступил в поход. Так, во время следования в Волынскую губернию Рязанское ополчение понесло наибольшие потери. Больными были оставлены в госпиталях 6887 чел., умерло в пути — 794 чел., сбежало — 134 человека. Основные потери больными и умершими приходятся на 1-й, 2-й, 3-й

и 4-й пешие полки. Только в 4-м пешем полку из 2461 чел. были оставлены в госпиталях 1475 ратников, умерло — 176, бежало — 7 человек. Наибольшее число сбежавших было в 1-м егерском полку — 62 чел., умерло — 100 человек. Наименьшие потери во время похода понесло Пензенское ополчение. В госпиталях им было оставлено 1156 воинов, умерло в пути — 84 чел., сбежал — 21 человек. Всего же ополчение 3-го округа оставило в госпиталях 14 327 воинов, в походе умерло 1903 чел., в том числе 1 штаб- и 7 обер-офицеров, сбежало — 279 чел., в том числе 5 урядников из Симбирского ополчения ⁷⁵. Таким образом, еще не достигнув театра военных действий, ополчение 3-го округа потеряло треть своего состава. Тяжелыми были и бои с неприятелем. Но основные потери губернские ополчения понесли не в результате сопротивления неприятеля, а исключительно из-за болезни и плохого ухода за больными в госпиталях. Вследствие этого, домой вернулся только каждый третий воин. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что, находясь в ополчении, приписанные к войскам крестьяне и ремесленники оставались собственностью помещиков. Поэтому многие армейские командиры не были особенно озабочены сохранением такого рода «живой силы». Там, где было другое отношение к ратникам, потери оказывались значительно меньше.

В феврале 1815 г. вернулись из похода пешие полки Костромского ополчения. В его составе было 3220 воинов. Из-за больших потерь ополчение было переформировано. Вместо четырех пеших полков осталось только два: 1-й полк под командованием князя А.Н. Вяземского пришел в Кострому 2 февраля, 2-й полк под командованием полковника Д.П. Черевина — 20 февраля. В конце апреля возвратился и конный полк под командованием штабс-капитана Перфильева в составе 341 ратника ⁷⁶.

Земское ополчение Полтавской и Черниговской губерний понесло относительно меньшие потери, но и они были существенными: из 42 100 ратников домой вернулись 22 579 человек.

По окончании военных действий за крестьян, не вернувшихся из походов, помещики получали зачетные квитанции, которые предъявлялись при последующих рекрутских наборах ⁷⁷. Так, в материалах Царскосельского уездного предводителя дворянства представлены «Ведомости о числе людей поставленных в ополчение с имений помещиков». Согласно ведомости, 1091 чел. был поставлен в ополчение, убыло в походах 619 человек ⁷⁸. Далее представлены уравнительные ведомости по рекрутским наборам, в которых показано, что «не ожидается ни один полный рекрут» ⁷⁹. Стоит обратить внимание и на тот факт, к которому исследователи не обращались вообще: по «высочайше утвержденным правилам о распределении изувечных людей, бывших в ополчении», «вдовы, оставшиеся после тех людей, кои, находясь в ополчениях убиты, умерли или другими случаями выбыли, остаются принадлежащими помещикам и обществам» ⁸⁰. Очевидно, что помещику экономически было выгоднее поставить ратника в ополчение, нежели отдавать крестьянина в рекруты, поскольку и жена, и дети рекрута (если он имел свою семью) переставали быть собственностью помещика. Крестьяне, вернувшиеся с увечьями, не могли выполнять прежнюю работу на помещика и подлежали передаче на казенное содержание, как «бесполезные» для дальнейшего использования ⁸¹.

Помещик получал за такого крестьянина «зачетную квитанцию до их приходу, чтобы возвратившийся через несколько лет не обратился в тягость помещику...»⁸² Что было с семьями таких крестьян, по документам не прослеживается. Решение отдать изувеченных людей на казенное содержание предоставлялось и градским обществам⁸³.

В фонде Совета военного министра РГВИА имеется дело «О непроизводении вдовьяго жалованья и пенсионов вдовам оставшимся посмертно воинов служивших в милиции и ополчении»⁸⁴. Из него видно, кому Инспекторский департамент и Совет военного министра назначал пенсии, а кому нет. К сожалению, «полное жалованье какое мужья их получали» положено было только вдовам генералитета, штаб и обер-офицеров⁸⁵.

В материалах Императорского женского патриотического общества есть данные об оказании материальной помощи определенным категориям населения, пострадавшим от нашествия неприятеля⁸⁶. Также, согласно распоряжению Александра I, губернскими казначействами производились выплаты наличными деньгами помещикам, чиновникам, купцам, мещанам, сельским старостам, разоренным и пострадавшим от неприятеля. Кроме государственных средств на выплату пособий и денежных компенсаций шли и собранные в церквях пожертвования от населения. Так, Новгородская губернская казенная палата в 1813—1815 гг. выплатила 1547 руб. 57 копеек⁸⁷.

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить, что трагедия земского ополчения была оставлена без внимания дореволюционными и советскими исследователями. Его участие в войне 1812 г. и Заграничных походах 1813—1814 гг. рассматривалось, прежде всего, как патриотический акт, где героизм рядовых воинов в ходе кампании против наполеоновских войск, становился центральным событием «народной» войны. Именно этот факт давал основание для разного рода политических спекуляций и идеологических подтасовок. В результате конъюнктурного подхода к теме все заслуги в разгроме врага приписывались исключительно «народному движению» во главе с признанным вождем М.И. Кутузовым, а все негативные аспекты относились на счет порочного феодально-крепостнического строя Российской империи и его наиболее значимого представителя в лице царя Александра I. Не бралось во внимание и то обстоятельство, что в рядах земского ополчения служили не только рядовые ратники из крепостных крестьян и ремесленников, но также штаб- и обер-офицеры, урядники из дворян, вольноопределяющиеся, представители духовного сословия, мещане, которые наравне с воинами-крестьянами переносили все тяготы походной жизни.

Возвращение ополчения домой не было столь радостным, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, земское ополчение в войне с Наполеоном понесло наибольшие потери по сравнению с другими ополчениями: казачьим, сформированным на Украине, Войска Донского, башкиро-мещерякским, калмыцким. Основная причина была в том, что оно оказалось наименее приспособленным к походной жизни в отличие от казачьих, башкиро-мещерякских и калмыцких формирований. Потери во время похода на театр военных действий были огромными и неоправданными. Если рекрутов для армейской службы в специальных депо готовили в течение 7—9 месяцев, то ратникам опол-

чения на привыкание и овладение военной наукой выживания отводилось в лучшем случае 3—4 недели. От уровня подготовки во многом зависели и боевые качества ополчения, которому на первом этапе войны предназначалась роль вспомогательного войска.

Необходимо отметить в этом отношении серьезный подход при комплектовании С.-Петербургского ополчения. Это была, прежде всего, заслуга Кутузова, который командовал ополчением в начальный период войны и, даже став главнокомандующим всеми вооруженными силами империи, продолжал носить ополченскую бескозырку. Качественный отбор крестьян, формирование дружин по принципу землячества, активная военная подготовка привели к тому, что во время похода из Санкт-Петербурга в отдельный корпус П.Х. Витгенштейна ополчение потеряло отставшими и заболевшими всего несколько десятков человек. Ни один ратник не умер в пути. Так, 1 (13) сентября 1812 г. в параде ополчения на Исаакиевской площади Санкт-Петербурга участвовали 10 373 ратника. В корпус Витгенштейна после марша почти в 600 километров пришло 10 068 воинов⁸⁸. Они сразу же были включены в состав армейских полков в качестве третьих батальонов.

Подготовка ополчений 3-го округа была иной. К тому же, следует учитывать, что генерал-лейтенант Толстой повел свой корпус в поход в разгар зимы, что создавало дополнительные трудности и вело к большим потерям в результате болезней, истощения и внезапной смерти. Происходило это из-за полного отсутствия какого-либо лекарского обеспечения формирований ополчения.

На всем протяжении существования земского ополчения с июля 1812 г. до окончания Заграничных походов их начальники ставили перед главнокомандующим, управляющим Военным министерством, Провиантским департаментом вопросы о плохом снабжении губернских формирований провиантом и одеждой. В 1814 г. в провиантском ведомстве были выявлены крупные хищения. Назначенная Александром I комиссия из членов Государственного совета провела расследование действий Провиантского департамента и обнаружила противозаконные поступки управляющего Военным министерством Горчакова, причинившие казне большие убытки⁸⁹. Казнокрадство в Провиантском департаменте сказывалось на снабжении армии, но в первую очередь отражалось на состоянии ополчения, которое существовало впроголодь и было из рук вон плохо одето. В донесении флигель-адъютанта А.С. Меншикова Александру I о положении ратников Московского ополчения, прикомандированных к саперным частям, говорилось: «Теперь они босы, оборваны и не имеют достаточно одежды, чтобы укрыться от стужи и непогоды. Провиантом они довольствуются наравне с пионерами, но мясная и винная порция отпускается по положению о нестроевых чинах»⁹⁰. Даже находясь в составе регулярных войск, нередко ополченцы получали меньший рацион, чем солдаты регулярной армии. Отсутствие теплой одежды в зимний период, особенно при осадах городов-крепостей, которые обороняли французы, суровые условия жизни в земляных сооружениях, сосредоточение большого количества воинов на небольших пространствах способствовали распространению тифа, а плохое питание — дизентерии. Болезни унесли немало жизней как осажденных, так и осаждавших. В

первую очередь от этих болезней страдали ополченцы, которые были менее приспособлены к подобной жизни.

Во-вторых, не все ратники стремились вернуться «в первобытное свое состояние» к помещикам. Воины, которые пришли на помощь отечеству в самое трудное для него время, ставшие «жертвенниками», спасшими Родину от внешнего врага, верили в скорое освобождение от крепостной зависимости в награду за их честную службу в ополчении. Их самосознание ущемляло то обстоятельство, что под наблюдением офицеров, земской полиции и уездного предводителя дворянства их водворяли в имения и по квитанции передавали помещикам. В ряде губерний такое водворение приводило к конфликтам, отдельным стычкам с земской полицией. Н.И. Тургенев писал о настроениях крестьян в этот период: «Когда неприятель удалился, — те из них, которые были крепостными, вполне естественно думали, что такое геройское сопротивление, преодоление стольких опасностей, навстречу которым они храбро шли, стольких лишений, самоотверженно перенесенных ради общего освобождения, — давали им право на свободу. Убежденные в этом крепостные некоторых местностей не хотели более признавать власть своих господ»⁹¹. Однако правительство и помещики думали иначе⁹². На протяжении 1814—1815 гг. Комитет министров часто заслушивал дела «о своевольстве распущенных из ополчения ратников»⁹³. В донесении Новгородского вице-губернатора сообщалось, что «со времени роспуска ополчения редкий день проходит, чтобы не доходило... взаимных жалоб от воинов, помещиков и их приказчиков»⁹⁴. Такие же донесения поступали в высшие государственные органы Российской империи из С.-Петербургской, Калужской, Симбирской, Пензенской и других губерний. Никаких реформ, а, следовательно, и перемен в жизни ополченцев — крепостных крестьян, вернувшихся в свои деревни после войны с Наполеоном — не последовало.

Земское ополчение 1812 г., сыгравшее важную роль в разгроме наполеоновских армий, осталось яркой, но трагической страницей в истории России. Поскольку эта роль не была по достоинству оценена Александром I и его правительством, то и российское общество в лице дворян и помещиков проигнорировало вклад своих крепостных в дело общей победы. Получая возвратившихся из ополчения ратников по квитанции земской полиции, как какой-то товар, помещики считали, что именно они выполнили свой патриотический долг перед государством, передав ему во временное пользование в качестве воинской силы для защиты отечества часть своей собственности — крепостных крестьян. Получив ее обратно, российские феодалы вернули все в «первобытное состояние».

Примечания

1. УРЛАНИС Б.Ц. Войны и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII—XX вв. М. 1960, с. 75—95, 87—88.
2. КОРНИЛОВ А.А. Курс истории России XIX века. М. 1993, с. 102.
3. ПОГРЕБИНСКИЙ А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX—XX вв.). М. 1954, с. 24.
4. БЛИОХ И.С. Финансы России XIX столетия. История — статистика. Т. 1. СПб. 1882, с. 135.

5. ХРОМОВ П.А. Экономическое развитие России XIX—XX вв. (1800—1917). М. 1950, с. 441, 447.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. ВУА, д. 3465, ч. 2, л. 455—457.
7. Государственный архив Смоленской области (ГА СО), ф. 1, оп. 1, д. 191, 1813; д. 197, 1813, л. 65об.
8. ВОРОНОВСКИЙ В.М. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб. 1912, с. 319.
9. ДОЛГОРУКОВ Н.В. Из записок князя Николая Васильевича Долгорукова (с французского неизданного подлинника). — Русский архив. 1892, № 11, с. 268.
10. ГРАЧЁВ В.И. Смоленск и его губерния в 1812 г. Юбилейное издание. Смоленск. 1912, с. 11, 20.
11. БОГОМОЛОВ В.И. Роль армейских партизан в Отечественной войне 1812 года. В кн.: Наше отечество. Страницы истории. Сб. научных статей. М. 2016, с. 12—19.
12. РОМАНОВА Г.В. Симбиряне — участники земских ополчений в Отечественной войне 1812 года: публикация документов из фондов государственного архива Ульяновской области. — Симбирский научный вестник. 2012, №2(8), с. 221—226.
13. РГВИА, ф. 395, оп. 1/130, св. 56, д. 249, л. 3—22; св. 61, д. 92, л. 4об.
14. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов. М. 1962, с. 34.
15. РГВИА, ф. 395, оп. 1/130, св. 61, д. 92, л. 1об., 3.
16. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года, с. 35.
17. РГВИА, ф. 395, оп. 1/130, св. 61, д. 92, л. 1.
18. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года, с. 35.
19. РГВИА, ф. 395, оп. 1/130, св. 61, д. 92, л. 3.
20. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года, с. 35.
21. РГВИА, ф. 395, оп. 1/130, св. 61, д. 92, л. 1об.
22. Государственный архив Новгородской области (ГА НО), ф. 141, оп. 1, д. 35, л. 3; РГВИА, ф. 395, оп. 1/130, св. 61, д. 92, л. 8, 22об.
23. РГВИА, ф. 395, оп. 1/130, св. 61, д. 92, л. 9—17.
24. Там же, л. 22.
25. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года, с. 37.
26. ГА НО, ф. 138, оп. 1, д. 59, л. 1—123; ф. 139, оп. 1, д. 445, л. 1—44.
27. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года, с. 326.
28. БАБКИН В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М. 1962, с. 204.
29. РГИА, ф. 1286, оп. 2, д. 280, л. 86; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), ф. 186, оп. 1, д. 215, л. 154.
30. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года, с. 328—329.
31. Там же, с. 314.
32. Материалы для истории дворянства Санкт-Петербургской губернии. Т. 2. СПб. 1912, с. 396.
33. ЦГИА СПб., ф. 189, оп. 1, д. 85, л. 8.
34. Там же, д. 6, 18, 30, 51, 118, 120, 124, 128, 130, 132, 136, 138, 189, 191, 193, 194, 305.
35. РГИА, ф. 705, оп. 1, д. 85.
36. ЦГИА СПб., ф. 189, оп. 1, д. 95, 96, 189, 305, 306.
37. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года, с. 325.
38. Там же.
39. Там же.
40. РГИА, ф. 1341, оп. 15, д. 1408, л. 6.
41. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года, с. 330.
42. Материалы для истории ярославской военной силы в Отечественную войну 1812 г. Ярославль. 1912, с. 147.
43. ПСЗ, собр. 1, т. XXXII, с. 553.
44. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года, с. 101—102.
45. Там же, с. 104.
46. Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XIV. СПб. 1912, с. 269—270.
47. ВОРОНОВСКИЙ В.М. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб. 1912, с. 256.
48. РГВИА, ф. ВУА, д. 3465, ч. 10, л. 234—235.
49. ЕВРЕЙНОВ М.М. Память о 1812 годе. Записка Московского ополченца 1812 года. М. Евреинова. — Русский архив. 1874, № 2, с. 457.

50. ГА СО, ф. 1, оп. 1, д. 76, 1812 г., л. 1, 5, 7.
51. РГВИА, ф. 103, оп. 1/208г., св. 2, д. 7, ч. 6, л. 23.
52. Там же, оп. 1/208а, св. 138, д. 21, л. 1—133.
53. РГИА, ф. 1409, оп. 1, 1812 г., д. 698, ч. V, л. 18.
54. ПСЗ, собр. 1, т. XXXII, с. 1077.
55. РГВИА, ф. 846, д. 16887, л. 1—2; Столетие военного министерства. 1802—1902, т. 4, ч. 1, кн. 1, отд. II, с. 71—72.
56. ПСЗ, собр. 1, т. XXXII, с. 1077.
57. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года, с. 41—42.
58. БАБКИН В.И. Ук. соч., с. 197.
59. РГВИА, ф. 291, д. 13, ч. 6, л. 13—16.
60. Там же, ф. 395, оп. 1/130, св. 56, д. 249, л. 9—9об.
61. КУРБАТОВ О. «Дети» великой княгини Екатерины Павловны. — Православное информационное агентство. 2004, 22 апреля.
62. МАТИСОН А.В. Духовенство Тверской епархии XVIII — начала XX веков. Родословные росписи. СПб. 2003, с. 66.
63. ЙЕНА Д. Екатерина Павловна. Великая княжна, королева Вюртемберга. М. 2006, с. 167.
64. РГИА, ф. 1409, оп. 1, 1812, д. 837, л. 8.
65. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года, с. 248—249.
66. ЖИЛИН П.А. Отечественная война 1812 года. М. 1988, с. 371.
67. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года, с. 237.
68. Там же, с. 396.
69. Казанские известия. 1815, 27 февраля.
70. Там же.
71. ДЕВЯТЫХ Л. Казанское ополчение. — Республика Татарстан. 2002, 12 сентября.
72. АПУХТИН В.Р. Казанское дворянское ополчение 1812—1813—1814 гг. Очерк и материалы. М. 1912, с. 124.
73. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года, с. 390—395.
74. БАБКИН В.И. Ук. соч., с. 205.
75. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года, с. 390—395.
76. ВОЕНСКИЙ К.А. Костромское ополчение 1812—1815 гг. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 г. СПб. 1912, с. 97.
77. ГА НО, ф. 141, оп. 1, д. 43, л. 1—6.
78. ЦГИА СПб., ф. 1116, оп. 1, д. 15, л. 6, 16—18об., 23—24.
79. Там же, л. 23—24, 25—26, 27—28, 38—39.
80. ПСЗ. Собр. 1, т. XXXIII, с. 188.
81. Там же, с. 184.
82. ЦГИА СПб., ф. 536, оп. 9, д. 4928, л. 8об.—9.
83. Там же, л. 9.
84. РГВИА, ф. 28, оп. 1, ч. 1, д. 47, л. 1—6.
85. Там же, л. 1—5.
86. ЦГИА СПб., ф. 535, оп. 1, д. 12, л. 1—144; д. 16, л. 1—87.
87. ГА НО, ф. 418, оп. 1, д. 10, л. 12.
88. Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА, т. XIX, с. 373.
89. ВЕРШИНИН А.А. Горчаков А.И. Биографический очерк. Отечественная война 1812 года. М. 2002, с. 199.
90. РГВИА, ф. 474, оп. 1, д. 172, л. 3—3об.
91. ТУРГЕНЕВ Н.И. Россия и русские. Русские мемуары. Избранные страницы 1800—1825 гг. М. 1989, с. 269.
92. ГА НО, ф. 138, оп. 1, д. 60, л. 1—81.
93. БАБКИН В.И. Ук. соч., с. 208.
94. Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. М. 1961, с. 324.

Ферраро-Флорентийский собор 1438—1439 гг. и великое княжество Московское

Е.И. Малето

Аннотация. В публикации на основе анализа русских летописей, переписки великого князя московского Василия Васильевича II с протом (греч. — настоятель монастыря и глава всего Афона) и старцами Святой Горы Афон; посланий князя к Константинопольскому патриарху и византийскому императору с привлечением материалов духовного завещания Марка, митрополита Эфесского; обращения трех восточных патриархов против подчинения православной церкви Риму, а также записок непосредственных участников Ферраро-Флорентийского собора 1438—1439 гг. (инока Фомы, Авраамия Суздальского, Симеона Суздальского, Неизвестного Суздальца) и других хорошо известных специалистам источников, автор ставит вопрос об актуализации изучения факторов внешнеполитического курса великих князей московских и Русской православной церкви, оказавших решающее влияние на процессы централизации русского государства.

Ключевые слова: Великое княжество Московское, Византийская империя, Ферраро-Флорентийский собор, великий князь московский Василий Васильевич II (Темный), митрополит Исидор, инок Фома, Авраамий Суздальский, Симеон Суздальский, Марк Эфесский, митрополит Иона, автокефалия, Русское централизованное государство.

Abstract. In work on the basis of the analysis of the Russian chronicles, correspondence of the grand duke Moscow Vasily Vasilyevich of II with proty (greek — literally the prior of the monastery and the head of all Athos) and aged men of Mount Athos; messages of the prince to the Constantinople patriarch and Byzantine emperor with attraction of materials of the will Mark, metropolitan Efessky; messages of three East Patriarchs against subordination of orthodox Church to Rome, and also notes of direct participants of the Ferraro-Florentiysky cathedral 1438/1439 of (the monk Thomas, Avraamiya Suzdalsky, Simeon Suzdalsky, the Unknown Resident of Suzdal) and others well-known to specialists of sources, the author puts a question of updating of studying of factors of a foreign policy of grand dukes Moscow and Russian Orthodox Church, exerted decisive impact on processes of centralization of the Russian state.

Key words: Grand duchy Moscow, Byzantine empire, Ferraro-Florentiysky cathedral, Grand duke Moscow Vasily Vasilyevich II (Dark), metropolitan Isidor, monk Thomas, Avraamy Suzdalsky, Simeon Suzdalsky, Mark Efessky, metropolitan Jonah, autocephaly, Russian centralized state.

Малето Елена Ивановна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН. E-mail: malet@mail.ru.

Malet Elena I. — doctor of historical sciences, senior researcher at the Institute of Russian History. E-mail: malet@mail.ru.

Одним из центральных событий церковно-политической истории и международной жизни средневековой Европы XV столетия, оказавших глубокое влияние на историю Руси, Византии и остального мира, стал Ферраро-Флорентийский собор 1438—1439 годов. Участие в соборе представителей Русской православной церкви было первым присутствием Руси Московской на таком крупном международном собрании. Итогом собора явилось подписание унии между православной и римско-католической церквями. Однако так называемое «объединение церквей» продлилось недолго. Уже вскоре после того, как великий князь московский Василий Васильевич II (Темный) и большинство православного клира — на Руси, а также во главе с Марком Эфесским — в Византии решения собора отвергли, стало очевидно, что союз между церквями не состоялся. Опыт Византии, ослабшей под ударами турок-османов и спасовавшей перед напором католического Рима для Руси Московской, сила которой, благодаря процессам централизации, напротив, нарастала, оказался неприемлем.

В историографии осмыслению политического, идеологического и конфессионального значения Ферраро-Флорентийского собора 1438—1439 гг. посвящен значительный комплекс научных работ. Первые исследования об истории собора появились в отечественной историографии еще в XIX столетии. У истоков пробуждения интереса к указанному вопросу стояли видные специалисты по истории русской церкви: Н.С. Тихонравов, И.Н. Остроумов, Е.Е. Голубинский, Макарий (Булгаков), А.В. Карташев и другие ¹.

Следующий этап научного исследования Ферраро-Флорентийского собора и его итогов связан с комплексом работ советских и зарубежных специалистов XX столетия. В этот период заметно расширилась источниковая база исследования этого важного международного события. Еще в 1940—1950-х гг. представителями западной историографии были предприняты попытки собрать и издать все касающиеся деятельности собора латинские и греческие источники. Удачным обобщением результатов проделанной работы стал фундаментальный труд профессора Оксфордского университета иезуита Джозефа Джилла, в котором главные аспекты деятельности собора получили всестороннее освещение ². Постепенное и последовательное возрождение интереса к истории Русской православной церкви, начиная с 1950-х — 1970-х и особенно с середины 1980-х гг. привлекло внимание отечественных специалистов и к международным аспектам заключения унии, и к судьбам непосредственных участников собора. Рост научного интереса сопровождался не только новыми публикациями источников, но и значительным расширением спектра основных направлений научных исследований ³.

Опираясь на достижения прошлого, представители отечественной и зарубежной науки провели большую работу по изучению и систематизации фактов, связанных с ходом самого Ферраро-Флорентийского собора, его документальными источниками и литературным наследием; сутью богословских расхождений относительно «филюкве» (добавлении, сделанном Римской церковью к Символу Веры об исхождении св. Духа не только от Бога отца, но «... и от Сына»); историческими персоналиями и участниками (Марк Эфесский, Виссарион Никейский, Исидор, Авраамий Суздальский, Неизвестный

Суздалец и др.). Ключевую роль в актуализации изучения факторов внешнеполитического курса великих князей московских и Русской православной церкви сыграли издания и публикации, подготовленные Н.А. Казаковой, Н.И. Прокофьевым, Н.В. Сеницыной, Б.Н. Флорей и другими ⁴. В последнее время эта наметившаяся в историографии тенденция стабильно и динамично развивается ⁵, но отдельные нюансы внешнеполитического курса великого княжества Московского и его князей по отношению к собору и его результатам так и не прояснены.

В настоящее время интерес к истории и событиям Ферраро-Флорентийского собора продолжает расти не только среди ученых, но и в богословских кругах.

Документальной основой данного исследования стали свидетельства Московского летописного свода конца XV в., Новгородской первой летописи, Софийской второй летописи, Никоновской летописи ⁶; материалы Русской исторической библиотеки, где опубликованы памятники древнерусского канонического права ⁷; духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. ⁸; записки непосредственных участников собора: Авраамия Суздальского, Симеона Суздальского, Неизвестного Суздальца ⁹, а также хорошо известное специалистам «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче», автор которого — тверской поп Фома (Матвеевич) — доверенное лицо, посол великого князя Тверского Бориса Александровича и непосредственный участник Ферраро-Флорентийского собора 1438—1439 годов ¹⁰.

Время второй четверти XV в. стало периодом серьезных испытаний для Руси, связанных с вопросом об унии с католической церковью, утвержденной в 1439 г. на Флорентийском соборе и тяжелейшим внутренним положением: шла династическая война ¹¹. Дело в том, что к концу XIV в. внутри Московского княжества в процессе вызревания предпосылок для объединения Руси образовалось несколько удельных княжеств, принадлежавших сыновьям Дмитрия Донского. Крупнейшими из них были Галицкое и Звенигородское, которые получил сын Дмитрия Донского Юрий ¹². Отношения между великим князем Василием I (1389—1425) и его дядей, князем Юрием, были крайне напряженными. Проблема усугублялась тем, что роль Москвы, как столицы Руси окончательно еще не была решена. В борьбе с другими удельными княжествами (Тверским, Рязанским, Суздальско-Нижегородским) Москве еще предстояло доказать свое лидерство. Процесс централизации государства шел сложно.

После смерти великого князя Василия I (1389—1425) его преемником стал 10-летний сын Василий II Васильевич (1425—1462). Возведение малолетнего князя на престол впервые состоялось в Москве, а не во Владимире, который с этого времени утратил право столичного города, хотя в титуле великих князей все еще именовался прежде Москвы. Неожиданно права на великокняжеский престол предъявил младший сын Дмитрия Донского Юрий Дмитриевич, владевший Звенигородским и Галицким княжествами. Юрий Звенигородский мог стать великим князем, если у Василия I не будет сыновей, так как в духовной Дмитрия Донского именно он упоминался в качестве наследника в случае смерти старшего сына. Однако Василий II наследо-

вал стол по духовной Василия I. Началось ожесточенное противостояние сторон. Длительная династическая междоусобная война продолжалась с переменным успехом более двадцати лет вплоть до 1453 года. Противниками Василия II выступила коалиция удельных князей во главе с его дядей — князем звенигородским Юрием Дмитриевичем и его сыновьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой. В ходе войны, осложненной одновременной борьбой с Казанью и Великим княжеством Литовским, великокняжеский престол несколько раз переходил к галицким князьям, которых поддерживали Новгород и временно Тверь¹³.

В результате борьбы сторонников централизации во главе с московским князем и ее противников сначала был схвачен под Ростовом и 21 мая 1436 г. ослеплен в Москве Василий Юрьевич, а уже 16 февраля 1446 г. такая же участь постигла великого князя московского Василия II: во время богомолья в Троицко-Сергиевой лавре при активном участии монастырских властей он был захвачен сторонниками Юрьевичей и также ослеплен, получив прозвище Темный. После того, как московское боярство и церковь встали на сторону Василия Васильевича II, он вернул себе московский трон, одержав в начале 1450-х гг. победу над своими врагами (Шемяка в 1446 г. бежал в Новгород, где и был отравлен в 1453 году). В дальнейшем Василий II ликвидировал почти все мелкие уделы внутри Московского княжества и смог укрепить великокняжескую власть. В результате ряда удачных военных походов в 1441—1460 гг. им были возвращены ранее захваченные московские земли (Муром — 1443, Нижний Новгород — 1451 и ряд других территорий), усилилась зависимость от Москвы Суздальско-Нижегородского княжества, Новгородской земли, Пскова и Вятской земли.

Противникам великого князя поначалу активно помогала и церковь, в частности, рязанский епископ Иона (1448—1461). За это Дмитрий Шемяка «повеле ему идти к Москве и сести на дворе митрополиче, Иона же так и сотвори». В том же году состоялся церковный собор, оказавший поддержку Шемяке. И лишь после его изгнания из Москвы высшее духовенство предпочло перейти на сторону великого князя. Иона был поставлен митрополитом в 1448 г. по воле великого князя, став верным помощником и союзником Василия II в государственных делах. Его посвятил в митрополиты не константинопольский патриарх, а собор русских архиереев, что стало началом автокефалии русской церкви от константинопольского патриархата.

Однако в целом отношения церкви и светских властей были полны противоречий и конфликтов. Внутри церкви в XIV—XV вв. разворачивалась острейшая борьба за укрепление собственного политического, идеологического и, конечно, финансового положения. Что касается великокняжеской власти, то она, с одной стороны, была вынуждена считаться с церковью, а с другой — настойчиво стремилась к ее подчинению. Еще при Василии I великокняжеская власть предпринимала попытки ослабить церковь и ограничить увеличившееся к тому времени церковное землевладение. Международная обстановка благоприятствовала великому князю, поскольку сама Византия, вследствие расширения агрессии турок-осман и военных успехов турецкого султана Баязида, находилась в весьма затруднительном поло-

жени. Ситуацию усугубила смерть митрополита Киприана (1406 г.), на смену которому в 1410 г. на Русь из Византии был прислан очередной митрополит — грек Фотий. В результате уже в 1413 г. между великим князем и митрополитом возник открытый конфликт. Усилия Фотия были направлены на сохранение единства русской церковной организации, нарушенного в 1414—1420 гг. поставлением отдельного митрополита для русских земель в Великом княжестве Литовском — Григория Цамблака — племянника митрополита Киприана, который возглавлял киевскую митрополию до 1419 года.

При малолетнем князе Василии II митрополит Фотий занял одно из ведущих мест в московском правительстве. После смерти Фотия (1 июля 1431 г.) в условиях продолжавшейся династической войны и политической нестабильности с избранием нового митрополита правительство Василия II не спешило. Подобная медлительность, по мнению историка Н.С. Борисова, объяснялась весьма просто: «в условиях острой межкняжеской борьбы и государственной разрухи и Василий II и Юрий Звенигородский предпочитали видеть церковь обезглавленной, опасаясь, как бы новый митрополит не принял сторону соперника»¹⁴. Замешательством воспользовался литовский князь Свидригайло, который послал в 1432 г. в Константинополь ставиться митрополитом смоленского епископа Герасима. В следующем году Герасим возвратился из Константинополя митрополитом. Московский кандидат на митрополию — Рязанский епископ Иона — был отправлен в Константинополь на поставление лишь спустя четыре года, в конце 1435 — начале 1436 г., когда положение Василия II несколько упрочилось в Москве и произошла насильственная смерть Герасима, которого Свидригайло сжег в 1435 г. по подозрению в политической измене. Однако ко времени прибытия Ионы в Константинополь патриарх Иосиф II (1416—1439) уже поставил на Русь грека — митрополита Исидора (1436—1441), с которым византийская церковь связывала далеко идущие внешнеполитические и конфессиональные планы. В XV в., в обстановке угрозы турецкого нашествия, ослабевшая Византия искала союзников и вела переговоры о заключении церковной унии с римской церковью, рассчитывая получить поддержку европейских католических стран в борьбе с турками-османами. Для византийских политиков было важно сохранить в орбите своего влияния богатую русскую церковь, к которой они не раз обращались за помощью, а также втянуть Московское великое княжество в борьбу с Турцией. Митрополит Исидор — новый ставленник Константинопольской патриархии — должен был содействовать реализации этой задачи.

Политик, писатель и одновременно выдающийся богослов своего времени, Исидор был незаурядной личностью: его перу принадлежит более двадцати риторически оформленных писем на греческом языке, три энкомии (греч. — восхваление, хвалебная песнь) в честь византийских императоров, два аколупия (греч. — песнопения богослужений суточного круга) в честь архистратига Божия Михаила и святого великомученика Димитрия Солунского, похвальная речь императору Сигизмунду Люксембургскому, два выступления на Базельском соборе, ряд речей на Флорентийском соборе и др. Как полагают, Исидор родился между 1385—1390 гг. в Монеувасии на Пелопонне-

се, откуда происходил и его предшественник по Московской кафедре — святитель Фотий. Русские летописи называют его «многим языком сказателем». Образование он получил в Константинополе. После 1409 г. стал иеромонахом в монастыре Архистратига Михаила и прочих Ангелов в Монемасии. С 1433 по 1436 г. был игуменом монастыря Святого Димитрия Солунского в Константинополе, основанного императором Михаилом VIII Палеологом (1261—1282)¹⁵. В 1434 г. в составе греческой делегации (Дмитрия Палеолога и Иоанна Дисипата) Исидор участвовал в работе католического Базельского собора (1431), заседания которого возглавлял кардинал Джулиано Чезарини, и там же впервые высказался в пользу заключения унии между церквями¹⁶. Умер он 27 апреля 1463 г. в Риме.

Римский католицизм в течение XIV в. не раз активизировал идеи о «восточной унии», рассматривая ее как утверждение власти над Византией и Русью. Ранее уния уже была провозглашена Ватиканом на I Лионском соборе в 1245 г., а затем и на II Лионском соборе в 1274 году¹⁷.

Однако на деле никакого сближения между католичеством и греками не происходило, реальной власти папа на Востоке не получил, как и не получила никакой помощи от Запада Византия, внутри которой уступки императоров папству вызывали резкий протест со стороны православного общества. В то же время папство переживало идейный и духовный кризис, обозначившийся во второй половине XIII в., а в конце XIV — начале XV в. вылившийся в раскол («схизму») в католической церкви. Тогда одновременно было два папы — в Риме и в Авиньоне, каждый из которых объявлял другого узурпатором власти. Все это дискредитировало папство, ослабляло его авторитет, поэтому видные деятели католической церкви выступили сторонниками подчинения папской власти церковному собору. Созыв католического собора в Пизе (1409 г.) после столетнего перерыва (с 1311 г.) положил начало почти непрерывному 40-летнему периоду работы католических соборов: Пизанский, Констанцский, Павийский, Сиенский, Лионский, Базельский, Феррарский, Флорентийский, Римский. Во время соборных заседаний неоднократно вставали вопросы унии с Константинополем¹⁸. Это было время формирования основ униональной политики и унии как инструмента не только конфессионального, но, прежде всего, внешнеполитического воздействия на своих противников, главными из которых на тот момент времени были Византия и Русь.

Осенью 1436 г., по возвращении из Базеля, константинопольский патриарх Иосиф II рукоположил Исидора в митрополиты русской церкви («Киевские и всея Руси»), рассчитывая на то, что Исидор будет активно добиваться унии католической и православной церквей и тем самым способствовать борьбе Византии и Рима против турецкой агрессии. В пути на Русь через г. Львов его сопровождали прибывший ранее в Константинополь рязанский епископ Иона, императорский посол Николай Гуделис, преданный митрополиту монах Григорий и греки-родственники нового митрополита. Второго апреля 1437 г. все они благополучно прибыли в Москву. Вот как сообщает об этом Новгородская первая летопись: «Тоя же весны прииде из Царяграда на Москву от Патриарха Иосифа митрополит Исидор Гречин на Мит-

рополью»¹⁹. Московский князь Василий Васильевич вынужден был принять нового митрополита по ходатайству византийского императора: «Но за царского посла моление и за Святейшего Патриарха благословение, а за оногo сокрушение и многое покорение и челобитие, едва приахом его. Приахом его, яко отца и учителя, с многoю честию и благим усердием, по прежнему, якоже и онех предних Святейших Митрополитов наших Русских, мнящее, яко да и сей един от них есть»²⁰.

Свидетельством вполне лояльных отношений, установившихся между великим князем и митрополитом в первые месяцы после его прибытия в Москву, является, по мнению А.А. Зимина, dokonчание Василия II с великим князем тверским Борисом Александровичем (1425—1461), заключенное в 1437 году.²¹ По прибытии на Русь новый митрополит, не пробыв в Москве и полгода, стал готовиться к поездке в Италию на очередной собор, выполняя, по словам П. Пирлинга, указания, которые «были выработаны еще на берегах Босфора»²². Московский князь отпустил его с условием, что тот не допустит никаких изменений в православной вере: «о, Сидоре, дръзновенно дъеши, в Латыньскую землю идешь и составление осмаго собора поведаеши, его же отрекошася святи отци. Нынъ же, аще и останешися мысли своя, но буди въдаа, егда възвратишася оттуду к намъ, то принеси к нам изначальствънъишее прежнее благое съединение нынъшнее въсиавшее в нас благочестие и устав божественаго закона и правления святыа церкви»²³.

8 сентября 1437 г. русское посольство выехало из Москвы. Это событие получило подробное освещение в русских летописях, путевых записках русских путешественников — хождениях — и других источниках. В свиту митрополита входило около 100 человек. Среди них были суздальский епископ Авраамий, иеромонах Симеон, дьяк суздальского владыки, «Фома, посол тверский», архимандрит Вассиан, дьяк Василий, «прозвищем» Карл, а также греки митрополичьей свиты. Маршрут русской делегации пролегал через Тверь, Торжок, Волочѣк по р. Мсте в Великий Новгород и Псков, далее — через территорию Дерптского епископства и г. Юрьев (современный г. Тарту) в «Володимеръ град» (г. Вольмар) к Риге, затем — к морю, а оттуда через германские города на юг — в Италию на Ферраро-Флорентийский собор. Это был традиционный торговый маршрут, игравший немаловажную роль в контактах Руси с ее западноевропейскими партнерами: Ганзой, Швецией, Великим княжеством Литовским, через территорию которого проходили основные пути русско-ганзейской торговли²⁴.

По ходу своего движения митрополит останавливался в различных городах. В день праздника Воздвижения он находился в Твери, где к митрополичьему обозу присоединился посол тверского князя Фома. Сохранившиеся документы показывают, что в переписке с византийским императором и патриархом состоял не только великий князь московский, но и великий князь тверской, проводивший политику «тверского регионализма»²⁵. Так, «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче» сообщает, что отправке тверского посольства на собор предшествовала интенсивная переписка между византийским императором Иоанном VIII Палеологом и Борисом Тверским. Участие Твери во Флорентий-

ском соборе историки оценивают как весьма активное, а отношение к унии отрицательное, что, по мнению Я.С. Лурье, «подтверждает стремление Твери к национально-русскому объединению»²⁶. Сохранился и текст охранной грамоты папы римского Евгения IV послу русскому Фоме на право беспошлинного проезда и провоза багажа по всем территориям, подвластным римской курии, от февраля 1439 г., для возвращения на Русь, косвенно указывающий на заинтересованность Рима в контактах с великим князем тверским²⁷. Из Твери делегация направилась в Великий Новгород, где митрополит пробыл «целых семь недель». За пределами русской земли, когда митрополит со своей свитой приблизился к г. Юрьеву «живущии же в нем людие православия и вси священници съ честными кресты изыдоша срѣсти его, Латыни же и Нѣмци скрыжь Лятскы изнесоша протыву ему, почѣсти его ради. Онѣ же преступив тѣшкую свою клятву, ею же клятса о благочестии великодрѣжавному си государю Василью Васильевичю всея Руси»²⁸.

При выборе митрополитом дальнейшего маршрута предпочтение было отдано не сухопутному пути через Литву и Пруссию, а водному маршруту вдоль южного побережья Балтийского моря в Любек, тесно связанный торговыми операциями с городами Северо-Запада Руси (Новгород, Псков) и хорошо известный русским купцам и дипломатам. При этом, часть людей с лошадьми Исидор отправил по сухопутной дороге, получив охранную грамоту для проезда через Курляндию, Жмудь, Пруссию, Померанию. Как отмечала Н.А. Казакова, описание пути митрополичьего обоза было первым в русской письменности описанием сухопутного маршрута из Ливонии в Германию через прибалтийские земли²⁹.

К XV в. Византия ослабела. Ее владения составляли весьма небольшую территорию, включавшую помимо Константинополя Пелопонес, где под управлением младших представителей императорской фамилии Палеологов находился Морейский деспотат, а за его пределами — лишь незначительные владения во Фракии. В этих условиях византийский император Иоанн VIII Палеолог обратился к Западу с предложением созвать очередной собор и послал посольство в Рим к папе Евгению IV (1431—1447). Уния Византии с Римом должна была стать ценой, за которую Византийский император надеялся получить военную помощь Запада для спасения страны от турок-османов, фактически уже находившихся на подступах к столице Византии. Местом проведения собора был избран г. Феррара на северо-востоке Италии, расположенный на р. По, недалеко от Адриатического побережья. Созванный в Ферраре собор был фактически параллельным Базельскому.

Восточная церковь на соборе была представлена следующими персонами: Иосиф, патриарх Константинопольский, местоблюстители патриархов Александрии, Антиохи и Иерусалима, двадцать митрополитов, среди которых был Исидор, митрополит Киевский и всея Руси, а также император Византии Иоанн Палеолог и др. Греки рассчитывали на диалог, полагая, что вопрос об условиях объединения с католичеством будет широко обсуждаться на совместном соборе и не станет простым подчинением православных папской власти. О справедливой дискуссии говорили и члены византийской делегации на соборе: святитель Эфесский Марк, афонские монахи из монастырей Великая лавра,

св. Павла и Ватопед (монахи Моисей и Дорофей), митрополит Никейский Виссарион и другие, надеясь на победу в богословских прениях. Однако, прибыв в Италию, византийцы увидели со стороны латинян игнорирование всех доводов, выдвигаемых православными. Латинская делегация во главе с кардиналом Чезарини была представлена греком Андреем Христобергом, архиепископом Родосским, Иоанном Черногорским, архиепископом Ломбардским, испанцем Иоанном де Торквемада и др.

Открытие собора в Ферраре состоялось 9 апреля 1438 г. в храме св. Георгия Победоносца. «А на соборе были с патриархом двадцать два митрополита, отметил в своих путевых записках Неизвестный Суздалец: первый — гераклеяский Антоний, второй — эфесский Марк, третий — русский Исидор, четвертый — монемвасийский Досифей, пятый — трапезундский Дорофей, шестой — кизикский Митрофан, седьмой — никейский Виссарион... Первое заседание собора было 8 октября в городе Ферраре во Фряжской земле. На соборе присутствовали римский папа Евгений, и с ним двенадцать кардиналов, и архиепископы, и епископы, и капелланы, и монахи. Православной же веры были на соборе греческий император Иоанн и его брат (?) деспот Дмитрий, и вселенский патриарх Иосиф, и с ним двадцать два митрополита, и из русских епископов — Авраамий Суздальский, и архимандриты, и попы, и диаконы, и чернецы, и четыре посла — трапезундский, грузинский, тверской Фома и волошский Микула. Задавали вопросы три митрополита, отвечали — эфесский Марк, русский Исидор, никейский Виссарион»³⁰. При этом Константинопольский патриарх Иосиф на многих заседаниях отсутствовал по болезни. Во время работы собора 10 июня 1439 г. он скончался. Таким образом, византийская делегация лишилась своего духовного лидера. Но прежде, в августе 1438 г., в Феррару прибыл со своей свитой митрополит Исидор, проведя в дороге почти год.

Исидор первым начал доказывать необходимость принятия унии на условиях, предложенных папой, и решительно повлиял на византийского императора, пользуясь своим авторитетом гуманиста, философа, богослова. Церковные историки объясняют такое поведение митрополита по-разному. Одни — его крайним патриотизмом в отношении к Византии³¹. Другие — личным честолюбием, «желанием занять то блестящее и высокое положение в римской иерархии или латинском духовном царстве, которое он потом действительно занял: кардинал-пресвитер и легат от ребра апостольского (*legatus de latere*) для провинций: Литвы, Ливонии, всей России и Польши (то есть вероятно, Галичины. — *Е.М.*)»³².

В Ферраре до 10 января 1439 г. прошло 15 заседаний, а затем члены собора переехали во Флоренцию из-за угрозы эпидемии чумы и якобы возникших финансовых трудностей. Но если в Ферраре еще имел место элемент дискуссии, то во Флоренции «дискуссионность и коллегиальность в поиске единства заменяются дипломатией и интригами»³³. В процессе работы собора, как отмечает суздальский иеромонах Симеон, некоторые из греков «усладишася злата ради и чести, начаша к Папе часто приходити, и что слышаша от греков, и то поведаша Папе»³⁴. Миниатюры Лицевого летописного свода запечатлели заседания униатского собора. Когда папа предложил подписать унию,

митрополит Исидор активно поддержал его желание, но католический вариант трактовки встретил резкие возражения со стороны святителя Марка Эфесского. Некоторые греческие представители и вовсе пытались покинуть собор. Началось финансовое давление на делегацию и откровенный подкуп. В ход были пущены все средства, чтобы принудить греков к принятию римско-католических догматов и заключить унию. Так, за упорное нежелание греческих богословов принять Filioque папа пошел на хитрость: взяв на себя все финансовые обязательства по содержанию православных греческих делегаций, прибывших на собор, он постепенно начал урезать средства на их содержание и, в конце концов, вовсе прекратил финансирование, так что греки вынуждены были терпеть крайнюю нужду и даже голод. В свою очередь, Византийский император Иоанн VIII Палеолог запретил греческим иерархам при любых обстоятельствах покидать Флоренцию и не скупился на разные обещания и подарки: «укорял их в нерадении об общем благе, напоминал им о бедствиях отечества, выставлял выгоды от заключения мира с латинянами, грозил своим гневом»³⁵.

Такое давление заставило православных делегатов собора уступить. Почти все греческие иерархи, за исключением Марка Эфесского, признали папу главою церкви, «наместником и местоблюстителем Иисуса Христа, с тем, однако ж, чтобы сохранены были права и имущества восточных патриархов; приняли и латинское учение о чистилище, об освящении даров и об опресноках в Евхаристии с условием, чтобы таинство могло быть совершаемо и на квасном хлебе. Они были доведены до того, что самый акт о соединении с латинами подписали, не прочитав его предварительно: содержание его знали только составители его...»³⁶ Заседания собора затянулись, а между тем из Константинополя приходили тревожные известия о росте турецкой активности. 5 июля 1439 г. были, наконец, подписаны документы Ферраро-Флорентийской унии: «И пописа Папа Еугений, и царь Греческий Иоан, и все гардиналове, и митрополиты подписаша на грамотех коиждо своею рукою»³⁷. Глава русской делегации митрополит Исидор безоговорочно подписал акт об унии церквей. Его греческая подпись гласит: «Исидор, митрополит Киевский и всея Руси и представитель Апостольской кафедры Святейшего Патриарха Антиохийского Дорофея, с любовью соглашаясь и соодобряя, подписую». Он даже требовал отлучения Марка Эфесского от церкви за неприятие унии, что, однако, не поддержали греческие иерархи. После недельного заточения был вынужден признать своим «господином» папу римского и подписать акт об унии и единственный русский епископ, сопровождавший Исидора, — Авраамий Суздальский: «Смиранный епископ Авраамие Суждальский подписую».

Митрополит Ираклийский, чтобы избежать необходимости ставить свою подпись, притворился больным, но был вынужден под давлением императора также подписать унию, за что впоследствии в своей епархии всенародно просил, чтобы ему отсекали правую руку. Митрополит Эфесский Марк, иверский митрополит Григорий и ряд других православных иерархов унии не подписали унию и покинули собор. По воспоминаниям очевидца и участника событий Сильвестра Сиропула, когда папа Евгений ставил свою подпись и не увидел в документе имени святителя Марка, то невольно воскликнул: «Итак, мы ничего не сделали»³⁸.

Торжественное провозглашение акта о «воссоединении Церквей» было совершено 6 июля 1439 г в кафедральном соборе Флоренции Санта Мария дель Фьоре (храм Девы Марии с цветком лилии в руках), сохранившемся до наших дней. Подписанное участниками собора постановление на латинском языке зачитал кардинал Джулиано Чезарини, который по призыву папы прибыл из Базеля во Флоренцию, а на греческом — митрополит Виссарион Никейский. 17 августа 1439 г. митрополит Исидор был провозглашен папским легатом «от ребра апостольского» для Литвы, Ливонии и Руси. Вместе с митрополитом Виссарионом Никейским Исидор за особые заслуги в работе униатского собора получил красную кардинальскую шляпу, о чем узнал уже на обратном пути в Венеции. Тогда же от митрополита — кардинала Исидора — сбежал вместе с тверским послом Фомой иеромонах Симеон Суздальский — спутник владыки Авраамия из Спасо-Евфимиева монастыря, а позднее — автор произведения «Исидоров Собор и хождение его», которое отличается полемической направленностью против латинян. В нем Симеон показал борьбу святителя Марка Ефесского за чистоту православия и честь Византии на соборе, а также за сохранение чистоты православия на Руси, благодаря активной позиции московского князя. Сам владыка Суздальский епископ Авраамий по возвращении на Русь составил «Исхождение Авраамия Суздальского», где описал две виденные в храмах Флоренции мистерии — сцену Благовещения в храме «во имя Причистыя наша Богородицы» в монастыре Св. Марка и сцену-мистерию о Вознесении Господнем в Вознесенском храме на праздник Вознесения. Оставил записки об увиденном на соборе и Неизвестный Суздалец, очевидно, архиерейский дьяк ³⁹.

Несмотря на то, что долгожданная уния была подписана, желаемого политического результата она не принесла. Ферраро-Флорентийский собор 1438—1439 гг. (подменивший дискуссию между римско-католическими и православными богословами навязыванием византийским церковным иерархам Символа Веры, искаженного Филиокве и других латинских новшеств в обмен на военно-политический союз Рима с Константинополем) не сумел обеспечить признание своих решений в православном мире. Базельский собор подтвердил решение Констанцского собора (1414—1418) о примате Вселенского Собора или соборной власти епископов над папой, объявил о низложении Евгения IV и избрал другого папу под именем Феликса V, впоследствии признанного антипапой. «Не утешили папу и греки: они решительно не хотели принимать привезенного из Флоренции соединения... А патриархи Востока — Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский, узнав о состоявшемся на Флорентийском соборе соединении с Римом, объявили этот собор нечестивым и уполномочили митрополита Кесарийского Арсения всюду и пред всеми проповедовать против незаконного соединения (1443). В то же время знаменитый Марк Эфесский своими окружными посланиями заклинал всех православных удалиться этого соединения как богоненавистного» ⁴⁰.

В 1452 г. была предпринята попытка реанимировать итоги Ферраро-Флорентийского собора. Византийский император Константин XI из-за угроз нового турецкого султана Мехмеда II (1451—1481) утвердил Флорентийскую унию и все ее условия, но Константинополь это

не спасло. 29 мая 1453 г. после почти месячной осады город был взят турками и Византийская империя окончательно пала. Таким образом, уверения в том, что «уния поднимет христианский дух», сокрушит турок и спасет Византию, оказались ложными. С этого момента наибольший дипломатический интерес для папства стала представлять Русь, где папская политика не возымела успеха.

В конце 1439 г. митрополит Исидор отправился из Италии в обратный путь. Его маршрут проходил через Венецию, Загреб, Будин («город столичный Венгерского королевства»), Краков, Львов, Вильну, Вязьму, Можайск и другие города в Москву. Из Будина в начале 1440 г. Исидор отправил окружное послание, в котором призвал православных принять унию, написав о равенстве двух церквей: чтобы латиняне и православные без боязни посещали церкви друг друга. Пребыв на русские земли в 1441 г. Исидор побывал в Киеве, где князь Александр Владимирович — внук Ольгерда и зять Василия I — дал ему особую уставную грамоту, в которой подтвердил его права как киевского митрополита-кардинала.

Не так его встретили в Москве. Пока Исидор был в Литве, в Москву вернулись его спутники — тверской боярин Фома и Симеон Суздалец, которые поведали московскому князю о предательстве православной веры Исидором и греческим духовенством. Свою лепту внесли монахи Святогорского монастыря, написавшие великому князю и назвавшие Исидора и его сторонников еретиками. Однако московский князь и духовенство не рискнули напрямую выступить против Константинополя, а решили немного подождать, пока Исидор не проявит себя как католик.

19 марта 1441 г. Исидор приехал в Москву по чину папского легата с несением латинского креста и проследовал прямо в Успенский собор для богослужения. На литургии Исидор велел на первом месте поминать не патриарха Константинопольского, а папу Евгения IV. После литургии был зачитан акт от 5 июля 1439 г. о соединении церквей, а также Исидор передал великому князю послание от папы с просьбой о поддержке его, Исидора. Для Москвы и великого князя московского вина митрополита была налицо. Великий князь Василий Васильевич экстренно созвал собор из шести русских епископов и рассмотрел папское послание. Затем «скоро обличив» Исидора и назвав его «латынским злым прелестником», приказал заточить его в Чудов монастырь. Софийская летопись сообщает: «Восхоте соединити православную веру с латыньством, не попусти же сему Богъ единому волку погубити бесчисленное стадо овечее православных христьян»⁴¹. Так великий князь московский отверг все римские нововведения и решительно отрекся от единения с Западом в духе Флорентийского собора. Историки полагают, что высшее духовенство находилось какое-то время в растерянности и не знало, какую позицию занять⁴². Оно не предпринимало активных шагов против Исидора, хотя уже располагало известиями о заключенной им унии. Русская церковь была противницей католицизма, но церковников беспокоило другое — прямое вмешательство великого князя в дела церковные, разрыв отношений с константинопольской патриархией, на которую они до сих пор опирались в своих конфликтах с великокняжеской властью. Сопротивлением духовенства, возможно, объясняется и непоследо-

вательность в действиях самого великого князя, который, арестовав Исидора, вскоре дал ему возможность сбежать «нощию бездверием исшед»⁴³ из русских пределов сначала в Тверь, где «князь Тверский Борис приа его», затем в Литву к великому князю Казимиру в Новый Городец и, наконец, в Рим к папе «своему злочестивому» Евгению IV, где Исидор был радушно принят, став вскоре одним из ближайших папских кардиналов.

Москва, по-видимому, осталась довольна таким стечением обстоятельств, так как ей это развязывало руки. К тому же митрополит Марк, участник собора, так и не подписавший унию, стал душой движения против Рима. Византийское духовенство говорило, что лучше стать турком, чем принять унию. Одновременно с этими событиями великий князь обратился к патриарху с резким осуждением унии и с просьбой разрешить избрать своего митрополита. Тем самым был предрешен вопрос о самостоятельности русской церкви: либо патриарх должен был уступить и дать просимое разрешение, либо великий князь получал безупречное, с точки зрения защиты православия, право порвать с патриархом — вероотступником. В итоге великокняжеская власть добилась своего. Русская церковь оторвалась от константинопольской церковной организации и осталась один на один с крепнувшей властью великого князя. Однако противоречия между церковью и великокняжеской властью в процессе образования единого Русского государства отнюдь не были исчерпаны.

Сведения с христианского Востока побудили московские правящие круги занять открыто враждебную позицию по отношению к приверженцам унии в Константинополе. Поводом послужил приезд послов с Афона. Сохранился текст послания, написанного не ранее лета 1441 г. и привезенного афонскими старцами московскому великому князю Василию Васильевичу в 1442 году. Опубликовал текст документов и обосновал датировку на основе упоминания константинопольского патриарха Митрофана, скончавшегося летом 1443 г., Б.Н. Флоря⁴⁴. В послании, давая высокую оценку предпринятым в Москве действиям, старцы писали, что они подняли упавший было дух противников унии: «неции... зыбляхуса пасти, встают же паки, услышавше вашу крепость». Тем самым события, происходившие в Москве, стали переплетаться с церковной борьбой в Византии, оказывая влияние на ее ход. Подчеркивая преданность Святой Горы православию и ее враждебность латинянам, старцы сурово порицали «властель и неистовых святитель», заключивших унию. Особенно резко осуждали они императора, пожелавшего «всю благочестивую веру продать на злате студным латином», и «единомудрена латином» патриарха — одного из главных творцов унии. Старцы извещали великого князя, что «того патриарха и царя ис помяна обычна извергохом», и просили помощи против того «рушителя, а не святителя»⁴⁵.

В ответном письме великий князь, рассказав об обстоятельствах изгнания митрополита Исидора, благодарил афонских старцев за преданность православию и духовное наставление («духовными крылы достигаετε нас и любезно наказуете») и выражал желание поддерживать с ними связи и в дальнейшем. Отправка подобной грамоты на Афон была открытой демонстрацией враждебности по отношению к униатскому Константинополю. Если решительные действия велико-

го князя ободрили афонских старцев, то, в свою очередь, поддержка Святой Горы вдохновила русских князей и священнослужителей на борьбу с унией. «Нам не малу силу подаете сим писанием», — отмечал великий князь афонскому проту⁴⁶.

В 1449 г. вместо умершего Иоанна Палеолога на престол взошел его брат Константин. Он не был таким сторонником унии как Иоанн. В 1451 г. Константин изгнал с поста патриарха униатски настроенного Григория Мамму. Винить русских за самовольное поставление митрополита Константинополь не стал. В 1452 г. великий князь московский Василий Васильевич написал письмо в Константинополь с объяснением дела Исидора и Ионы. Однако письмо отправлено не было, так как Константинополь в 1453 г. был взят турками и константинопольский патриархат потерял независимость. Однако вскоре Константинополю пришлось признать «незаконно» поставленного митрополита Иону. В 1453 г. на патриарший престол взошел новый патриарх — Геннадий Схоларий. Взяв на себя ответственность за бедствующую церковь, Геннадий через послов обратился за помощью к единой Руси, отправив послом митрополита Игнатия. В 1454 г. Игнатий прибыл в Псков, а затем в Новгород. Он привез послание от патриарха, в котором Геннадий обращался за поддержкой к русской церкви, прежде всего финансовой, а также просил московского князя прислать послов в Константинополь. Видя крайнюю нужду византийской церкви, великий князь Василий Васильевич и митрополит Иона отправили ответное посольство в Константинополь, рассчитывая на благосклонность патриарха Геннадия в связи с постановлением Ионы.

Посольство имело успех. Константинопольский патриарх, учитывая невозможность для русских посещать Константинополь, в своей грамоте даровал русской церкви право самой поставлять русских митрополитов, а также узаконил, чтобы русский митрополит почитался выше прочих митрополитов и занимал место после иерусалимского патриарха. Так, из-за благоприятных обстоятельств русская церковь стала самостоятельной. Подписание митрополитом Исидором унии привело Русскую церковь к независимости не только от Рима, но и от константинопольского патриархата. После Флорентийской унии греческой и римской церквей (1439) митрополиты всея Руси перестали утверждаться константинопольским патриархом. В 1458 г. в Киеве была образована киевская митрополия, а с 1461 г. митрополиты, имевшие кафедру в Москве, стали титуловаться как «Московские и всея Руси». Реакцией на указанные события в русской книжной традиции стало активное развитие полемической антилатинской литературы, затронувшее и канонические памятники. В Кормчих книгах значительно увеличилось число антикатолических текстов.

В 70-е гг. XV в. было ясно, что Запад в лице римских пап, хоть и сменил политическую и дипломатическую тактику в отношении Руси, но цели ставил прежние: ослабить русские земли, подчинить их своему влиянию, втянуть русских князей в невыгодные для них военные предприятия и союзы. Относительно времени проведения Ферраро-Флорентийского собора можно говорить скорее о дипломатической подготовке папского Рима и европейских государств к созданию антиосманской лиги с целью втянуть Русь и другие страны в эту международную авантюру и о посреднической роли русской дипломатии,

но обойти вниманием такой важный с точки зрения внешней политики сюжет невозможно ⁴⁷.

В середине XV в. при Мехмеде II, получившем прозвище Фатих (Завоеватель), мощь Османской империи достигла своей кульминации. В 1453 г., окончательно уничтожив Византийскую империю, государство османов стало представлять серьезную опасность для стран и народов Малой Азии, Кавказа, Центральной и Восточной Европы. Уже в 1389 г., после захвата турками Сербии, для многих европейских и ближневосточных стран степень опасности стала еще более очевидной. Понимали это и в Ватикане. В поисках выхода из тяжелого положения, уже в ходе Ферраро-Флорентийского собора, римско-католическая церковь попыталась вовлечь Русь в формируемый Римом антиосманский союз. Попытки эти предпринимались и в отношении других стран. Особое внимание римских пап, сначала Каликста III, затем Пия II (1458—1464), привлекали Трапезундская империя, Грузия и Малая (Киликийская) Армения как страны, которые после распада Византийской империи создавали на Ближнем Востоке основу жизнедеятельности православия, а также мусульманское государство белобаранных туркмен Ак-Коюнлу. Перспектива разгрома Османской империи совместными усилиями стран Европы и Ближнего Востока представлялась многим западноевропейским политикам и современникам событий реально возможным выходом из кризиса. В то же время политический и военный альянс европейских и ближневосточных государств для совместной борьбы с Турцией в Европе был особенно желательным для стран Балканского полуострова, испытывшим на себе всю тяжесть турецкого ига. Однако на деле ни одно из западноевропейских государств не проявило реальной заинтересованности в борьбе с Турцией. Даже Венеция, понесшая наибольший материальный ущерб, встала на путь соглашений с Османской империей. Единственным, кто был серьезно заинтересован в решении турецкого вопроса, являлся римский папа, которому и принадлежала сама идея создания антиосманской коалиции. Потеряв былую власть в Европе, римские папы старались выйти из кризисного положения и добиться внушительной политической победы, связанной с осуществлением идеи отвоевания у турок Константинополя ⁴⁸. В случае объединения западноевропейцев в борьбе с Турцией под руководством папы были бы решены одновременно две ключевые задачи: с одной стороны, восстановилась бы власть папы над разбежавшейся паствой, а с другой — при завоевании так называемого «византийского или Константинопольского наследства» расширились бы границы духовной империи католицизма, что представляло предмет особой заботы римских пап, добивавшихся унии с представителями восточно-христианских стран. Не случайно, послы Ватикана были направлены и в Грузию, и к персидскому государю Узун-Гассану, и в Московскую Русь, где при активном участии Рима при посредничестве кардинала Виссариона решался вопрос о сватовстве Софьи Палеолог — племянницы последнего византийского императора Константина — и русского царя Ивана Васильевича III, в лице которого искали союзника для создания антитурецкого фронта.

Однако воплотить в действительность свои далеко идущие планы Ватикан в лице пап так и не сумел. Проект антиосманской лиги,

где ставка римской курии делалась на крепнувшую Москву и, в частности, предполагалось, что в случае ее объединения с Польшей и Великим княжеством Литовским могла возникнуть такая сила, которая, нанеся концентрированный удар по Османской империи, была бы в состоянии обеспечить безопасность для западноевропейских государств, оказался несостоятельным⁴⁹. Борьба с Турцией не отвечала политическим и экономическим интересам Руси того времени. Москва преследовала собственные интересы: укрепление государственности, безопасность внешних границ, особенно южных, развитие экономики и территориальное расширение за счет устранения уделов и присоединения новых территорий.

Отголоски унии с новой силой зазвучали в России вновь уже в XVI столетии (Брест-Литовский церковный собор 1596 г. объявил о заключении религиозной унии между Римско-католической церковью и несколькими западно-русскими православными епархиями, находившимися на территории Великого княжества Литовского, Русского и Жмудского, входившего на тот момент в состав Речи Посполитой. По сути Брест-Литовская уния была возвратом к Ферраро-Флорентийской унии)⁵⁰.

Примечания

1. ТИХОНРАВОВ Н.С. Древнерусская литература. Новый отрывок из путевых записок суздальского епископа Аврамия 1439 г. В кн.: ТИХОНРАВОВ Н.С. Соч. Т. 1. М. 1898; ОСТРОУМОВ И.Н. История Флорентийского собора (Магистерская диссертация, переработанная А. Горским). М. 1847; ГОЛУБИНСКИЙ Е.Е. История русской церкви. Период второй, Московский. Т. II. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М. 1900; КАРТАШЁВ А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М. 1993; МАКАРИЙ (БУЛГАКОВ), митр. История Русской церкви. Кн. 3. М. 1995 и др.
2. Акты Ферраро-Флорентийского собора. Документы и описания Ферраро-Флорентийского собора, изданные Папским институтом восточных исследований. 11 томов (22 книги). Рим. 1940—1977.
3. ГАВРИЛОВ М.Н. Ферраро-Флорентийский собор и Русь. Нью-Йорк. 1955; РАММ Б.Я. Папство и Русь в X—XV вв. М.-Л. 1959; ЧЕРЕПНИН Л.В. Образование русского централизованного государства XIV—XV вв. М. 1960; ЕГО ЖЕ. К вопросу о русских источниках Флорентийской унии. — Средние века. Вып. 25 (1964); МОЩИНСКАЯ Н.В. Хождение Неизвестного Суздальца на Ферраро-Флорентийский собор 1436—1440 гг. — Вопросы русской литературы. Ученые Записки МГПИ им. В.И. Ленина. Т. 389. М. 1970; ЕЕ ЖЕ. Об авторе хождения на Флорентийский собор в 1437—1440 гг. — Литература Древней Руси и XVIII в. Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. Т. 363. М. 1970; ЕЕ ЖЕ. «Повесть об осьмом соборе» Семёона Суздальского и «Хождение на Ферраро-Флорентийский собор» Неизвестного Суздальца как литературные памятники середины XV в. Автореф. дисс... канд. филол. наук. М. 1972; АЛПАТОВ М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа в XII—XVII вв. М. 1973; ГЛУШАКОВА Ю.Н. Неопубликованные русские грамоты из Ватиканского Архива. — Вопросы истории. 1974, № 6, с. 128—132; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л. 1987; МЕЙЕНДОРФ Н.Ф. Флорентийский собор: Причины исторической неудачи. — Византийский временник. М. 1991, № 52; УДАЛЬЦОВА З.В. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии. В кн.: Византийская цивилизация в освещении российских ученых 1947—1991. М. 1991, с. 106—132; ЛОМИЗЕ Е.М. Письменные источники сведений о Флорентийской унии на

- Московской Руси в середине XV века. В кн.: Россия и православный Восток. М. 1996 и др.
4. КАЗАКОВА Н.А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI вв. Л. 1980; Книга хожений: Записки русских путешественников XI—XV вв. М. 1984; СИНИЦЫНА Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М. 1998, с. 58—132; Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. Сб. к 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М. 1996; РАНСИМЕН С. Великая церковь в пленении. История Константинопольской церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. СПб. 2006; ФЛОРЯ Б.Н. Исследование по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М. 2007; ЗАНЕМОНЕЦ А.В. Иоанн Евгеник и православное сопротивление Флорентийской унии. СПб. 2008, с. 32—37; ВЕЛИЧКО А.М. История византийских императоров в пяти томах. Т. V. М. 2010, с. 401—422; см. также: ПАПАДАКИС А. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 гг. Кн. 4. М. 2010; СИЛЬВЕСТР СИРОПУЛ. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе 1438—1439 гг. СПб. 2010; АКИШИН С.Ю. Митрополит Исидор Киевский и проблема церковной унии в поздней Византии. — Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Екатеринбург. 2013; МАКАРИЙ, архим. Деятельность митрополита-кардинала Исидора на фоне византийской, древнерусской и западноевропейской политики. — Международная жизнь. 2013, декабрь, с. 114—164; 2014, январь, с. 36—56 и др.
  5. НОВИКОВА О.Л. Формирование и рукописная традиция Флорентийского цикла. В кн.: Очерки феодальной России. № 14. М.-СПб. 2010; Ферраро-Флорентийский собор. В кн.: Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. II. М. 2011, кн. 2, кол. 1722—1726; ДАНИЛОВ А.Г. Россия на перекрестках истории. XIV—XIX вв. СПб. 2013.
  6. Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ. Т. XXV. М. 2004, с. 235—261; Софийская вторая летопись. ПСРЛ. М. 2001, с. 74—102; Новгородская первая летопись. ПСРЛ. Т. III. СПб. 1841, с. 112; Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. XII. М. 2000, с. 23, 25—38, 40—43.
  7. Русская историческая библиотека. Т. 6. Ч. 1. СПб. 1908.
  8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.-Л. 1950.
  9. Книга хожений: Записки русских путешественников XI—XV вв. М. 1984; Исидоров Собор и хожение его (Повесть Симеона Суздальца о восьмом Соборе). Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Музейное собрание, № 939. Сб. сочинений по истории Флорентийского собора и хождений (сер. XVII в.), л. 8об.—23.
  10. Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. — Памятники древней письменности и искусства. СПб. 1908, № 168; См. также: ЛУРЬЕ Я.С. Роль Твери в создании Русского национального государства. — Ученые записки ЛГУ. 1936, № 36, серия исторических наук, с. 91—92.
  11. ЗИМИН А.А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М. 1991, с. 70—71, 75.
  12. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.-Л. 1950 (ДДГ): № 8 (ок. 1375). Духовная грамота Дмитрия Ивановича, с. 24; № 12 (1389, апреля 13 — мая 16). Духовная грамота (вторая) великого князя Дмитрия Ивановича, с. 33.
  13. ВЕРНАДСКИЙ Г.В. История России: Монголы и Русь. Т. 3. Тверь. 1997.
  14. БОРИСОВ Н.С. Русская Церковь в политической борьбе XIV—XV веков. 1986, с. 142—143.
  15. АКИШИН С.Ю. Ук. соч., с. 79; МАКАРИЙ, архим. Ук. соч., с. 147.
  16. ПИРЛИНГ П. Россия и папский престол. М. 2012, с. 55—56.
  17. МАКАРИЙ, архим. Ук. соч., с. 147—148.
  18. ПИРЛИНГ П. Ук., соч., с. 58.
  19. Новгородская первая летопись. ПСРЛ. Т. III. СПб. 1841, с. 112.
  20. Русская историческая библиотека (РИБ). Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. СПб. 1908, стб. 530—531.
  21. ЗИМИН А.А. Ук. соч., с. 86; ДДГ, с. 105.

22. ПИРЛИНГ П. Ук. соч., с. 66.
23. Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ. Т. XXV. М. 2004, с. 253.
24. Книга хожений..., с. 137—151.
25. КЛЮГ Э. Княжество Тверское (1247—1485). Тверь. 1994.
26. Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. — Памятники древней письменности и искусства. СПб. 1908, № 168; ЛУРЬЕ Я.С. Роль Твери в создании Русского национального государства. — Ученые записки ЛГУ. 1936, № 36, серия исторических наук, с. 91—92.
27. GOTTLOB Dr. Aus den Rechnungsbuchern Eugens IV zur Geschichte des Florentinums Historisches Jahrbuch. V. XIV/1. München. 1893, S. 65; Охранная грамота папы Евгения IV послу русскому Фоме (О тверском посольстве на Ферраро-Флорентийский собор). В кн.: Российское государство в XIV—XVII вв. СПб. 2002; ПОПОВ А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М. 1875.
28. Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ. Т. XXV. М. 2004, с. 253.
29. КАЗАКОВА Н.А. Ук. соч., с. 25—26.
30. Одни источники деспота Дмитрия называют братом императора Иоанна Палеолога, другие (в основном летописные) — одним из сыновей императора. Подробнее см.: Книга хожений..., с. 322.
31. КАРТАШЁВ А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. Минск. 2007, с. 369.
32. ГОЛУБИНСКИЙ Е. История Русской Церкви. Период второй, Московский. Т. II. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М. 1900, с. 442.
33. КИРИЛЛИН В.М. Западный мир в восприятии Симеона Суздальского и его современников — участников Ферраро-Флорентийского собора. Древнерусская литература: тема Запада в XIII—XV вв. и повествовательное творчество. М. 2002, с. 131.
34. ПАВЛОВ А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб. 1878, приложение, с. 200.
35. МАКАРИЙ (БУЛГАКОВ), митр. История Русской Церкви. Кн. 3. М. 1995, с. 352.
36. Там же, с. 354, 356.
37. КАЗАКОВА Н.А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор». Труды Отдела древне-русской литературы (ТОДРЛ). Т. 25. М-Л. 1970, с. 68.
38. СИЛЬВЕСТР СИРОПУЛ. Ук. соч., с. 285.
39. КАЗАКОВА Н.А. Ук. соч., с. 64.
40. Там же, с. 257—358.
41. Софийская вторая летопись. ПСРЛ. Т. VI. М. 2001, стб. 102.
42. Русское православие. Вехи истории. М. 1989, с. 80.
43. Московский летописный свод... ПСРЛ. Т. XXV, с. 259. Дальнейшая судьба уже бывшего русского митрополита Исидора сложилась бесславно. Осенью 1452 г. он прибыл из Рима в Константинополь, чтобы от имени папы римского Николая принять в подчинение византийскую церковь: в декабре он служил в Софийском соборе латинскую мессу. При взятии Царьграда турками Исидор был ранен, вновь оказался на Западе, где предпринимал тщетные попытки организовать крестовый поход с целью освобождения от турок бывшей столицы Византии. В 1459 г. был назначен папой Пием II (1458—1464) латинским патриархом Константинополя «под османской властью». Скончался в Риме в апреле 1463 года.
44. ФЛОРЯ Б.Н. Ук. соч., с. 387—408.
45. Там же, с. 387—408.
46. Подробнее см.: Послание великого князя Московского Василия II Васильевича Константинопольскому патриарху. ОР РНБ. Кирилло-Белозерское собрание. № 11/1088. (60-е гг. XV в.), л. 7—17об.; Послание великого князя Василия II Васильевича на Святую гору. Там же. Софийское собрание. № 1454. (2-ая четверть XVI в.), л. 443—445; Послание от Святой горы на Русь благоверному князю Василию Васильевичу по Сидоре еретике князю Василию II Васильевичу. Там же. Кирилло-Белозерское собрание. № 22/1099. (сер. XV в.), л. 244—250; Послание патриарха Григория III Маммы, патриарха Константинопольского князю Алек-

сандру (Олелько) Владимировичу. Там же. Собрание М.П. Погодина. № 1572. Сб. конвалют (XVII в.).

47. МАГИЛИНА И.В. Московское государство и проект антитурецкой коалиции в конце XVI — начале XVII вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Волгоград. 2009; ЕЕ ЖЕ. Переговоры между Московским государством и Священной Римской империей по поводу заключения антитурецкого соглашения. — Известия Самарского научного центра РАН. 2009, № 2, с. 18—23; ЕЕ ЖЕ. Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI — начале XVII вв. Волгоград. 2012.
48. История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М. 1992, с. 581.
49. О миссии представителя римского папы Лудовика да Болонья в Грузии 1459 г., направленного туда с предложением образовать союз восточных государств и примкнуть к антиосманской коалиции стран Западной Европы для совместной борьбы с Турцией. Подробнее см.: ПАЙЧАДЗЕ. Д.Г. Антиосманская коалиция европейских стран и Грузия в 60-х годах XV века. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Тбилиси. 1984; КОНТАРИНИ АМВРОСИЙ. Путешествие Амвросия Контарини, посла светлейшей венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану, совершенное в 1473 году. Библиотека иностранных писателей о России. Отд. 1. Т. 1. СПб. 1836, с. 5—130; Барбаро и Контарини о России. Л. 1971. Подробнее см.: ПИРЛИНГ. П. Ук. соч.; ЗОНОВА Т.В. Дипломатия Ватикана в контексте эволюции европейской политической системы. М. 2000.
50. ГОРЯНОВ, архиепископ Курганский и Шадринский. Брестская уния 1596 года как церковно-политический плод унионального богословия. К 400-летию окончания Смутного времени в России. — Родная Ладога. № 1, 2013, с. 167—191.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

ББК 63.3(0)61

Британская военно-морская разведка в Петрограде в 1918 г.

А.А. Зданович

Аннотация. Уже в ходе первой мировой войны британские спецслужбы стали вмешиваться во внутренние дела России. Наряду с британской политической разведкой с конца 1917 г. стала работать и военно-морская разведка этой страны. В Петрограде ее представлял Френсис Кроми. Он являлся военно-морским атташе и резидентом одновременно, действуя в трех направлениях: подготовка к уничтожению Балтийского флота; пересылка морских офицеров на север России для пополнения сил интервентов; организация восстания против власти большевиков. Советские спецслужбы пресекли его деятельность в конце августа 1918 года.

Ключевые слова: спецслужбы стран Антанты в России, британская военно-морская разведка в Петрограде, командер Ф. Кроми, заговор против власти, уничтожение флота России, операция ВЧК против английской разведки.

Abstract. Already during the First World War, the British special services began to interfere in Russia's internal affairs. Along with British political intelligence since the end of 1917, the naval intelligence of this country also began to work. It was represented in Petrograd by Francis Cromie. He was a naval attache and a resident at the same time. He acted in three directions: preparations for the destruction of the Baltic Fleet; The transfer of naval officers to the north of our country to replenish the forces of the interventionists; Organization of an uprising against the power of the Bolsheviks. Soviet special services stopped his activity in late August 1918.

Key words: special services of the Entente countries in Russia, british naval intelligence in Petrograd, commander F. Cromie, conspiracy against power, destruction of the Russian fleet, operation of the Cheka against British intelligence.

В ходе первой мировой войны, особенно в последние месяцы существования царского режима, британские разведывательные службы стали активно вмешиваться во внутренние дела России. Свою разведывательно-подрывную деятельность они активизировали в период существования Временного правительства и особенно после Октябрьской революции. В Советской России на начало 1918 г. имелись резидентуры следующих спецслужб: политической (МПС), военной

Зданович Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор Московского педагогического государственного университета. E-mail: zdanovich52@gmail.com.

Zdanovich Alexander A. — doctor of historical sciences, professor of the Moscow Pedagogical State University. E-mail: zdanovich52@gmail.com.

(Department of military intelligence) и военно-морской (Directorate of Naval Intelligence at the Admiralty — DNI). Каждой спецслужбе отводилась своя ниша, определялись свои задачи. Однако стремление устранить от власти большевиков зачастую приводило к объединению агентурных сетей, не говоря уже об участии в одних и тех же антибольшевистских операциях.

Историки как правило обращали мало внимания на то, кто осуществлял конкретные подрывные акции, к какой из разведывательных структур принадлежали их исполнители. С учетом реалий последующих десятилетий авторы, пишущие на темы тайных служб, выделяли роль политической разведки «туманного Альбиона» — МИ-6, которая в 1918 г. именовалась как МИ1си, сосредотачивая внимание на акциях ее резидентуры, поскольку именно входивший в нее агент «ST-1» (Сидней Рейли) был главным действующим лицом в попытках свергнуть советское правительство летом и в начале осени 1918 года ¹.

О военно-морской разведке упоминалось лишь в связи с проведением в конце августа 1918 г. операции в английском посольстве и гибелью Ф. Кроми — атташе по морским вопросам. Отечественные историки не подчеркивали, а большинство из них и не знало, что он одновременно являлся резидентом британской военно-морской разведки. Однако, если не брать во внимание более позднюю антибольшевистскую активность С. Рейли, фигура и роль Кроми представляется если не более значительной, то, во всяком случае, не менее важной при рассмотрении событий первого послереволюционного года.

Френсис Ньютон Аллан Кроми родился в 1882 г. в Ирландии. После окончания школы поступил в Королевский военно-морской флот, отличился в период подавления «боксерского восстания» в Китае, будучи офицером морской десантной бригады. Был одним из первых добровольцев, вошедших в создаваемый британский подводный флот, и вскоре стал командиром одной из подлодок. В период первой мировой войны он руководил группой субмарин на Балтийском театре боевых действий, одновременно являясь командиром подводной лодки «E-19». Был награжден орденом «За выдающиеся заслуги» (The Distinguished Service Order — DSO). Осенью 1914 г. несколько английских подводных лодок прорвались в Либаву (ныне Лиепая, Латвия) для ведения самостоятельных действий против линейных кораблей Германии. По требованию командования Балтийского флота, они вскоре были подчинены русским военно-морским военачальникам и далее действовали бок о бок с российскими подводниками ².

Через год русские и английские подводные лодки были объединены в дивизию, базирующуюся в Ревеле (ныне Таллинн, Эстония). В это время Кроми получил чин командера ³ и, по некоторым данным, даже руководил всеми английскими подлодками на Балтийском флоте. Он отметился рядом удачных операций, совместных с русскими моряками, и был среди немногих британских офицеров удостоен высшей офицерской награды — ордена Св. Георгия 4-й степени.

По свидетельству английского консула в Москве Р.Б. Локкарта, прославленные в прессе британские подводники начиная с февраля 1916 г. выступали в Петрограде и Москве на митингах в целях под-

нения боевого духа российских моряков и солдат, укрепления уверенности гражданского населения в скорой победе над Германией объединенных сил Антанты ⁴. Так Кроми окунулся в иную сферу противоборства с врагом и понял, что не одним личным участием в боевых действиях можно приносить зримую пользу союзническому делу. Буквально через год после свержения царского режима будущий разведчик стал не только сторонним наблюдателем, но и участником разного рода мероприятий по противодействию разгулявшейся анархии среди моряков Балтийского флота, левацкой агитации и преступным деяниям в отношении многих морских офицеров. Для него большевики до конца дней оставались «немецкими агентами» и пособниками врага.

По решению британского правительства, Кроми с конца 1917 г. стал (вопреки его желанию) исполняющим обязанности военно-морского атташе в Петрограде. Его кандидатуру предложило, как это ни странно, не английское Адмиралтейство, которому подчинялись атташе во всех странах, а ведомство иностранных дел Временного правительства России в лице министра М.И. Терещенко ⁵. Официально Кроми будет назначен на этот пост (а одновременно и резидентом ДНИ) только в апреле 1918 г., когда уже достаточно широко развернет разведывательно-подрывную работу в России.

В ночь с 26 на 27 октября (с 8 на 9 ноября) 1917 г. новые власти объявили о выходе из войны. Был принят Декрет о мире. Союзники выступили резко против такого решения большевистского руководства, поскольку рушились их планы по сокрушению могущества Германии. В борьбу за продолжение войны включились антантовские политики, дипломаты и, конечно же, представители специальных служб Англии и Франции. Разведывательные структуры союзников — резидентуры, работавшие в царской России, расширившие свои возможности при Временном правительстве и сохранившие их в новых условиях, перестраивались под насущные задачи, меняли методы своей деятельности, пересматривали вербовочный контингент и определялись с объектами оперативного воздействия. Никогда ранее, к примеру, они не рассматривали возможность приобретения агентуры среди офицеров и вообще военнослужащих русской армии и флота. Разведчики союзников стали уделять больше внимания контактам с растущими, как грибы после дождя, различными антибольшевистскими организациями и группами. И это при том, что подполье создавалось в спешке, не имело в своем составе достаточного количества опытных конспираторов, и многие ячейки быстро проваливались в силу объективных и субъективных причин. Были случаи, когда нелегальные организации даже меняли союзническую ориентацию на немецкую, исходя при этом не столько из политических пристрастий, сколько из объема финансовых вливаний, сделанных той или другой стороной.

Выполняя все приказы, поступавшие из Лондона, Кроми четко конкретизировал свои задачи в соответствии с оперативной обстановкой и весь отдавался вновь порученному делу. Первоначально он действовал несколько прямолинейно. К примеру, в общении с рядовыми матросами британский атташе не скрывал своего негативного отношения к большевикам, продолжал называть их немецкими агентами, изменившими общему делу Антанты. Его близкая знакомая,

дочь британского посла в России Мириэль Бьюкенен, в своих воспоминаниях отмечала: «Капитана Кроми русские матросы буквально ненавидели. Ему угрожали анонимными письмами, за ним следили. Лицо Кроми приняло утомленное выражение, а на висках появилась седина. Ему становилось все труднее и труднее сдерживаться перед наглостью и вызывающим поведением русских матросов»⁶.

Но это замечание относится к рядовому составу флота и к первым месяцам работы резидента. Что же касается офицеров, то здесь наблюдалась совершенно другая картина. Большинство русских морских офицеров, особенно подводников, перебравшихся ввиду возможной германской оккупации из Финляндии, Ревеля и Либавы, были солидарны с британским военно-морским атташе в оценке действий большевиков и не желали служить последним, хотя и испытывали серьезные материальные затруднения. Среди них не составляло труда подобрать агентуру для выполнения далеко идущих планов британской морской разведки. Чтобы поддержать офицеров материально и при этом упростить задачу создания нелегальных ячеек, Кроми «приложил руку» и финансовые средства к учреждению ряда коммерческих контор. Костяк их персонала конечно же составили бывшие офицеры царской армии и флота⁷.

Исходя из доступной информации, можно утверждать, что весной-летом 1918 г. британская военно-морская разведка в лице Кроми концентрировала свои усилия на следующих направлениях: 1) подготовка условий для уничтожения Балтийского флота в случае реальной угрозы захвата кораблей немцами;

2) переправка бывших царских офицеров (прежде всего морских) на Север — в Мурманск, Вологду и Архангельск для организации охраны значительного количества военных материальных средств, завезенных туда союзниками. Что касалось Архангельска, то огромные запасы снаряжения и оружия хранились в этом городе на складах без какой-либо системы защиты и могли быть в любой момент захвачены немцами⁸. Кроме того, на Севере планировалось создание антибольшевистских вооруженных отрядов и организация захвата власти. Некоторые направляемые в указанные районы офицеры выражали стремление поступить в дальнейшем в британскую армию или на флот для продолжения войны с немцами;

3) объединение подпольных контрреволюционных организаций, включая группы правых эсеров и так называемых «белых латышей», с целью свержения большевистской власти в Петрограде, который оставался одним из важнейших центров Советской России.

В плане подготовки антибольшевистского переворота, как, впрочем, и по другим направлениям, Кроми намечал скоординировать свои действия с представителями британской политической разведки. Из их числа прежде всего следует отметить резидента МИС Эрнста Томаса Бойса, имевшего для прикрытия своей реальной работы звание лейтенанта добровольческого резерва королевского флота (RNVR); сотрудника резидентуры Джеральда Гиллспи и агента «ST-1» Сиднея Рейли. Предполагался тесный контакт с французскими разведчиками в Петрограде — капитаном Шарлем-Адольфом Фо-па-Биде и лейтенантом Эдуардом Вокье. Планировалось одновременно осуществить аналогичные подрывные действия и в Москве.

Таким образом можно говорить о стремлении Кроми, учитывавшего свое официальное положение и более высокое, чем у коллег воинское звание, стать неформальным руководителем среди сотрудников британских спецслужб в Советской России. Подтверждением этому служит его шифровка, направленная в Лондон, с предложением объединить разведывательно-подрывную работу в одних руках, со ссылкой на подобный опыт, существовавший у французов под началом военного атташе ⁹. На деле, как видно из сохранившихся в архивах документов, все английские разведчики и контрразведчики продолжали действовать сообща, не считаясь со статусом своего официального дипломатического и иного прикрытия. Но харизматичные черты характера Кроми давали о себе знать, и он, безусловно, выделялся среди других сотрудников британских тайных служб в Советской России своей активностью и решительностью в достижение поставленных целей, пусть даже с большим риском лично для себя.

Из всех задач, которые предстояло ему решать, отправка офицеров на Север была, пожалуй, самой легкой. Желавших уехать из Петрограда и других городов имелось достаточно. Свою роль британский офицер определил четко — он снабжает деньгами некую организацию, которая и реализует весь план. На роль руководителя всего дела Кроми выбрал бывшего санитарного инспектора Балтийского флота, военного врача В.П. Ковалевского. Знакомство с ним состоялось еще в 1916 г. в штабе Балтийского флота ¹⁰. Теперь профессор находился в отставке и располагал временем для действий под руководством Кроми. Но главное было в другом — Ковалевский не принял новую власть и поэтому сознательно, без колебаний согласился на сотрудничество с британским военно-морским атташе. Здесь следует заметить, что профессор уже с апреля 1917 г. состоял в антисоветской подпольной организации, руководимой капитаном 2-го ранга Г.Е. Чаплиным. Последний хорошо знал Кроми, поскольку служил с ним на английских подводных лодках. В Петрограде Чаплин восстановил контакт с британским офицером и фактически стал одним из его главных агентов. В своих воспоминаниях он писал: «В те дни во главе этой организации (имеется в виду подпольная офицерская организация. — А.З.) стояло, кроме меня, еще три лица: военно-морской врач, гвардейский полковник и подполковник генерального штаба» ¹¹. Упомянутым «военно-морским врачом» и был Ковалевский.

Группа, известная в истории ВЧК как «Организация Ковалевского-Куроченко», начала действовать с мая 1918 года. Подробно о ней несколько лет назад написал историк И.С. Ратьковский ¹². Этой подпольной структурой руководил Кроми. На Север удалось переправить около сотни человек. Кроме того, по намеченному Кроми плану, предполагалось, что «гвардейский полковник» вступит в Красную армию в одном из важных пунктов Мурманской железной дороги, организует там передаточный пункт для связи с генералом Д. Пулем. Капитану 2-го ранга Чаплину предстояло выехать в Архангельск, где приступить к формированию первых белых частей и затем организовать восстание против советских властей.

Реализация второй задачи Кроми — подготовки к взрыву всех боевых кораблей Балтфлота — требовала значительно больших затрат усилий и финансовых средств. Необходимо было создать подрывные

команды для каждого из кораблей, включая и те, что стояли на ремонте и строились на судовой верфях. Британскому резиденту пришлось задействовать своих основных агентов: капитанов 1-го ранга В.А. Виноградова (всю войну возглавлявшего контрразведку российского флота) и А.Н. Никифораки, бывшего сослуживца-подводника, командира 2-го дивизиона Дивизии подводных лодок Балтийского флота. Арестованный чекистами в 1920 г. старший лейтенант Б.А. Иванов показал на следствии следующее: «Никифораки и Виноградов говорили мне, что во главе всего дела по организации взрыва механизмов судов в случае наступления немцев на Петроград и его занятия ими, стоит английский морской агент Кроми»¹³. О руководящей роли Кроми в подготовке операции по взрыву кораблей есть несколько свидетельств. Среди них — описание действий британского резидента, основанное на вновь вводимых в научный оборот материалах двух дел из архива ФСБ России: уголовного дела от 1920 г., заведенного на упомянутого выше флотского офицера, командира эсминца «Азард» Иванова, и оперативной разработки «Моряки» (1926 г.).

В своих показаниях на следствии Иванов указал, что лично с Кроми знаком не был, а подчинялся уважаемому на флоте капитану 1-го ранга Никифораки. По поручению последнего, он должен был взорвать турбины строящегося миноносца, стоявшего у стены Балтийского завода. Взрывные устройства для всех групп диверсантов готовил некий офицер Букимович. За каждый корабль назначалась определенная сумма в зависимости от его важности. В среднем выделялось от 12 до 14 тыс. рублей. Часть их (6—7 тыс.) разрешалось получить до завершения операции и потратить на личные нужды привлеченных к делу моряков, поскольку финансовое состояние многих из них было крайне сложным из-за увольнения со службы. Капитан 1-го ранга Виноградов по согласованию с Никифораки и Кроми решил не дожидаться очередного наступления немцев и назначил день взрыва судов¹⁴. Однако Виноградов неожиданно исчез, не передав деньги и не сделав соответствующих распоряжений хранителю взрывных устройств. Сейчас известно, что главный агент Кроми покинул Петроград по указанию британского резидента, так как стало известно, что чекисты начали подозревать ответственных сотрудников Морской Регистрационной службы (разведка и контрразведка) в контактах с англичанами.

В 1926 г. сотрудники ОГПУ разрабатывали группу бывших царских морских офицеров по подозрению в проведении антисоветской агитации. Никаких практических действий с их стороны по противодействию мероприятиям советской власти выявлено не было. Но, как выяснилось в ходе агентурной разработки, некоторые члены группы состояли в 1918 г. в организации Кроми по уничтожению кораблей Балтфлота. Из их показаний следователям стало ясно, что кроме Виноградова и Никифораки в число главных агентов британского военно-морского атташе входил и белоэмигрант — капитан 2-го ранга Н.К. Нордштейн. Всего же подследственные назвали около двух десятков имен морских офицеров, в той или иной степени принимавших участие в подготовке диверсионных действий¹⁵. Кроме того, арестованные указали на некую организацию контр-адмирала А.В. Развозова, представитель которой, лейтенант Ю.В. Пуэрэ, осу-

шествлял связь с Кроми по вопросу взрыва кораблей Балтийского флота ¹⁶.

К деятельности резидента британской военно-морской разведки имеет самое непосредственное отношение и уголовное дело расстрелянного в 1918 г. командующего Балтийским флотом капитана 1-го ранга А.М. Щастного. Об этом деле подробно писал военный юрист В.Е. Звягинцев ¹⁷. Однако как лицо, ранее занимавшееся реабилитацией незаконно осужденных в разные годы морских офицеров, автор сосредоточил внимание именно на юридических вопросах. Кроме того, он поставил перед собой задачу всячески подчеркнуть негативное влияние некоторых военных деятелей советского периода, и прежде всего Л. Троцкого, на решения судебных органов. Важными были и другие сведения, а именно — роль командера Кроми.

В 2013 г. в Москве появилось любопытное издание — «Дело командующего Балтийским флотом А.М. Щастного» ¹⁸. Вводную статью и биографию офицера также написал Звягинцев. Да и само дело подготовлено к изданию именно этим автором. На 29-й странице он упоминает о том, что «англичане предпринимали усилия к уничтожению российских кораблей, предполагая тайный сговор (или зная о нем) большевиков и представителей немецкого Генштаба» ¹⁹. Упомянут и Кроми с пояснением, что это — «английский разведчик, фамилия которого фигурирует в материалах дела» ²⁰. Звягинцев сообщает об имевших место секретных переговорах разведчика с большевиками по поводу уничтожения кораблей. А основанием к таким переговорам якобы явились добытые британскими спецслужбами документы о тайных сношениях Совнаркома с Кайзером. Эти материалы по какой-то линии связи были доведены до командующего Балтийским флотом Щастного. Для Звягинцева (о чем он говорил сам) вообще не имело значения, были ли указанные документы подлинными, важно лишь то, что их изъяли у командующего при аресте. Сразу отметим, что это были фальшивки, изготовленные журналистом польского происхождения Ф. Оссендовским и его подручными, проданные за приличные деньги разведчикам Франции и Англии. Среди последних был и британский военно-морской атташе.

Не вдаваясь в биографию Кроми, Звягинцев почему-то определяет его как одного из опытных шпионов ²¹. Известно, что пост военно-морского атташе и резидента подводник на момент ареста Щастного занимал всего несколько месяцев, а до этого к спецслужбам не имел никакого отношения. Вместе с тем, автор предисловия справедливо указывает на реальные факты неоднократных встреч резидента DNI Кроми с Троцким (как наркомом по военным делам), а также с начальником Морского генштаба капитаном 1-го ранга Е.А. Беренсом и его помощником, членом морской коллегии контр-адмиралом В.М. Альтфатером.

Из материалов уголовного дела Щастного видно, что Троцкий первоначально не был осведомлен об использовании поддельных документов командующим флотом на разного рода совещаниях, чего нельзя с уверенностью сказать о Беренсе и Альтфатере. Последние, скорее всего, попались на удочку фальсификаторов и самого Кроми, а потому фактически стали соучастниками в реализации разработан-

ного и профинансированного англичанами плана по подготовке к уничтожению кораблей. Руководители флота Республики, разделяя обеспокоенность британского представителя об угрозе захвата кораблей немцами, безропотно транслировали указания на сей счет в адрес Щастного от имени Троцкого, не поставив своего руководителя в известность о существовании поддельных документов. Не упоминал о них в беседах с наркомом и Кроми, намереваясь использовать фальшивки в целях антисоветской пропаганды среди военнослужащих Балтийского флота, а затем побудить некоторых офицеров и матросов к восстанию против новой власти, якобы выполняющей указания немецкого Генштаба.

Судя по тексту вступительной статьи Звягинцева, он уверен в подлинности добытых англичанами документов немецкого Генштаба. Отсюда и версия автора о том, что Щастный был арестован и скоропалительно расстрелян, чтобы скрыть факт выполнения Троцким и Лениным указаний германской разведки. С этим нельзя согласиться, поскольку уже проведены и опубликованы исследования, доказывающие причастность к изготовлению фальшивок упомянутого выше Оссендовского и спецслужб союзников. Странно, что Звягинцев не изучил и не использовал соответствующие работы петербургского профессора В.И. Старцева и американского историка С.М. Ляндреса.

Но для тех, кто изучает историю противоборства ВЧК с разведками стран Антанты, тот факт, что фальшивки давно разоблачены, не самое главное. Важно, что при описании дела капитана 1-го ранга Щастного ушли на дальний план сомнительные указания Беренса и Альтфатера, беспрекословно выполнявших приказы Троцкого. Кроме того, почти незаметной осталась роль британского резидента Кроми, как подстрекателя, и его подрывная идеологическая операция. А ведь именно доведение Щастным до командного и комиссарского состава Балтийского флота содержания подсунутых военно-морским атташе фальшивок с обвинениями большевистских руководителей в работе на немецкий генеральный штаб, стало основанием для его ареста. Кроме того, командующий флотом не скрывал своего возмущения фактом назначения англичанами денежных выплат диверсантам и поэтому проявлял явное нежелание выполнять навязанные союзниками указания по подрыву вверенных ему кораблей. И это тоже подвигло Троцкого к репрессивным действиям.

В последние майские дни 1918 г., при принятии такого неординарного решения, как лишение свободы командующего морскими силами Балтийского моря, нарком по военным делам явно находился под влиянием Кроми. То же можно сказать и о Беренсе, и об Альтфатере. Троцкий, хотя и не назвал фамилию Кроми (якобы забыл ее), но на суде подтвердил факт убеждающего воздействия на себя представителя английского адмиралтейства и предложения им денежных средств на подрыв кораблей. Имя этого человека вынужден был раскрыть Альтфатер — «Коммандер Кроми, он английский морской агент»²². Таким образом, можно утверждать, что британский резидент инициировал операцию по подготовке к взрыву кораблей и спровоцировал уголовное преследование командующего Балтийским флотом, закончившееся расстрелом последнего. Но в статье Звягинцева

военно-морской атташе Англии упоминается, как ни странно, всего лишь трижды, да и то походя.

И последнее, о чем следует сказать в связи с делом командующего морскими силами Балтийского моря капитана 1-го ранга Щастного: уже на заседании Верховного революционного трибунала бывший командующий сделал заметки, из которых видно, что, только находясь на скамье подсудимых, он выяснил для себя роль Кроми. Однако ни сам Щастный, ни его опытный защитник по какой-то причине не поставили вопрос о привлечении английского военно-морского атташе в качестве свидетеля по делу²³. Вызова такого свидетеля не желали Троцкий, Беренс и Альтфатер, которые в рассматриваемый период по факту участвовали в реализации планов по уничтожению Балтийского флота, навязанных резидентом английской военно-морской разведки. Найденное в архиве УФСБ по СПб. и Ленинградской области письменное указание руководителя и комиссара Морской Регистрационной службы своим подчиненным на Балтийском флоте, подтверждает сделанный выше вывод: «Нагенмор²⁴ приказал сообщить во все отделения военно-морского контроля, что в настоящее время является необходимым обратить главное внимание на раскрытие тех организаций и лиц, кои ведут в командах флота и в портах агитацию против принимаемых Морским Ведомством на случай оккупации Петрограда мер, имеющих своей целью не дать военные суда в руки оккупирующих. Также является необходимым вести строгое наблюдение за такой пропагандой и за всеми теми лицами, кои будут убеждать команды противодействовать и не исполнять приказаний, относящихся до принятия и исполнения таких мер предосторожности, как затопление судов, частичные взрывы и проч., когда эти распоряжения исходят от установленных законных властей»²⁵. Как видно, инициатор данного указания — начальник Морского генерального штаба Беренс. Следует обратить внимание и на дату подготовки документа — 12 августа 1918 года. В это время уже был расстрелян Щастный, разбежалась из Петрограда и Кронштадта часть английской агентуры, а план Кроми по подготовке к взрывам кораблей и судов продолжал реализовываться при поддержке Беренса. Таким образом, отталкиваясь от текста вышеприведенного документа, можно достаточно уверенно говорить о его прямых контактах с Кроми вплоть до ликвидации последнего 31 августа. А если учесть, что Беренс подозревался в благопристворании деятельности шпионской организации «ОК», финансируемой британскими политической и морской разведками, то можно поставить под сомнение лояльность бывшего царского офицера большевистской власти.

Судя по материалам уголовного дела Щастного, Кроми неоднократно встречался с главой советского военного ведомства в первой половине 1918 года. Можно с уверенностью предположить, что с Беренсом и Альтфатером таких встреч было значительно больше. А это, в свою очередь, позволяет говорить о некоей общей тактической линии в действиях военных представителей союзников — добиваться выгодных для их стран решений путем непосредственного воздействия на высших должностных лиц новой российской армии, флота и других ведомств. Это утверждение подкрепляется фактами тайных

контактов с главой французской военной миссии наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина и руководителя польского комиссариата наркомата по делам национальностей С.С. Пестковского. Британский резидент Кроми встречался даже с председателем Петроградской ЧК М. Урицким. Эти встречи, скорее всего, осуществлялись с целью усыпить бдительность главы местных чекистов. В опубликованной центральной партийной газетой записи беседы с Урицким указывалось к примеру, что у ПЧК имелись сведения о тесных сношениях некоторых контрреволюционных деятелей с официальными представителями английской и французской миссий. При этом руководитель питерских чекистов в разговоре с корреспондентом почему-то упомянул только британского военно-морского атташе. Однако председатель ПЧК не преминул добавить, что и сам встречается с последним, якобы только выслушивая его объяснения по поводу высадки английского военного контингента на Севере ²⁶. О чем реально шел разговор, теперь установить невозможно, так как никаких записей при встречах не велось. Известно одно — активных действий против англичан Петроградская ЧК в первой половине 1918 г. не осуществляла. Даже арестовав в Петрограде руководителя нелегальной морской разведывательной организации «ОК» лейтенанта Р.А. Оккерлунда, зная, что он направлял письма со шпионскими сведениями в Англию, местные чекисты не попытались выявить его связь с Кромой, которая несомненно была ²⁷.

Третья задача Кроми, а именно устранение большевиков от власти, являлась наиболее трудной в плане практической реализации. Здесь уже нельзя было ограничиться подбором и использованием агентуры только из той среды, которую он хорошо знал — морских офицеров. Требовалось объединить усилия различных подпольных организаций, включая и «белых» латышей. Их в Петрограде было достаточно много. Латыши-подпольщики имели связи с земляками в Москве, что создавало возможность заручиться их поддержкой готовившегося восстания в советской столице. Там с мая 1918 г. действовал Рейли. С ним предстояло наладить взаимодействие, что и было реализовано в июле-августе.

В оперативном обеспечении следствия по делу Щастного центральный аппарат ВЧК (в отличие от петроградских чекистов) задействован не был. Но его руководители — Ф. Дзержинский и Я. Петерс — имея информацию о рассматриваемых в рамках уголовного дела событиях, все же сумели вычленивть некие указания на проведение Кроми антисоветской подрывной деятельности. Тянулись нити в Петроград к изготовителям антибольшевистских фальшивок, фигурировавших на судебном процессе над Щастным. Подобного рода «документы» доставил из Петрограда в Москву во второй половине апреля 1918 г. арестованный позднее ВЧК поляк М. Лютославский. Все собранные сведения оказались востребованными при разработке операции против английской разведки, проведенной в июне-сентябре 1918 г., известной в исторической литературе как «Заговор Локкарта» или «Заговор послов».

Понятно, что союзнические послы лично не принимали участия в разработке планов по свержению советской власти, но однозначно знали об этих намерениях. Кроме того, они решали вопросы финан-

сирования различных подпольных организаций. Практическим же осуществлением намечаемых действий занимались представители спецслужб Франции и Англии. Среди британских разведчиков выделялись две фигуры: Сидней Рейли (агент политической разведки MIIC — «ST-1») и резидент военно-морской разведки (он же военно-морской атташе) Кроми. Встречу и дальнейшую совместную работу этих разведчиков организовал резидент MIIC в России Эрнст Бойс. При этом сам он не считал возможным лично участвовать в подготовке антибольшевистского переворота, заявляя коллегам, что занимается исключительно выполнением заданий по сбору политической информации в интересах британского правительства.

Август 1918 г. был самым сложным и напряженным для представителей союзнических спецслужб в России. Обстановка и уже проделанная подготовительная работа по устранению большевиков от власти подводила к необходимости финальных решительных действий, а подпольные антисоветские структуры чем дальше, тем больше утрачивали готовность к подобным акциям. Исходя из намерения нанести удар по высшим представителям советской власти и большевистской партии, один из основных исполнителей задуманного резидентурами британских спецслужб агент «ST-1» (Сидней Рейли) предложил совершить переворот 6 сентября. В этот день должен был начать работу VI Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. В зале заседаний предполагалось арестовать Ленина и других видных делегатов форума. Затем началось бы восстание в столице и в Петрограде. Успех казался несомненным. Но антантовские разведчики не знали, что чекисты готовят контракции.

Следует напомнить следующее. Поздним вечером 7 июля 1918 г., дня, когда был совершен террористический акт в отношении германского посла в Советской России графа Мирбаха, председатель ВЧК Дзержинский подал в Совнарком заявление о невозможности далее исполнять обязанности по руководству чекистским ведомством. Более того, совершенно справедливо рассматривая себя как одного из главных свидетелей по указанному делу, он вообще отказался «принимать какое-либо участие в работе комиссии»²⁸. Данная фраза из заявления Дзержинского до сих пор вызывает непонимание у историков спецслужб. Дело в том, что как раз в это время начала активно развиваться операция по внедрению секретных сотрудников и агентуры ВЧК в британские и французские разведсети в Москве и Петрограде. И если разработкой по главе английской миссии в новой советской столице — Локкарту в основном руководил заместитель председателя ВЧК Петерс, то мероприятиями по Петрограду, а конкретно — по военно-морскому атташе Великобритании капитану 1-го ранга Кроми — непосредственно занимался Дзержинский. По крайней мере известно, что именно он организовал агентурную группу А.Б. Штегельмана (псевдоним «Энгельгардт») и утвердил разработанный им план действий, первый пункт в котором был такой: «ликвидация англо-французов»²⁹. Кроме того, планом предусматривался съём в Петрограде конспиративных квартир, где предполагалось принимать вновь завербованных агентов, а возможно встречаться с Кроми и сотрудниками его резидентуры. Руководство агентурной группой Штегельмана председатель ВЧК осуществлял при посредниче-

стве секретного сотрудника комиссии А.Г. Антонова³⁰. Все основные доклады по работе агентурной группы шли к Дзержинскому через него. Петроградских чекистов до финальной стадии к операции не подключали. Здесь сказался не только фактор серьезных претензий ВЧК к своим коллегам в северной столице, многократных взаимных упреков в допущенных ошибках, но и отсутствие у Петроградской ЧК реальных оперативных возможностей по английскому посольству.

В период своей вынужденной отставки Дзержинский работал над изучением и приведением в порядок архивных материалов ВЧК. Этот факт известен историкам по сохранившимся документам³¹. Однако, зная психологическую характеристику чекистского руководителя, достаточно хорошо описанную исследователями, трудно поверить, что он мог реально отойти от дел и вообще не интересоваться ходом наиболее крупных операций. Прежде всего это относится к тем из них, которые вступили в решающую стадию. Скорее всего, Дзержинский продолжал курировать начатую им лично операцию по Петрограду. Если это так, то становится понятным, почему уже 22 августа 1918 г. было принято постановление Совнаркома о восстановлении Дзержинского в должности председателя ВЧК. К этому времени выяснилась роль некоторых иностранных дипломатических представителей и агентов спецслужб в подготовке государственного переворота. Тянуть далее с ликвидацией зревшего в Москве и бывшей столице страны заговора было нельзя. Штегельман («Энгельгардт») через свои петроградские связи уже ввел секретных сотрудников Всероссийской ЧК Спрогиса и Бредиса в окружение британского военно-морского атташе Кроми, да и сам вошел в число агентов английского резидента³².

Прибыв с группой сотрудников в Петроград в оперативную командировку (в том числе и в связи с убийством председателя местной чрезвычайной комиссии Урицкого), Дзержинский отдал приказ подчиненным резко активизировать разработку Кроми и других британских разведчиков.

В ряде публикаций указано, что, по имеющимся у чекистов на конец лета 1918 г. данным, в британском посольстве 31 августа должно было состояться совещание руководителей групп заговорщиков с британским военно-морским атташе, капитаном 1-го ранга Кроми, что и повлияло на план реализации операции. Но это не совсем верно. В действительности, еще до прибытия в Петроград Дзержинского, направленным в город двум агентам ВЧК было отработано задание — организовать сбор руководителей подполья в гостинице «Франция» и добиться участия в совещании британских разведчиков. В гостинице предполагалось захватить всех заговорщиков с личным и обоснованно обвинить иностранных дипломатов во вмешательстве во внутренние дела Советской России. Конкретной даты этого оперативного мероприятия определено не было. Однако при встрече с агентами Кроми и его коллеги засомневались в безопасности встречи и решили провести ее в здании посольства. Об этом они и заявили агентам ВЧК 31 августа. Переубедить разведчиков не удалось. Тогда один из агентов — А. Сабир — под надуманным предлогом сумел выйти на короткое время из посольства и сообщить руководителям операции о возможных изменениях³³.

Несколько ранее Дзержинский получил известие о покушении на председателя Совнаркома Ленина и (не отвечая на переданный вопрос агента) решил на беспрецедентные с точки зрения международного права шаги — осуществить в тот же день (31 августа 1918 г.) блокирование и обыск посольства Великобритании, а также арестовать всех находившихся в здании лиц. Возможно, что Дзержинский также рассчитывал добыть в миссии или при допросе задержанных какие-либо свидетельства причастности иностранных дипломатов к произошедшим террористическим актам. Однако никаких документов, указывающих на какое-либо участие сотрудников посольства в организации убийства Урицкого и покушении на Ленина чекисты тогда не нашли. Да и сегодня историки не говорят о планировании действий террористов в одном из союзных посольств и вообще в каком-то едином центре. А вот сведения о координации действий заговорщических организаций в Москве и в Петрограде были добыты. Свидетелями на предполагаемом судебном процессе могли выступить секретный сотрудник ВЧК Спрогис, а также агенты Штегельман и Сабир.

В одном из дел архива УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области сохранился ряд документов, описывающих происходившее. На основе этих материалов вырисовывается следующая картина: когда работники ВЧК и ПЧК проникли в здание, именно Кроми первым открыл огонь по чекистам, стараясь дать своим сотрудникам возможность уничтожить компрометирующие материалы. В ходе завязавшейся перестрелки разведчик наружного наблюдения Янсон был убит, следователь ВЧК Б.Б. Бортовский и комиссар ПЧК И.Н. Шейнкман тяжело ранены³⁴. Сам военно-морской атташе получил смертельное ранение и скончался на месте³⁵.

В исторической литературе упоминается и об аресте в дипмиссии нескольких контрреволюционеров. Авторы книги «Чекисты Петрограда», к примеру, утверждают, что среди задержанных были 25 англичан и 5 представителей антибольшевистского подполья. К сожалению, фамилии этих лиц, за исключением бывшего царского офицера князя Шаховского, не приводятся, и ссылок на источники информации для данного сюжета в книге нет³⁶. Сотрудники архива УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области на сделанный запрос ответили, что списка задержанных в британском посольстве найти не удалось. В связи с этим можно назвать лишь еще двоих «контрреволюционеров» — это агенты ВЧК Штегельман и Сабир. Их упоминает в отчете сотрудник резидентуры британской политической разведки Г.Т. Холл (Herold Trevenen Hall), достаточно тесно сотрудничавший с Кромью и находившийся в посольстве в момент прихода чекистов³⁷.

События, произошедшие 31 августа, многократно описывались в отечественных и зарубежных публикациях. По понятным причинам иностранные публицисты и историки, даже те из них, кто с научных позиций исследовал противоборство спецслужб в 1918 г., зачастую делали акцент на самом факте гибели британского военного дипломата (забывая при этом, что он первым открыл стрельбу) и на нарушении экстерриториального статуса посольства³⁸. Советские исследователи упоминали о налете на посольство в основном в связи с так

называемым «Делом Локкарта» и, что вполне естественно, полностью оправдывали чекистские мероприятия³⁹.

Британский военно-морской атташе и резидент DNI Френсис Кроми погиб, что называется, на боевом посту. То, что он проделал в январе-августе 1918 г. в интересах своей страны, грубо вмешиваясь при этом во внутренние дела Советской России (вплоть до подготовки государственного переворота), вызывает у западных историков если не восхищение, то однозначно положительные оценки. В чем-то с ними можно согласиться. Но, между тем, следует указать и на профессиональные ошибки в деятельности Кроми, а также британской военно-морской разведки в целом, ярко проявившиеся в противостоянии с ВЧК. И это при том, что сами чекистские аппараты в 1918 г. были еще далеки от вершин оперативного искусства.

Примечания

1. Рейли (Розенблюм) Сидней Джордж (1872—1925). С 1918 г. агент британской политической разведки. Псевдоним «ST-1». Вместе с другими сотрудниками Сикрет интеллидженс сервис (СИС) в 1918 г. предпринимал попытки организации заговора с целью свержения советской власти. Был заочно приговорен к высшей мере наказания, но сумел заблаговременно скрыться за границу. Выведен на территорию СССР в рамках чекистской операции «Трест», где приговор был приведен в исполнение в 1925 году.
2. Первая мировая война 1914—1918 годов. Т. 1. М. 2014, с. 422.
3. Коммандер — воинское звание в военно-морском флоте Великобритании, соответствующее капитану 2-го ранга в российском ВМФ.
4. ЛОККАРТ Р. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. М. 2016, с. 150.
5. VAINTON R. Honoured by strangers. The life of Captain Francis Cromie CBDSORN 1882—1918. London, p. 200.
6. БЬЮКЕНЕН М. Крушение великой империи. Ч. 2. Париж. 1933, с. 113.
7. Архив УФСБ по СПб. и Лен. обл. АУД П-34639, л. 2.
8. KETTLE M. The road to intervention. March-November 1918. London. 1988, p. 7.
9. VAINTON R. Op. cit., p. 210.
10. Архив УФСБ по СПб. и Лен. обл., АУД П- 92755, т. 4, л. 107.
11. ЧАПЛИН Г.Е. Два переворота на Севере. В кн.: Белое дело. Летопись белой борьбы. Т. 15. Берлин. 1928, с. 14.
12. РАТЬКОВСКИЙ И.С. Петроградская ЧК и организация доктора В.П. Ковалевского в 1918 г. — Новейшая история России. 2012, № 1, с. 100—115. Автор, к сожалению, ошибся и указал фамилию одного из руководителей организации как Куроченков вместо Куроченко.
13. Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ России), АУД Н-441, т. 1, л. 21.
14. Там же, л. 21об.
15. ЦА ФСБ России, ф. 2, оп. 4, д. 29, л. 215—217.
16. Там же, л. 81.
17. ЗВЯГИНЦЕВ В.Е., САПСАЙ А.В. «Балтийская Голгофа» или как узаконили беззаконие. СПб. 2003; ЗВЯГИНЦЕВ В. Трибунал для флагманов. М. 2007.
18. Дело командующего Балтийским флотом А.М. Щастного. Подлинное следственно-судебное дело. М. 2013.
19. Там же, с. 29.
20. Там же, с. 30.
21. Там же, с. 51.
22. Там же.

23. Там же, с. 291.
24. «Нагенмор» — употреблявшееся в первые годы советской власти название должности начальника Морского генерального штаба. Эту должность в рассматриваемый период занимал Е. Беренс.
25. Архив УФСБ по СПб. и Лен. обл., ф. 19, д. 32, л. 9—9об.
26. Правда. 3.VII. 1918, №34.
27. ЦА ФСБ России, ф. 1, оп. 3, д. 527, л. 21.
28. В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917—1922 гг.). М. 1987, с. 69.
29. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 76, оп. 3, д. 13, л. 21.
30. Антонов Аркадий Густавович. Возможно, что это его псевдоним, а не настоящая фамилия. По кадровым приказам ВЧК сотрудник с фамилией Антонов не проходит. Однако в оперативной переписке за 1918 г. он встречается много раз, в том числе и в связи с получением финансовых средств для группы Штегельмана.
31. ВИНОГРАДОВ В.К. История формирования архива ВЧК. В кн.: Архив ВЧК. Сборник документов. М. 2007, с. 10.
32. АВОТИН А. Шмидхен: затянувшийся маскарад. Темные страницы истории. М. 2012, с. 12.
33. VAINTON R. *Op. cit.*, p. 250.
34. Архив УФСБ по СПб. и Лен. обл., д. № 9964, т. 14, л. 51.
35. ГОЛИНКОВ Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1. М. 1980, с. 151.
36. КУТУЗОВ В.А., ЛЕПЕТЮХИН В.Ф., СЕДОВ В.Ф., СТЕПАНОВ О.Н. Чекисты Петрограда на страже революции. Кн. 1. Ленинград. 1989, с. 167.
37. VAINTON R. *Op. cit.*, p. 297.
38. LOCKHART R.V. *Reily: Ace of Spies*. New York. 1984; *Gordon Brook Shepherd. Iron Maze. The Western Secret Services and the Bolsheviks*. London. 1998.
39. Правда. 7.IX.1918, № 191; СОФИНОВ П.Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (1917—1922 гг.). М. 1960; ГОЛИНКОВ Д.Л. Крушение анти-советского подполья в СССР. Кн. 1. М. 1980.

Розыск дезертиров в Австро-Венгрии во время первой мировой войны

В.В. Миронов

Аннотация. В годы первой мировой войны командование австро-венгерской армии столкнулось с массовым дезертирством. Розыском беглецов, создававших угрозу для общественной безопасности, занималась полевая жандармерия. Статистический материал, касающийся количества задержанных дезертиров и случаев применения огнестрельного оружия, убедительно свидетельствует, что силы правопорядка плохо справлялись с возложенной на них миссией. Масштабные облавы, организованные военными властями в 1918 г., дали незначительный результат. Главной причиной тому помимо объективных препятствий являлась активная поддержка беглецов гражданским населением.

Ключевые слова: первая мировая война, армия Австро-Венгрии, дезертирство, «зеленый кадр», военная юстиция, полевая жандармерия.

Abstract. During the First World War, the command of the Austro-Hungarian army faced massive desertion. The search for fugitives, which created a threat to public safety, was handled by the field gendarmerie. The statistical material on the number of detained deserters and the use of firearms convincingly shows that the forces of law and order failed to cope well with the mission entrusted to them. The large-scale raids, organized by the military authorities in 1918, yielded insignificant results. The main reason for this, apart from objective obstacles, was the active support of fugitives by the civilian population.

Key words: First World War, Austrian-Hungarian army, desertion, «green squad», military justice, field gendarmerie.

Одной из «болевых точек» в отношениях между габсбургским государством и гражданским обществом во время первой мировой войны стало массовое дезертирство, вызванное широким спектром причин ¹. По данным Военного министерства Австро-Венгрии, в октябре 1918 г. численность дезертиров достигла астрономической цифры в 250 тыс. человек ². Разработанный военными властями комплекс мер, направленный на предупреждение дезертирства, включал в себя имущественно-правовые, цензурные и иные средства профилактики.

Поиском дезертиров и передачей их ближайшим воинским частям ведала полевая жандармерия, мобильные отряды которой постоянно патрулировали

Миронов Владимир Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, профессор Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. Тамбов. E-mail: mironov.vladimir@hotmail.com.

Mironov Vladimir V. — doctor in historical sciences, associate professor, professor at the Tambov State University named after G.R. Derzhavin. E-mail: mironov.vladimir@hotmail.com.

зону действующей армии³. Розыскные мероприятия осуществлялись на основе специального документа с указанием анкетных данных и особых примет беглецов, выдававшегося командованием воинских частей⁴. Австрийские военнослужащие были обязаны подтверждать правомерность своего нахождения за пределами воинской части с помощью предоставленных им командованием «открытых приказов» и отпускных удостоверений⁵.

Судя по данным статистики, количество задержанных полевой жандармерией дезертиров неуклонно снижалось, составляя в процентном отношении: в 1914 г. — 36%; в 1915 г. — 27; в 1916—1917 гг. — 18; в первом квартале 1918 г. — 23%⁶. Вместе с количеством разыскиваемых дезертиров выросло число зарегистрированных при их задержании случаев применения оружия жандармскими постами. В землях венгерской короны при поимке дезертиров жандармы прибегали к оружию: в 1914 г. — 18 раз; в 1915 г. — 93; в 1916 г. — 129; в 1917 г. — 464; в первом квартале 1918 г. — 275 раз⁷. Дезертиры, составлявшие в югославянских землях империи костяк «зеленых кадров», нередко сами вступали в вооруженные столкновения с преследовавшими их мобильными отрядами жандармерии⁸. По мнению жандармского инспектора Венгрии генерал-майора О. Фери, особое беспокойство внушала готовность дезертиров к оказанию вооруженного сопротивления силам правопорядка. В июне 1918 г. Фери представил венгерскому Военному министерству подробный доклад, содержащий конкретные предложения по обузданию принявшего огромный размах дезертирства. Автор доклада выделил несколько факторов, благоприятствовавших широкому распространению указанного социального явления. Среди них он особо подчеркивал роль крупных городов, служивших центрами притяжения для преступников. Так, военная полиция Будапешта задержала в мае 1918 г. 3872 дезертира и 1950 военнослужащих, просрочивших возвращение из отпусков⁹.

Крайне сложным являлось проведение розыскных мероприятий в горной местности. В этой связи укажем на результаты расследования, проведенного в мае 1918 г. жандармским постом Клисса (Далмация) в отношении просрочившего возвращение из отпуска солдата 1418-го подразделения тылового снабжения М. Плацибата. Согласно содержащимся в докладе сведениям, подозреваемый неотлучно находился в родном селе Дугополье, отрезанном от внешнего мира горным массивом Мозор. В своем ответе на повторный запрос о его аресте, направленном военным трибуналом 6-ой австрийской армии в Толмеццо (Италия), местная жандармерия с большим запозданием проинформировала орган военной юстиции о том, что арест Плацибата не может быть произведен¹⁰.

Для укрепления значительно расшатанной дисциплины среди военнослужащих Фери предлагал ввести судопроизводство по законам военного времени, которое, по его мнению, полностью оправдало себя в Будапештском округе. Он считал, что наряду с дезертирами сурового наказания заслуживало помогавшее им гражданское население¹¹. Оно всячески поддерживало дезертиров, не только укрывая, снабжая продовольствием и предупреждая их о появлении жандармов, но и, как свидетельствует циркуляр военного министра, нередко мешало препровождению конвоем пойманных беглецов на сборные пункты¹².

В различных провинциях Габсбургской монархии летом-осенью 1918 г. военным командованием были организованы крупномасштабные облавы на дезертиров, представлявших серьезную угрозу для общественной безопасности. В них были задействованы подразделения внутренних войск, тщательно прочесывавшие окрестности населенных пунктов. Хорошо изучившие «повадки» дезертиров военные власти разработали серию инструкций, призванных существенно облегчить их поимку карательными органами: «Большая часть дезертиров находится в течение недели в лесах и полях или иных укрытиях и только

в выходные и праздничные дни отправляются в населенные пункты. Поэтому наиболее благоприятное время — на рассвете выходных и праздничных дней и сами эти дни. Также с успехом могут быть использованы рыночные дни и вечера танцев... Облавы следует проводить днем и ночью. В первую очередь это относится к удаленным населенным пунктам и их окрестностям, кроме того, при благоприятном времени года лесистым местностям, ущельям и пещерам... Время и место облав следует выбирать по возможности беспорядочно; только благодаря этому дезертиры нигде не будут чувствовать себя в безопасности»¹³.

Подробной регламентацией отличался порядок действий сил правопорядка в населенных пунктах. Все въезды и выезды в них перекрывались с помощью заградительных постов. Мобильные патрули одновременно начинали «зачистку» населенного пункта, проверяя документы у оказавшихся в зоне оцепления жителей. Особое значение придавалось проверкам документов в трактирах и других увеселительных заведениях¹⁴. Ужесточение паспортного режима, как свидетельствуют архивные документы, вскоре принесло свои плоды. Придирчивый взгляд, брошенный в, казалось бы, безупречно оформленные документы, нередко выявлял их фальсификацию. Причем грешили ею не только отпетые преступники, но и впервые оступившиеся военнослужащие. 27 июля 1918 г. командованием железнодорожной станции Пер-ла-Карниа (Италия) был выдан «открытый приказ» ландштурмистам 413-го запасного батальона К. Повше и Э. Шано для препровождения в г. Будапешт одного пленного итальянского офицера. Прибыв в Вену после успешного выполнения порученного им задания, конвойные самовольно переправили срок действия выданного им проездного документа. Повше на время задержался в родном для него городе, а Шано отправился к своим родственникам в Богемию. Оба условились встретиться в Вене 6 августа, но уже 3 августа Повше был задержан в результате полицейской облавы¹⁵.

Военные патрули при аресте и сопровождении дезертиров следовали новым инструкциям, регламентировавшим, в том числе, порядок применения оружия. Подобные действия допускались без вступления в какие-либо переговоры с приравненными к опасным преступникам беглецам после проигнорированного ими однократного окрика патруля или поста. Депутаты австрийского рейхсрата неоднократно обращали внимание Военного министерства на серьезную угрозу для гражданского населения, исходившую от масштабных розыскных операций. Участвовавшие в них жандармские и военные силы безжалостно опустошали занятые сельскохозяйственными культурами земельные площади и без промедления открывали огонь на городских улицах по пытавшимся скрыться дезертирам¹⁶.

Переведенные из других гарнизонов для участия в облавах на дезертиров военнослужащие сами порой пополняли их ряды, добывая средства к существованию грабежами местного населения. Так, четверо сослуживцев 89-го пехотного полка во главе с взводным Й. Ясинским, откомандированные летом 1918 г. с итальянского театра военных действий в Галицию, дезертировали и встали на преступный путь, избив и ограбив владельца трактира в г. Ряшев¹⁷.

В югославянских землях арестованные в результате проводившихся облав дезертиры исчислялись сотнями, но даже эта цифра заметно контрастирует с приведенными загребским военным командованием экспертными данными по Хорватии — Славонии, согласно которым «в бегах» находилось около 100 тыс. дезертиров. Незначительные в целом итоги проводившихся воинских операций по борьбе с дезертирством во многом объяснялись материальной и информационной поддержкой сочувствовавшего беглецам гражданского населения. Чувствовавшие за собой симпатии местных жителей дезертиры привнесли элементы военной организации в созданные ими вооруженные отряды. Например, в окрестностях г. Фрушка Гора (Срем) каратели обнаружили хорошо оборудованные укрепленные пункты, позволявшие дезертирам держать длительную оборону¹⁸.

О степени взаимодействия военных и гражданских органов при проведении масштабных розыскных мероприятий можно судить по организованной в июне 1918 г. в районе сремского Уйвидека грандиозной облаве, руководство которой было поручено местной жандармерии. Под ее началом находились 4200 штыков, призванных круглосуточно обеспечивать военную поддержку полицейской операции. Военной администрации Темешвара и окружному жандармскому командованию Сегеда было предписано предпринять все необходимое, чтобы предотвратить проникновение дезертиров с прочесанной войсками территории. Усиленный контроль на время проведения облавы вводился на железнодорожном транспорте. Паромные переправы через Дунай были объявлены государственной собственностью, а перевозка пассажиров производилась только с разрешения местных властей. В результате облавы было задержано 5070 дезертиров. При этом в пятнадцати случаях преследователям пришлось прибегнуть к оружию ¹⁹.

В Боснии — Герцеговине дезертирское движение имело свою специфику, связанную с близостью провинции к оккупированной Центральными державами Черногорией, где задолго до начала первой мировой войны процветало разбойничество. Первоначально отряды «зеленого кадра» состояли из черногорских разбойников, совершавших дерзкие набеги на приграничные герцеговинские территории ²⁰. Но постепенно в разбойничьей среде выделилось политическое течение, объявившее своей целью освобождение Черногории от иностранной оккупации. Периодически боевики пересекали границу, вступая в вооруженные столкновения с жандармскими постами. В состав так называемых «комита-банд» вскоре влились австрийские дезертиры и сербские военнопленные ²¹.

Для борьбы с «зеленым кадром» сараевские власти приняли ряд превентивных мер, значительно ограничив право на хранение оружия и организовав серию облав на дезертиров. В пограничных с Черногорией округах Фоча, Гачко, Билеча, Требинье, Невешинье и Столач вводилось законодательство военного времени. Только в августе 1918 г. жандармерией было задержано 6800 дезертиров и военнослужащих, просрочивших свои отпуска ²². Феномен «зеленого кадра» стал предметом пристального внимания Верховного командования, отправившего для его глубокого изучения специального представителя. Его выводы лишней раз подтвердили, что деятельность участников «зеленого кадра» была направлена против имущих слоев сельского населения.

Принятые военными властями Боснии — Герцеговины меры по искоренению дезертирства специальный представитель Ставки охарактеризовал как неэффективные с учетом несоразмерного с числом задержанных преступников количества участвовавших в розыскных мероприятиях боеспособных войск. Взамен доказавших свою неэффективность мер он предлагал усилить паспортный контроль на железнодорожном транспорте, положить конец торговле фальшивыми документами и более тщательно отбирать личный состав, направляемый для службы в конвойных командах. Жандармерия провинции срочно нуждалась в здоровых и сильных кадрах, способных нести патрульную службу на значительном расстоянии от стационарных постов ²³.

Осенью 1918 г. местное военное командование последовало полученным рекомендациям. Военнослужащим под страхом сурового наказания запрещалось вносить несанкционированные изменения в выданные им проездные документы. В них стали клеивать фотографии владельцев, что серьезно затрудняло передачу служебных удостоверений другим лицам. Отличившиеся при поимке дезертиров военнослужащие премировались денежным вознаграждением ²⁴.

1. См. подробнее: ÜBEREGGER O. Flucht als politisch-nationales Deutungskonstrukt? Kriegslebensweltliche Fluchtmotive Trentiner Deserteure im Ersten Weltkrieg zwischen politisch-militärischer Deutungszuschreibung und retrospektiver Politisierung. — Politik vor Ort. Sinnggebung in ländlichen und kleinstädtischen Lebenswelten. Jahrbuch für Geschichte des ländlichen Raumes 2007. Innsbruck-Wien-Bozen. 2007; EJUSD. Politik, Nation und Desertion. Zur Relevanz politisch-nationaler und ideologischer Verweigerungsmotive für die Desertion österreichisch-ungarischer Soldaten im Ersten Weltkrieg — Wiener Zeitschrift zur Geschichte der Neuzeit. 8 Jg. 2008, H. 2.
2. PLASCHKA R.G., HASELSTEINER H., SUPPAN A. Innere Front. Militärassistentz, Widerstand und Umsturz in der Donaumonarchie 1918. Wien. 1974, Bd. 2, S. 63.
3. Geschichte der Gendarmerie in Österreich-Ungarn. Adjustierung 1816—1918. Einsätze im Felde 1914—1918. Wien. 2000, S. 145—146.
4. Gesetz vom 5. Juli 1912 über die Militärstraßprozessordnung für gemeinsame Wehrmacht. (Kundgemacht an 8. Juli 1912 im LV Stück, Nr. 130, des Reichsgesetzblattes für die im Reichsräte vertretenen Königsreiche und Länder). Wien. 1912, §427—428, S. 78—79.
5. §12 Ausweispflicht für Militärpersonen und militärischen Bediensteten In: Verordnungsblatt der Militärverwaltung im besetzten Gebiete Italiens. O.O., 1918. I Stück — Ausgegeben und versendet am 16. Februar 1918.
6. ГОЛОТИК Л. Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Словакии в 1917—1918 гг. М. 1960, с. 103. Проценты подсчитаны автором путем сравнения табличных данных о находившихся в розыске и арестованных жандармерией дезертирах.
7. Там же, с. 104.
8. ŠEHIC Z. U smrt za zara i domovinu. Bosanci i Hercegovci u vojnoj organizaciji Habsburške Monarhije. 1878—1918. Sarajevo. 2007, s. 239—241.
9. PLASCHKA R.G., HASELSTEINER H., SUPPAN A. Op. cit., Bd. 2, S. 94—95.
10. Österreichisches Staatsarchiv (ÖStA), Kriegsarchiv (KA), Militärgerichtsarchiv (MGA), Feldkriegsgericht (FKG) der 6. Armeekommando (AK), (Quartiermeisterabteilung), Karton 2599/18, Straftakt E 20316/1918, Mijo Plazibat, Referat von 25.10.1918.
11. PLASCHKA R.G., HASELSTEINER H., SUPPAN A. Op. cit., Bd. 2, S. 102.
12. РУБИНШТЕЙН Е.И. Крушение Австро-Венгерской монархии. М. 1963, с. 303.
13. Цит. по: PLASCHKA R.G., HASELSTEINER H., SUPPAN A. Op. cit., Bd. 2, S. 66.
14. Ibid., S. 67.
15. ÖStA — KA — MGA, FKG der 6. AK (Quartiermeisterabteilung), Karton 2598/18, Straftakt K 15238/1918, Karl Powsche, Emmerich Schano.
16. PLASCHKA R.G., HASELSTEINER H., SUPPAN A. Op. cit., Bd. 2, S. 67—68.
17. ÖStA — KA — MGA, FKG der Marschformationen der 6 Armee, Karton 2597/18, Straftakt K 3328/1918, Joseph Jasinski, Gregor Krilyk, Theodor Andrejko, Ludwig Stasiaczek.
18. PLASCHKA R.G., HASELSTEINER H., SUPPAN A. Op. cit., Bd. 2, S. 74.
19. Ibid., S. 95—96.
20. ŠEHIC Z. Op. cit., s. 230.
21. PLASCHKA R.G., HASELSTEINER H., SUPPAN A. Op. cit., Bd. 2, S. 83—84.
22. ŠEHIC Z. Op. cit., s. 240—241.
23. PLASCHKA R.G., HASELSTEINER H., SUPPAN A. Op. cit., Bd. 2, S. 79—80.
24. ŠEHIC Z. Op. cit., s. 242.

Развитие Прибалтийской железнодорожной системы в сентябре 1939 — июне 1941 г.

В.Н. Назаров

Аннотация. В работе на основе изучения и обобщения архивных материалов рассматриваются мероприятия Советского руководства по реконструкции и новому железнодорожному строительству в республиках Прибалтики в сентябре 1939 — июне 1941 года.

Ключевые слова: подготовка СССР к войне, оборонное строительство, железная дорога, воинские перевозки, реконструкция транспортной системы, республики Прибалтики.

Abstract. The author makes the analysis of the construction and reconstruction of the railways in the Baltic States in September 1939 — June 1941, based on the study and generalization of archival materials.

Key words: Soviet preparation for the war, defense construction, railways, military transportation, reconstruction of the transport system, the Baltic States.

События советско-прибалтийских отношений 1939—1940 гг. играли особую роль в истории нашей страны. В настоящее время опубликовано множество новых материалов, в том числе и из ранее закрытых архивов, относящихся к деятельности советского руководства в этот период. Цель данной публикации — на основании ряда исторических документов, часть которых впервые вводится в научный оборот, провести объективный, всесторонний и комплексный анализ работы железнодорожного транспорта по обеспечению развертывания Красной армии на северо-западных границах СССР в 1939—1940 годах.

В этот период Советское руководство, осознавая всю опасность и угрозу складывавшихся для страны обстоятельств, предприняло необходимые меры для обеспечения ее безопасности. Заключение 23 августа 1939 г. Договора о ненападении между СССР и Германией позволило включить в состав СССР Прибалтийские республики. В стратегическом отношении это был выигрыш во времени, хотя его оказалось недостаточно для подготовки присоединенных территорий к войне и обустройства новой границы.

Назаров Владимир Николаевич — аспирант Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: historiograf@yandex.ru.

Nazarov Vladimir N. — postgraduate student at the Russian State University for the Humanities. E-mail: historiograf@yandex.ru.

Без хорошо налаженного железнодорожного транспорта нельзя рассчитывать на успех в войне. Железные дороги несут на себе основную тяжесть воинских перевозок, являясь одним из главных элементов военной стратегии армии любой страны, и поэтому подсчет возможного использования железных дорог является основой подготовки ведения военных действий. Хорошо оборудованный железнодорожный транспорт позволяет своевременно доставлять на театр военных действий необходимое количество войск и вооружения, перебрасывать войска с одного фронта на другой. Железнодорожный транспорт является важным звеном наращивания промышленного производства, без чего невозможно достижение успеха и победы в затяжной войне. В силу своей специфики железные дороги позволяют быстро перебрасывать на большие расстояния крупные соединения и армии, снабжать их всем необходимым.

Железнодорожное транспортное обеспечение включает в себя комплекс согласованных мероприятий по подготовке железных дорог, их техническому прикрытие, эксплуатации, восстановлению и обеспечению потребности армии в транспортных подвижных средствах, а также является средством стратегического сосредоточения и развертывания войск.

При вхождении в состав СССР Прибалтийских республик — Эстонии, Латвии и Литвы — их железнодорожная сеть имела в основном европейскую колею (1435 мм), которая не соответствовала советской железнодорожной колее (1524 мм). Рельсы были как правило легкого типа и не предназначались для пропуска тяжелых грузов, подвижной состав отличался преимущественно старой постройкой, а интенсивность движения была невысокой. Все железнодорожные станции и узлы были рассчитаны на пропуск поездов ограниченной длины — в основном не более 500 метров: «В основном, все железные дороги являются с очень низкой и неравномерной пропускной способностью (16—20 пар поездов в сутки)»¹.

«Подходы со стороны ЛВО и МВО в пределы округа:

- из ЛВО по Кингисеплу — 24 пары поездов;
- по Пскову из Ленинграда — 72 пары поездов;
- по Пскову из Дно — 30 пар поездов;
- из МВО по Себежу — 72 пары поездов;
- из ЗапОВО по Полоцку — 72 пары поездов.

Всего — 270 поездов в сутки»².

Соотношение пропускной способности при подаче поездов к границе с советской стороны и со стороны Восточной Пруссии, по данным разведывательного отдела Прибалтийского военного округа, было не в нашу пользу:

«Со стороны Восточной Пруссии к Литве подходят линии:

Кёнигсберг — Тильзит с пропускной способностью — 36 пар поездов в сутки.

Инстербург — Тильзит с пропускной способностью — 72 пары поездов в сутки.

Инстербург — Шталлупенен с пропускной способностью — 72 поезда в сутки.

Летцен — Сувалки с пропускной способностью — 24 пары поездов в сутки.

Гордауен — Гольдап с пропускной способностью — 24 пары поездов в сутки.

Всего подходит — 228 пар поездов.

Со стороны Литвы к границе с Восточной Пруссией подходят линии железных дорог:

Приекуле — Кретинга с пропускной способностью — 12 пар поездов в сутки.

Шауляй — Кретинга с пропускной способностью — 17 пар поездов в сутки.

Радвилишкис — Таураген с пропускной способностью — 17 пар поездов в сутки.

Каунас — Вирбалис с пропускной способностью — 28 пар поездов в сутки. Всего — 84 пары поездов в сутки»³.

Таким образом, пропускная способность железных дорог Восточной Пруссии почти в три раза превышала пропускную способность железных дорог Литвы. Чтобы изменить это положение необходимы были значительные средства и время, чего у Советского Союза не было.

«Литовская железная дорога имеет, в основном, Европейскую колею — 1435 мм и в настоящее время находится в процессе перешивки. По состоянию на 5 ноября 1940 г. перешиты следующие железнодорожные участки: Земгале — Науйои — Вильня — Вильнюс — Кайшядорис — Каунас — Вирбалис (один путь); Вильнюс — Стасилай; Науйои — Вильня — Шумскас; Даугавпилс — Паневежис — Радвилишкис; Казлу-Руда — Алитус.

Причем, на двухпутном участке Науйои — Вильня — Лентварис — Кайшядорис — Вирбалис перешит только один путь, а второй путь оставлен Западно-Европейской колеи»⁴.

В связи с тем, что проводимые работы по перешивке пути не были доведены до конца из-за нехватки необходимых средств, двухпутная линия была превращена в две однопутные с разной шириной колеи. В целом, проведенные работы не смогли увеличить пропускную и провозную способность Литовской железной дороги. В справке за подписью начальника ВОСО ПриОВО генерал-майора технических войск Кашеева-Сёмина и военного инженера 3-го ранга Лаврова от 12 ноября 1940 г. говорилось о необходимости проведения срочных мероприятий по дополнительному строительству и реконструкции железных дорог Прибалтики с целью повышения их пропускной и провозной способности, так как Прибалтийские железные дороги являются продолжением железнодорожных направлений, выходящих к портам Балтийского моря и к границе с Восточной Пруссией. Для этого необходимо было в самый короткий срок выполнить следующие работы:

«По Эстонской железной дороге:

а). На участке Веймарн — Кингисепп — Тапа уложить вторые пути. Это даст возможность полностью принять поток из Ленинграда через Кингисепп и распределить его на два направления: Таллин и на Тарту;

б). Уложить вторые пути на участке Псков — Петсери для увеличения приема потока со стороны Пскова с дальнейшим распределением его на Тарту, Валгу и Ригу;

в). На участке Валга — Руена — Мойзакюла — Икла и Рийселья — Пярну уложить заново один путь союзной колеи или переделать узкую колею на широкую. Это даст возможность поток из Пскова через Петсери направить к побережью и на Ригу»⁵.

«По Латвийской железной дороге:

а). От станции Себеж до станции Резекне уложить вторые пути и довести пропускную способность на участке до 72 пар поездов в сутки;

б). От Полоцка через Бигосово до станции Таураге через Даугавпилс — Паневжис — Радвилишкис уложить вторые пути. Тогда поток из Полоцка может быть направлен полностью к границе с Восточной Пруссией или разделен на три направления (Крустпилс, Паневежис, Вильнюс);

в). На участке Черская — Резекне — Даугавпилс — Науйои — Вильня уложить второй путь, установив пропускную способность на первую очередь Черская — Даугавпилс — 60 пар поездов в сутки, а на участке Даугавпилс —

Вильнюс — Кайшядорис — Каунас — Вирбалис — 72 пары поездов в сутки, до станции Черская 2-й путь имеется;

г). Для расширения выгрузочного района и создания возможностей кольцевого движения построить соединительную линию Стенде — Кулдыга — Приекуле»⁶.

«По Литовской железной дороге:

а). В самом срочном порядке перешить все железнодорожные участки и железнодорожные узлы на союзную колею, за исключением участков: Рига — Елгава (второй путь), Елгава — Можейкяй, Кужяй — Лиепая, Приекуле — Кретинга, которые перешить во вторую очередь;

б). Для улучшения маневренности Литовской железной дороги и увеличения подхода к границе, построить новую однопутную железнодорожную линию с пропускной способностью 30 пар поездов от станции Иерики через станции Даудзева — Биржай — Паневежис — Кейданы (Кодайняй) до Юрбурга.

Все эти мероприятия являются крайне необходимыми. Их осуществление повысит возможность сосредоточения к границе с Восточной Пруссией до 246 поездов в сутки»⁷.

Как видно из данной справки, были запланированы масштабные и срочные работы по реконструкции и новому строительству на железных дорогах Эстонии, Латвии и Литвы для увеличения их пропускной и провозной способности. Основной объем работ планировалось развернуть в 1941 году. Без этих мероприятий Советское руководство не могло провести от мобилизацию, сосредоточение, развертывание и обеспечение своих войск на границе с Восточной Пруссией.

Примечания

1. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 37 848, оп. 1, д. 26, л. 164—167.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же, л. 168—170.
6. Там же.
7. Там же.

Дербент в каспийской морской торговле

Ш.А. Магарамов

Аннотация. В работе, с привлечением письменных источников, раскрывается роль Дербента как крупного морского порта в развитии каспийской морской торговли. В период арабского господства на Кавказе, когда международные торговые пути переместились в бассейн Каспия, Дербент стал перекрестком древних торговых магистралей. Дальнейший расцвет дербентской торговли связан с появлением на Каспии генуэзско-венецианских купцов и английских торговых агентов, пытавшихся основать в регионе торговые фактории. С выходом Московского государства к северным берегам Каспия роль Дербента в московской торговле с Востоком возросла.

Ключевые слова: Дербент, каспийская морская торговля, транзитная торговля, иностранные купцы и торговые агенты.

Abstract. In this work leaning on written sources the role of Derbent as large seaport in development of the Caspian sea trade reveals. During the Arab domination in the Caucasus when the international trade ways have moved to the basin of the Caspian Sea, Derbent was the intersection of ancient trade highways. Further blossoming of the Derbent trade it is connected with appearance on the Caspian Sea of the Genoa and Venetian merchants and the English sales agents trying to base trade trading stations in the region. With an exit of the Moscow state to northern coast of the Caspian Sea, the role of Derbent with the East increases in the Moscow trade.

Key words: Derbent, Caspian sea trade, transit trade, foreign merchants and sales agents.

Начиная со времени строительства Сасанидами грандиозных военно-фортификационных сооружений, Дербент считался крупным торговым портом на Каспии. Это было связано с дальнейшим освоением Каспийского моря и развитием морской торговли, хотя первоначально в основе деятельности дербентского порта в значительной степени лежали военно-политические факторы. Установлено, что строительство древней дербентской гавани связано с именем Хосрова

Магарамов Шарафетдин Арифович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. E-mail: sharafutdin@list.ru.

Magaramov Sharafetdin A. — candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of RAS. Makhachkala. E-mail: sharafutdin@list.ru.

Ануширвана (531—579). Она была устроена путем продления двух параллельных городских стен в море ¹.

Дальнейшее развитие морского дела в Дербенте и расцвет морской торговли на Каспии связаны с арабскими завоеваниями. Как известно, с середины VIII в. важные торговые пути, связывавшие страны Ближнего Востока с Европой, переместились в бассейн Каспийского моря. Включение южной и восточной частей Кавказа в состав Халифата привело к активному торговому мореплаванию на юго-западе Каспия.

Все арабские авторы IX—X вв. констатировали, что город Дербент являлся крупнейшим торговым пунктом на Каспийском море и обладал прекрасной гаванью внушительных размеров. Так, ал-Истахри (X в.) отмечал, что «Баб ал-Абваб (Дербент) — приморский город. В середине его находится якорная стоянка для судов. Между этой стоянкой и морем, по обе стороны моря, построены две стены, так что вход для судов узок и труден, а у входа протянута цепь, и, таким образом, суда не могут выйти или войти без приказа» ². Другой автор, Ибн Хаукаль, (X в.) говорил о специальном коменданте порта, который давал разрешение на вход и выход из него. Причем Ибн Хаукаль отмечал, что цепь, которой закрывались ворота гавани, была заперта на замок, ключ от которого находился у того, кто наблюдал за морем, и «судно входит [в гавань] только с разрешения владельца замка» ³.

В период так называемого расцвета «арабской» торговли (со второй половины VIII в.) значение Дербента как крупнейшего торгового порта на Каспии огромно: он являлся «оком» на Восток не только для местных купцов, но и для купцов Хазарии, Серира, Хайзана, Руклана, Зирихгерана, Амика — то есть всего Дагестана. Город служил морским портом и для судов, шедших из Джурджана, Табаристана и Дейлема ⁴. Ибн-Хаукаль добавлял, что «в трех последних встречаются хлопчатобумажные одежды, которые вывозят через этот (дербентский) порт» ⁵.

Не случайно арабские географы и историки IX—X вв. считали ширину Каспийского моря по дням пути, то есть по наиболее известной в средние века морской торговой трассе. Ал-Истахри писал, что при благоприятном ветре путь «от Табаристана до Баб ал-Абваба (Дербента) пересекают в семь дней» ⁶. Ма'суди (X в.) также дает подробную картину оживленных морских сообщений между Дербентом, Гиляном и Абаскуном, сообщая о постоянном движении морских судов с товарами ⁷. Таким образом, имеющиеся сведения позволяют говорить о Дербенте, как об одном из значимых морских портов на западном побережье Каспия, связанном во всех направлениях с восточным, южным и северным берегами Каспия.

Подводные археологические исследования 80-х гг. прошлого столетия дополняют данные арабских авторов и подтверждают, что дербентская гавань была хорошо укреплена и занимала площадь около 14 га. При проведении подводных работ в акватории Дербента было обнаружено 15 каменных якорей, изготовленных из крупных, хорошо отесанных плит, со специальными отверстиями для каната и деревянных кольев-лап. Все якоря были найдены на расстоянии до 600 м от берега. Обнаружение их за пределами гавани позволяет предположить, что они были потеряны по каким-то причинам во время стоянки судов на рейде ⁸.

На рынках Дербента в то время можно было встретить множество купцов со всего Прикаспия и других отдаленных регионов. В IX—XI вв. русы часто совершали походы на западный и южный берега Каспия, в том числе и в Дербент, в военных и торговых целях ⁹. Арабские авторы IX—X вв. говорят, что славянские купцы совершали торговые экспедиции «по реке славянской (Волге)» и «морю Джурджана (Каспию)» в Персию ¹⁰. Чаще русы выступали

союзниками дербентских эмиров в их упорной борьбе с ширваншахами и местной знатью — раисами. В.В. Бартольд отмечал, что Дербент, в отличие от других прикаспийских областей, ни разу не пострадал от набегов русов. Он связывал это с наличием у города хорошо укрепленной гавани¹¹. Развивая эту мысль, А.А. Кудрявцев считал, что речь идет о взаимовыгодном военно-политическом союзе русов с правителями Дербента, когда первые оказывали действенную помощь эмирам города в их борьбе с правителями Ширвана, а последние разрешали им использовать городскую гавань в качестве стоянки для своих кораблей, а сам город — в качестве опорной базы на Каспийском море. Пребывание кораблей русов в Дербенте не могло не оказать влияния на развитие морского дела в средневековом городе. Дербентские мореходы могли заимствовать определенные приемы оснастки и сами типы судов, точно так же русы могли перенять достижения мореходного дела у мусульманского Востока¹².

Важнейшими статьями экспорта Дербента были льняное полотно, полотняные одежды, ковры, марена, шафран, рабы. Ал-Истахри сообщал в это время, что на всем Кавказе лишь Дербент производил льняное полотно: «Из Баб ал-Абваб вывозят полотняные одежды, и нет нигде таких одежд, кроме как здесь — ни в Арране (Ширване), ни в Армении, ни в Азербайджане»¹³. Дербентское полотно славилось по всему средневековому Востоку, а марену вывозили вплоть до Индии¹⁴. О том, что из Дербента в большом количестве «вывозят льняные одежды», писали Ал-Истахри, Ибн-Хаукаль, Йакут и другие арабские авторы, но наиболее яркое представление об обширности торговых связей города дает сообщение автора X в. Балами: «На этих путях расположен город (Дербент), самый крупный из Абвабов, называемый Баб ал-Абвабом... В этом городе производят ткани, называемые махсури, и ткнут паласы, которые вывозят в Азербайджан, Ирак, Фарс, Табаристан и Хорасан»¹⁵.

Арабские авторы приводят основные названия судов, встречавшихся в IX—X вв. на Каспии: «сафина», «маркаб», «заурак». Однако ни одно из этих названий не дает четкого представления о типах судов, которые могли строиться в Дербенте и использовались местными мореплавателями. Суда были парусными и весельно-парусными, на это прямо указывают фразы сохранившиеся в арабских торговых маршрутах «при благоприятном ветре». Б.Н. Заходер, изучавший каспийское мореплавание в IX—X вв. в контексте европейско-восточной торговли, отмечал, что «рейсы производились не одиночными судами, а караванами судов», и сезоном рейсов была весна¹⁶, то есть периодом активной навигации на Каспии был период с апреля по август.

С конца XIII — начала XIV в. международная морская торговля по Каспию набирала новые обороты. Это было связано с появлением на море генуэзских и венецианских купцов, основавших свои фактории на кавказском побережье Каспия и державших свой флот на Каспийском море¹⁷. Взоры итальянских купцов обратились к Каспию с момента водворения итальянцев в Тане (Азов)¹⁸, являвшемся главным торговым центром венецианской торговли на Черном море. Тогда же возросла роль Дербента как транзитного пункта в итальянской торговле с Персией. Основные верфи находились также в Низабаде, расположенном к югу от Дербента, и Баку. Главным предметом генуэзско-венецианской торговли становился шемахинский и гилянский шелк. Транзитом через Дербент и Астрахань в значительном количестве из Азербайджана и Ирана в Тану, а оттуда на галерах в Западную Европу вывозили шелк, шелковые изделия и разные пряности. Венецианский дипломат Амброджо Контарини, совершивший путешествие в Персию в 1473—1477 гг., характеризуя посредническую роль Астрахани, писал, что «в старые времена Астрахань была местом крупной торговли и те специи, которые отправлялись в Венецию из

Таны, проходили через Астрахань. Насколько я слышал и мог понять, специи свозились именно сюда и затем переправлялись в Тану...»¹⁹

Генуэзские купцы были хорошо осведомлены о Каспийском море, условиях торговли на нем и часто бывали здесь с коммерческими целями. «Каталонский атлас» 1375 г. и карта 1367 г., составленная итальянскими купцами, братьями Франциско и Доменико Пиццигани, свидетельствуют об их хорошем знакомстве с территорией Прикаспийских областей. На карте братьев Пиццигани нанесены названия около 40 городов, лежащих на каспийском торговом пути, в их числе Дербент (Derbt)²⁰. Между Астраханью и Дербентом обозначены торговые пункты Фабинаж, Кубене, Тарки, Башшиай, Цицие, Кобаса, Бурх, Барса, Сасах, Абскаих²¹, идентификация которых в настоящее время кроме Тарки практически не представляется возможной.

В период завоеваний Тимура международной торговле по западному Каспию был нанесен серьезный урон. Произошло смещение торговых путей: если до этого караваны из стран Передней Азии и Южного Кавказа в Золотую Орду, русские княжества и Западную Европу шли через Дербент и Астрахань, то с конца XIV в. восточные товары стали поступать на внешние рынки через сирийские порты²².

С ослаблением Золотой Орды значительно оживились торговые связи Прикаспийских регионов с Московским государством, поддерживаемые в основном посредством Волжско-Каспийского торгового пути. К 1404 г. относится известие о прибытии русских купцов в Дербент²³. Роль Дербента в это время в структуре каспийской торговли была значимой, он продолжал выступать в роли главной морской гавани на западном побережье Каспия, где купцы перегружали свои товары на морские суда и выходили в море. Правда, к этому времени город, сильно разрушенный в результате монгольских нашествий и борьбы двух монгольских государств — Золотой Орды и государства Хулагуидов, полностью не оправился от бедствий. По словам венецианского дипломата Амброджо Контарини, проведенного в Дербенте зиму 1475—1476 гг., «едва ли шестая часть всего пространства, находящегося под горою, по направлению к цитадели, населена; со стороны же моря все почти здания разрушены»²⁴.

Тем не менее, город служил основной торговой гаванью для районов Дагестана и Ширвана, а также международным транзитным пунктом для торговых и дипломатических судов. В апреле 1476 г. судно, нанятое А. Контарини, который находился в Дербенте вместе с русским посланником к персидскому двору, вышло из дербентской гавани. На нем было около 30 купцов, везших «в Астрахань куски атласа, кое-какие шелковые изделия и еще боссасины на продажу русским; было еще несколько татар, которые ехали за товаром, а именно за пушшиной, которую они продают затем в Дербенте»²⁵. Из другого сообщения Контарини о том, что «Марк условился с одним хозяином судов в Дербенте о переезде нашем в Цитрахань (Астрахань)»²⁶, видно, что дербентцы занимались перевозкой товаров на своих судах по маршруту Дербент — Астрахань и обратно.

Сведения, приводимые данным автором, позволяют также установить сроки навигационного периода по Каспию, совпадающего с арабскими сведениями, понять, насколько примитивными были условия торгового судоходства и удивляться отчаянности дербентских судовладельцев. Судя по его запискам, «тамошния суда на зиму вытаскивают на берег; потому что в это время года плавание по морю невозможно». Торговые суда «имеют совершенно форму рыбы, и носят даже это название, ибо узки в корме и в носу, а на боках очень выпуклы. Их сколачивают деревянными гвоздями и смолят весьма крепко; для управления же имеют они две мачты и большой шест, служащий им вместо

руля. Каспийские мореходцы плавают на авось, без компаса, наблюдая течения звезд и обще держатся берегов, от которых никогда не удаляются на большое расстояние. В дурную погоду они прибегают к парусам; иногда же употребляют и весла, которыми, равно как рулем, управляют весьма дурно. Не смотря на сие они твердо уверены, что в целом мире нет мореходов лучше их»²⁷.

Транзитом через Дербент по Волжско-Каспийскому пути шли и дипломатические посольства, к которым нередко присоединялись и купцы. В 1465 г. этим путем воспользовались посольство ширваншаха Фаррух-Йасара к Ивану III и ответное посольство московского государя во главе с Василием Папиным в 1466 г., к которому, как известно, присоединился тверской купец Афанасий Никитин. Они добирались от Астрахани по Каспийскому морю до Дербента, а далее сухопутным путем в столицу Ширвана — Шемаху²⁸. «И пошли мы к Дербенту, — писал А. Никитин, — в двух судах: в одном судне посол Хасан-бек с иранцами да нас, русских, всего 10 человек, а в другом судне шесть москвичей да шесть тверичей»²⁹.

В середине XVI в., с выходом Московского государства на севере к Каспийскому морю, роль Волжско-Каспийского пути в международной торговле возросла. Астрахань становилась центром российской восточной торговли, с которым торговые отношения Дербента приобрели систематический характер. Уже в 1558 г. астраханский воевода Иван Черемисинов принимал «гостей из Шемахи, Дербента, Шевкал и Тюмени»³⁰. Н.М. Карамзин, отмечая положительную роль выхода Москвы к северным берегам Каспия, писал: «Кроме славы и блеска, Россия, примкнув свои владения к морю Каспийскому, открыла для себя новые источники богатства и силы, ее торговля и политическое влияние распространились. Звук оружия изгнал чужеземцев из Астрахани, но спокойствие и тишина возвратили их. Они приехали из Шемахи, Дербента, Шавкала»³¹. Основная торговая магистраль проходила по линии Баку — Шабран — Дербент — Тарки — Астрахань, далее по Волге в Москву и соответственно в обратном направлении. Во второй половине XVI в. на Каспии создавался и начинал функционировать «государев», то есть казенный торговый флот, строились бусы — грузовые корабли специфической каспийской конструкции, а также струги — военные суда с отрядами стрельцов и легкими пушками для сопровождения и защиты морских торговых караванов от разбойных нападений³². Торговые караваны от Астрахани совершали регулярные рейсы в разных направлениях, в том числе к западным берегам Каспия, к Дербенту.

С приобретением Московским государством реки Волги на всем ее протяжении, на Волжско-Каспийском торговом пути, который стал «главной артерией» московской торговли с Востоком, появилось много иностранных купцов и торговых агентов. В 1562 г. официальный представитель английской «Московской компании» Антоний Дженкинсон совершил торговую поездку вдоль западного побережья Каспия от Астрахани в Дербент³³. Всего с 1558 по 1581 г. представители этой компании совершили через Волгу и Каспий семь торговых экспедиций на Восток. А. Дженкинсон просил Ивана Грозного разрешить ему основать на Каспии торговые фактории. В то же время Дженкинсон отзывался о характере и размерах каспийской торговли, как о «ничтожных», в частности он указывал на «малое количество судов на Каспийском море, недостаток рынков и гаваней, бедность жителей и замерзание моря», что практически сводило каспийскую торговлю на нет³⁴. Купцы в основном пользовались морским путем вдоль западного побережья Каспия, часто заходя в дербентскую гавань, связывавшую Россию с Азербайджаном и Ираном, поскольку морской путь имел существенное преимущество перед сухопутным сообщением. Во-первых, благодаря более быстрой и сохранной доставке товаров (при каждодневном

перевьючивании неизбежно происходила их порча), перевозка водным путем обходилась дешевле, чем провоз по суше. Во-вторых, водный путь был менее опасным, чем сухопутные дороги.

Астрахань, служившая «воротами в Азию» для России начиная со второй половины XVI в., снаряжала свои торговые суда (казенные бусы) к кавказским и персидским берегам Каспия — Дербенту, Баку и Гилян³⁵. Как отмечается в одном из источников XVII в., «Астрахань — широко известный торговый город на Востоке или в Азии, куда многие торговые люди привозят бесчисленные товары водным путем и по суше, которые рассылаются в различные края мира, ибо широкая возможность, которую дает река Волга и другие, и судоходство Каспийского моря, открывает всем торговым людям удобный торговый путь от севера к востоку...»³⁶ Развитие коммерческих отношений с Астраханью способствовало расширению международных связей Дербента и других торговых центров Западного Прикаспия. В последующий период усилилась непосредственно астрахань-дербентская торговля, в которой большие торговые обороты имело индийское купечество.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что Дербент начиная еще с эпохи раннего средневековья (со времени строительства Сасанидами дербентской гавани) являлся крупным торговым портом на Каспии, центром международной транзитной торговли на его западном побережье. В период расцвета «арабской» торговли в Дербент доставлялись товары из многих областей Прикаспия и дальних государств. Усилению дербентской торговли в последующий период способствовало появлению на Каспии итальянских купцов и английских торговых агентов. С выходом Московского государства к северным берегам Каспийского моря роль Дербента в осуществлении российской восточной торговли, наряду с Астраханью, возрастала.

Примечания

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-31-01034.

1. КУДРЯВЦЕВ А.А., ГУСЕЕВ С.В. Мореходное дело и рыболовный промысел средневекового Дербента (VI—XIII вв.). В кн.: Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала. 1988, с. 86.
2. АЛ-ИСТАХРИ. Книга путей и царств. — Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Вып. 29. Тифлис. 1901, с. 11.
3. ИБН-ХАУКАЛЬ. Книга путей и царств. — Там же. Вып. 38. Тифлис. 1908, с. 88.
4. КУДРЯВЦЕВ А.А. Феодалный Дербент. М. 1993, с. 197.
5. ИБН-ХАУКАЛЬ. Ук. соч., вып. 38, с. 88.
6. Цит. по: ЗАХОДЕР Б.Н. Каспийский свод сведений о Западной Европе. Т. 1. М. 1962, с. 22.
7. Там же, с. 16.
8. КУДРЯВЦЕВ А.А., ГУСЕЕВ С.В. Ук. соч., с. 87; ГАДЖИЕВ М.С. Дербент — памятник мировой истории и культуры. — Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. 2015, № 1, с. 14.
9. ДОРН Б. Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб. 1875, с. 36.
10. ЗАХОДЕР Б.Н. Ук. соч. Т. 2. М. 1967, с. 147.
11. БАРТОЛЬД В.В. Дербент. В кн.: БАРТОЛЬД В.В. Сочинения. Т. III. М. 1965, с. 419.
12. КУДРЯВЦЕВ А.А., ГУСЕЕВ С.В. Ук. соч., с. 94.
13. АЛ-ИСТАХРИ. Ук. соч., с. 11.
14. КУДРЯВЦЕВ А.А. Ук. соч., с. 196.
15. Цит. по кн.: КУДРЯВЦЕВ А.А. Древний Дербент. М. 1982, с. 136.
16. ЗАХОДЕР Б.Н. Ук. соч., с. 23—24.

17. Марко Поло. В кн.: Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII — XVIII вв. Махачкала. 1992, с. 32.
18. ЗЕВАКИН Е.С., ПЕНЧКО А.Н. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII—XV вв. В кн.: Исторические записки. Т. 3. 1938, с. 90.
19. Амброджо Контарини. В кн.: Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII—XVIII вв., с. 50—51.
20. Там же, с. 90.
21. ЕГОРОВ В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М. 1985, с. 137—138.
22. ГУСАРОВА Е.В. Астраханские находки. История, архитектура, градостроительство Астрахани XVI—XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. СПб. 2009, с. 56—57.
23. ГАДЖИЕВ М.Г., ДАВУДОВ О.М., ШИХСАИДОВ А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала. 1996, с. 390.
24. Путешественники об Азербайджане. Т. 1. Баку. 1961, с. 92.
25. Амброджо Контарини, с. 47—48.
26. Путешественники об Азербайджане, с. 93.
27. Там же.
28. ФЕХНЕР М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М. 1952, с. 19.
29. Афанасий Никитин. В кн.: Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII—XVIII вв., с. 44.
30. ГУСАРОВА Е.В. Ук. соч., с. 173.
31. КАРАМЗИН Н.М. История государства Российского. Т. 8. Кн. 2. СПб. 1892, с. 143.
32. ГУСАРОВА Е.В. Ук. соч., с. 174.
33. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л. 1938, с. 167—218.
34. Там же, с. 188.
35. ШТЫЛЬКО А. Волжско-Каспийское судоходство в старину. СПб. 1896, с. 17.
36. Цит. по: ГУСАРОВА Е.В. Ук. соч., с. 132.

Политическая и военная деятельность кипчаков на Южном Кавказе в XI—XIII вв.

С.Д. Исмаилзаде

Аннотация. Кипчаки сыграли важную роль в этническом формировании и развитии грузинского народа. Они имели существенное влияние на политическое и экономическое развитие Южного Кавказа в XI—XIII веках.

Ключевые слова: Южный Кавказ, кипчаки, переселение.

Abstract. The Kipchacks played the great role at the ethnic formation and development of the Georgian people. They had an essential influence at the political and economic development of the South Caucasus in the XI—XIII centuries.

Key words: The South Caucasus, Kipchacks migration.

Первые упоминания о кипчаках, поселившихся на Южном Кавказе в XI—XIII вв., можно встретить в исторических источниках Закавказья еще до того времени, когда они стали играть существенную роль в историческом развитии и политической жизни Грузии. И если в одной из древних Грузинских летописей «Матиане Картлиса» о них никаких данных нет, то в произведении Леонтия Мровели «Картли Схovreба» уже представлены первые сведения о кипчаках¹. Автор назвал их «бунтюрками». Так в тот период времени называли булгаров. Сведения о кипчаках можно также встретить в труде другого грузинского историка Гуаншера «Жизнь Вахтанга Горгасала». В этом произведении встречаются некоторые неточности, однако автор дает достоверные данные о переселении кипчаков на Кавказ.

Данная тема затрагивается и в трудах древнегрузинских летописцев. Так, например, в «Грузинской хронике» присутствуют сведения о деятельности кипчаков в Дагестане. В книге они называются «дербентскими кипчаками». Это является доказательством того, что кипчаки жили отдельными племенами, которые имели разные названия. Описывая набеги Давида IV Строителя на Дербент, летописцы указывают на отпор, который дали ему кипчаки.

Особое внимание в древнегрузинских летописях уделяется этническому происхождению кипчаков, их деятельности на Кавказе, в частности, в древней

Исмаилзаде Саида Д. — доктор философии по истории, старший преподаватель Государственного университета г. Гянджи. Республика Азербайджан. E-mail: saida.ismailzade@mail.ru.

Ismailzade Saida D. — doctor of philosophy on history, senior teacher at the State University of Ganja. Republic Azerbaijan. E-mail: saida.ismailzade@mail.ru.

Грузии. В канун переселения кипчаков Грузия состояла из небольших государственных образований: Джавахетия, Имеретия, Сванетия, Картли и Кахетия. В середине XI в. цари Картли вели борьбу за объединение Грузии в единое централизованное государство. Кроме того, грузины упорно стремились занять новые земли, прежде всего, города Тифлис и Двин (Дабиль). Однако захват сельджуками азербайджанских земель помешал осуществить эти планы.

В 1104 г. Давид IV занял Кахетию. Это значительно усилило его влияние. Но ему было необходимо новое сильное войско. Принявшись за его формирование, он ввел строгий порядок и дисциплину, стал внедрять систему, согласно которой военнотружущим начали раздавать земли. Для повышения боевого духа Давид IV вел незначительные боевые действия против сельджуков. В 1110 г. грузинские войска, захватив город Самшвилд, заняли большую часть Нижней Кахетии. В 1115 г. была оккупирована территория нынешнего Рустави, в 1117 г. захвачен приграничный город Ерецины — Гиши. Военные планы Давида IV предусматривали захват верхней части Куры, присоединение земель Западного Азербайджана, включая Тифлис, и подчинение Ширвана.

Однако экономическое состояние феодальной Грузии не позволяло это сделать, а все еще малочисленная армия, несмотря на железную дисциплину и высокую боевую готовность, была не в состоянии осуществить столь крупные планы. Необходимо было за короткий срок сформировать многочисленное и сильное войско. Осуществить этот план можно было только с помощью кипчаков.

Во второй половине XI столетия кипчаки уже упоминаются в грузинских летописях². Один из летописцев отмечает в древнем писании, что Давид IV прекрасно знал об их силе и выносливости. Его супруга Гурандухта была дочерью властителя кипчаков. Историки относят дату установления родственных связей Давида IV с Атраком к 1106 году³.

Что касается количества переселенных в Грузию кипчаков, то тут данные разнятся. Так, Месхия в произведении «Дидгородская битва» утверждает, что было переселено очень небольшое количество кипчаков. Он считает, что указанная в древнегрузинских источниках цифра — 45 000 кипчакских семей — преувеличена. Однако в основном ученые сходятся на том, что переселенцев было 200 000 человек.

Большинство историков относят переселение к 1118—1120 гг., что намного позднее даты венчания правителя Грузии с Гурандухтой. Однако некоторые ученые не согласны с этим. Так, например, Гуилли Алазания считает, что кипчаки были переселены в Грузию в 1106 году. Он связывает эти события с активными боевыми действиями Давида IV против сельджуков, утверждая, что успехи в присоединении завоеванных территорий к Грузии были связаны именно с переселением кипчаков в Грузию. Автор обращает внимание на то, что в начальный период правления Давида IV в государстве отсутствовало единое могущественное войско, а за короткий срок было невозможно сформировать сильное войско за счет внутренних ресурсов.

Давид IV, старавшийся переселить большое количество кипчаков, принял решение улучшить отношения с русским князем Владимиром Мономахом. На основании данных древнегрузинских источников, можно утверждать, что он посылал своих приближенных одновременно и к кипчакам и в Киев к русскому князю. В одном историческом источнике утверждается, что Давид IV сам отправился в Киев и стал просить помощи у киевского князя, который предоставил ему боевые отряды. По данным древнерусской летописи, Давид IV переселил кипчаков через «Железные ворота» (Дарьенский пролив). Оказывая помощь грузинскому царю, русский князь преследовал определенные цели, главной из которых было добиться раздробленности кипчаков. Поэтому Владимир Мономах с радостью поддержал Давида IV. В 1120 г., после переселе-

ния части кипчаков в Грузию, Владимир Мономах с многочисленной армией совершил набег на Дешт-и-Кипчак ⁴. Ослабевшие кипчаки без боя были вынуждены отступить. Некоторые источники свидетельствуют, что Владимир Мономах твердо обосновался на этих территориях.

Накануне шествия сельджуков на Грузию в соседних мусульманских государствах существовала политическая раздробленность. Так, например, территория Ширвана, находящаяся в северной части Южного Кавказа, управлялась Ширваншахами, в Дербенте и Шеки было независимое управление, а территория Дагестана была отделена от Ширванского государства. Независимые мелкие общины были превращены в феодальные государства, между которыми не было единства. Это стало причиной их завоевания Давидом IV.

Боевые действия грузин против сельджуков способствовали началу междоусобной войны внутри Сельджукского государства, что облегчило реализацию захватнических планов Давида IV. По мнению Джавахишвили, Давид IV разместил кипчаков на территории Картли. Армянский ученый Еремин утверждает, что они поселились на территории Агартсина и Аричи (территория нынешней Армении). Для доказательства он указывает, что в 1206 г. на территории Харич была построена Зхаре Мрагрджаирская церковь (Гчахваниг). Однако в 1184 г. именно на этом историческом памятнике была обнаружена надпись «Эльбек». Еремин связывает это название с руководителем грузинской армии Кубасару. Месхия же указывает на то, что кипчаки были размещены в Нижнем Картле и в Сомхете. Однако вместе с тем он не исключает возможности переселения кипчаков и на другие территории. По мнению тюркских и азербайджанских ученых, большинство кипчаков были переселены в прибрежные районы реки Куры, на территорию Джоруха, Кутаиси и нынешнего Рустави. Тот факт, что часть кипчаков приняла христианство, свидетельствует о том, что они поселились не только на указанных территориях. По данным древнегрузинских источников, с целью подчинения кипчаков государственным интересам Грузии среди них стремительно начали распространять христианство.

С приходом кипчаков Давид IV стал претворять в жизнь военные реформы ⁵. Армия была разделена на три части. Одна часть входила в состав постоянной гвардии — это был отряд Монаспы. По сведениям ряда источников, он состоял из представителей горных племен. Другие источники сообщают, что это были кипчаки-рабы. По мнению одного из мусульманских историков средневекового периода, личная гвардия Грузинского правителя состояла в основном из кипчаков.

Другая часть армии входила в главные силы, состоявшие из кипчаков. Третья часть была представлена армиями феодалов, которые использовались во время ведения войн Эрисавами. Кроме того, Давид IV создал специальную военную структуру, которой управлял Эмир Спахсалы. Во время сражений его заменял Амирахура. При формировании армии Давид использовал опыт Сельджукской империи. В результате он создал грузинскую армию численностью в 60 тыс. солдат. Как отмечает летописец, у грузинских правителей раньше никогда не было такого многочисленного и могущественного войска. Первый поход грузинской армии был совершен на территорию Ширвана. Отказ в 1117 г. ширваншахов от выступлений против сельджуков на стороне грузинской армии способствовал захвату западных земель Ширвана.

В 1118 г. сельджуки, желавшие нанести ответный удар, потерпели поражение около Лоретсиха. В 1120 г. войска под предводительством Давида IV совершили нападение на Ширван и возвратились с богатой добычей. Территория Борчалы перешла под контроль грузинской армии. Давид IV для начала

военных действий выбрал зимнее время, когда сельджуки вели более пассивный образ жизни. В 1121 г. грузино-кыпчакская армия захватила остальные территории Абхазии. В том же году было совершено нашествие на огузские племена. Местное население обратилось к султану Махмуду I за помощью. Султан направил против грузин брата Мелика Тогрула и армию численностью свыше 30 тыс. солдат. Основная цель армии — направиться к Тифлису и обеспечить его оборону от грузин. 18 августа 1121 г. в горной части Юго-Восточного Тифлиса, в Дидгоре, произошло столкновение с грузино-кыпчакской армией численностью 55 тыс. человек ⁶.

В начале сражения 200 кыпчакских бойцов, оставив расположение грузинской армии, отправились к сельджукам. Мусульманские бойцы приняли кыпчаков, ошибочно думая, что они перешли на их сторону. Однако кыпчаки совершили внезапное нападение, приведя сельджукскую армию в смятение. Пользуясь этим, остальные грузино-кыпчакской силы разгромили противника. В 1122 г. после длительной осады пал Тифлис, ставший столицей Грузии. В 1123 г. кыпчako-грузинская армия захватила крепости Гюлистан и Шемаху. Однако долго продержаться здесь она не смогла. После прибытия в Ширван султана Махмуда I кыпчаки грузинской армии отказались сражаться против него. По данным тюркских источников, кыпчаки и огузы осознали свое этническое сходство с султаном.

Ввиду возникших столкновений в Ираке султан Махмуд I был вынужден покинуть Ширван. Это ослабило позиции Сельджуков в Ширване ⁷. Пользуясь этим, Давид IV добился поражения ослабевших тюркских сил. Вслед за этим грузины совершили погромы и грабежи в Ширване, включая Пассины, Испир и часть Анатолии. В 1124 г. Давид IV со своей армией напал на Дербент, встретив сопротивление «дербентских кыпчаков», сражавшихся на стороне дербентского правителя.

После смерти Давида IV его сын Димитрий I (1125—1156), занявший трон, предоставил кыпчакам в виде икты территории в бассейне Куры и Ганыха. Со смертью Владимира Мономаха в русских степях вновь возобновились военные действия против правителя кыпчаков Хунчака ⁸.

В 1154 г. в результате восстания к власти пришел Давид, а после его смерти — Георгий III, который переселил в Грузию из степей Северного Кавказа значительное количество кыпчакских семей. А после смерти Георгия III, в период правления Тамары (1184—1213) роль кыпчаков значительно возросла. Они стали активно вмешиваться в управление делами государства. В эти годы поднялось восстание части дидебулов во главе с Кутлу Арсланом. Они выдвинули требования, принятие которых ограничивало власть царицы Грузии. Тамара вынуждена была подписать договор, что свидетельствовало о важной роли кыпчаков в политическом управлении страной. Конечно, все это не стало препятствием для грузинской царицы в использовании военной мощи кыпчаков. В 1192 г. она дополнительно переселила в Грузию значительное количество кыпчакских племен. Их называли «новыми кыпчаками» ⁹. Автор исторического источника «Картли Схovreбы» отмечает, что брат Севинджхана Савалат имел большое влияние на царицу. «Во время совещания приближенных по поводу замужества Тамары, один из них указал на то, что рядом с Савалатом был один из русских представителей высшего сословия». Будущий муж Тамары Юрий, изгнанный в 1176 г. дядей Всеволодом из Суздальского княжества, нашел приют у кыпчаков Северного Кавказа. Абульгасан, из рода кыпчаков, оповестил Тамару о желании Юрия жениться на ней.

В 1185 г. за Юрием был послан один из известных купцов Замкан Зорабели, кыпчак по происхождению ¹⁰. Тамара приняла предложение. Однако брак

оказался неудачным. В 1187 г., по указанию Тамары, Юрий был выслан из Грузии. Историки отмечают, что этот брак был нацелен на ослабление политического влияния кипчаков в Грузии. Несмотря на это кипчаки продолжали играть важную роль в историческом развитии Грузии. Многие названия военных чинов, официальные названия иалогов, географические наименования были связаны с именами кипчаков. Е.А. Пахомов писал, что монета с изображением Багратидов не была известна в соседнем Азербайджане и в Ширванском государстве¹¹. А вот монеты Ширваншахов, Атабеков и Эльденизов были в широком обороте на рынках Грузинского государства¹².

Следует отметить, что имеются и другие исторические факты, свидетельствующие о большом влиянии в XII в. кипчаков в Закавказье. Следовательно, между государством Ширваншахов и Грузинским царством могли быть только добрососедские взаимоотношения.

Примечания

1. МРОВЕЛИ ЛЕОНТИЙ, КАРТЛИС ЦХОВРЕБА. Жизнь Картлийских царей. М. 1979, с. 100.
2. КАРТЛИС ЦХОВРЕБА. История Грузии. Тбилиси. 2008.
3. МЕТРЕВЕЛИ Р.В. Дипломатия Давида Строителя на Кавказе. — Научная мысль Кавказа. 1996, № 4, с. 56—62.
4. Летопись КАРТЛИ (анонимный автор). Тбилиси. 1982.
5. МЕТРЕВЕЛИ Р.В. Ук. соч., с. 56—62.
6. МЕСХИА Ш.А. Дидгорская битва. Тбилиси. 1974.
7. БУНИЯТОВ З.М. Грузия и Ширван в первой половине XII века. В кн.: Грузия в эпоху Руставели. Тбилиси. 1966, с. 282.
8. ПЛЕТНЁВА С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV—XIII века). Воронеж. 2003.
9. МЕТРЕВЕЛИ Р.В. Дипломатия царицы Тамары. — Научная мысль Кавказа. 1998, № 3, с. 67—87.
10. Летопись КАРТЛИ (анонимный автор). Тбилиси. 1982.
11. ПАХОМОВ Е.А. Монеты клады, вып. I—IX.
12. Там же.

Политические репрессии против мусульманского духовенства в Советском Дагестане в 1920—1930-е гг.

И.Х. Сулаев

Аннотация. В работе дается краткий анализ репрессивной политики Советского государства по отношению к мусульманскому духовенству Дагестана в 1920—1930-е гг., называются карательные органы, приводятся имена пострадавших и некоторых сотрудников карательных органов, прослеживается характер карательных методов. Отмечена неразрывная связь между распоряжениями центра и их реализацией в республике.

Ключевые слова: антисоветские восстания, репрессии, духовенство, Дагестан, Ревтрибунал, ВЧК, ГПУ-ОГПУ, власть.

Abstract. The work gives a brief analysis of the repressive policy of the Soviet state in relation to the Muslim clergy of Dagestan in 1920—1930es., are called the secret police, are given the names of the victims and some of the names of employees of the secret police, traced the nature of punitive methods. Noted the inextricable link between the orders of the centre and their implementation in the Republic.

Key words: anti-soviet uprising, repression, the clergy, the Dagestan Republic, the revolutionary Tribunal, the Cheka, GPU-OGPU, power.

Составной частью политики Советского государства первых трех послеоктябрьских десятилетий стали политические репрессии. Они применялись как к представителям «свергнутых и эксплуататорских классов» (помещикам, капиталистам, царским офицерам и чиновникам), политическим противникам (монархистам, кадетам, меньшевикам, эсерам и др.), так и к духовенству. Эта сложная и скандальная страница отечественной истории нашла свое отражение не только в исторической литературе, но и в художественных произведениях и в средствах массовой информации. В данной публикации сделана попытка проанализировать политические репрессии против духовенства в Дагестане в 1920—1930-е гг., опираясь как на опубликованные работы ученых, так и на архивные документы. Некоторые из них вводятся в научный оборот впервые. Исследователи уже пытались осветить этот вопрос, но не всегда удачно¹.

Сулаев Иманутдин Хабибович — доктор исторических наук, профессор Дагестанского государственного университета. Махачкала. E-mail: www.sigab.ru@yandex.ru.

Sulaev Imanutdin K. — doctor of historical sciences, professor of the Dagestan State University. Makhachkala. E-mail: www.sigab.ru@yandex.ru.

Первым в Советской России от большевиков пострадало православное духовенство, обвиненное в контрреволюционной деятельности, ведении антисоветской борьбы, в том числе и вооруженной, на стороне внутренней контрреволюции², агитации против советских мероприятий, а потом и оказании сопротивления изъятию церковного имущества и драгоценностей. В СМИ и даже в художественной литературе много пишут о том, что в 20—30-е гг. И.В. Сталин уничтожил сотни тысяч священников Русской православной церкви. Между тем, по некоторым подсчетам, в России в 1917 г. насчитывалось всего около 100 тыс. священников РПЦ, а все духовное сословие с семьями составляло около 600 тыс. человек. Особенно негативно репрессивную политику Сталина оценивает нынешнее духовенство, забывая о том, что начало репрессиям положил лидер большевистской партии и глава советского правительства В.И. Ленин. Сталин продолжил и довершил то, что начал Ленин. Он объявил духовенство «черносотенным», которому «необходимо дать самое решительное и беспощадное сражение и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли об этом в течение нескольких десятилетий»³. Он также требовал расстреливать служителей культа, чтобы «ни о каком сопротивлении они не смели и думать»⁴.

В Дагестане мусульманское духовенство представляло значительную реальную силу, которая вела за собой народные массы, поэтому оно находилось под контролем как царской власти, так и советской. По оценке одного из бывших руководителей Советского Дагестана Н. Самурского, всех духовных лиц к 1917 г. насчитывалось до 40 тыс. чел., что составляло около 5% населения, то есть на 20 горцев приходилось одно духовное лицо⁵.

Для осуществления карательных мер против идеологических и политических противников большевики наладили работу соответствующих органов — ВЧК, революционных трибуналов, ГПУ — ОГПУ при НКВД РСФСР⁶.

Служители нехристианских религий в Советской России предположительно до середины 1920-х гг. пользовались относительной автономией, хотя в годы гражданской войны волна политических репрессий прошла и по ним⁷. Попытки большевиков применить репрессивные меры против духовенства в Дагестане были предприняты в самые первые месяцы установления Советской власти. 19 июля 1920 г. Революционным трибуналом Дагестана был вынесен смертный приговор в отношении 600 мулл, кадиев и других духовных лиц, уличенных в участии в антисоветском восстании 1918 г. и сотрудничестве с белыми в 1919 г., но Дагестанский Ревком не дал своего согласия на приведение приговора в исполнение⁸, так как это вызвало бы взрыв возмущения у мусульман. Общество-политическая обстановка в Дагестане была сложной, а новая власть еще не имела прочных позиций среди горцев. Этот случай свидетельствует о начале больших разногласий среди руководителей правоохранительных и советских органов власти в Дагестане по отношению к духовенству.

Введение частей Красной армии в Дагестан в апреле 1920 г. и насильственные действия в отношении населения во время проведения политики «военного коммунизма» стали одной из главных причин антисоветского восстания, вспыхнувшего в сентябре 1920 г. и продолжавшегося до мая 1921 года. Антисоветское восстание в Дагестане, как и антиденикинское, возглавило мусульманское духовенство. Если вдохновителем антиденикинских выступлений в 1919—1920 гг. был шейх Али-хаджи Акушинский из Даргинского округа, то лидером антисоветских восстаний 1918 и 1920—1921 гг. являлся муфтий и имам Нажмутдин Гоцинский из Аварского округа. Как и в 1918—1919 гг., по просьбе большевиков в Дагестане А.-х. Акушинский 20 сентября 1920 г. в своем обращении к повстанцам Нагорного Дагестана призвал их сложить оружие и подчиниться Советской власти, но его призыву вняли только общества

Даргинского и нескольких других округов. Были случаи, когда его бывшие сторонники и мюриды, мобилизовав от его имени жителей Даргинского округа, присоединялись к восстанию. Перед новыми властями остро встал вопрос скорейшего подавления восстания 1920—1921 гг., охватившего Нагорный Дагестан.

В таких сложных общественно-политических условиях Дагестанский обком РКП (б) 10 октября 1920 г. обсудил вопрос «О выработке инструкции по применению репрессий против мусульманского духовенства», по которому принял лаконичное постановление: «Дагревкому выработать определенную инструкцию по применению репрессий совместно с Военкомиссариатом». На повестку дня заседания Дагобкома РКП (б) были вынесены также вопросы «О репрессиях к восставшим селениям» и «Об Али-хаджи Акушинском». Духовенству ставилось в вину «классовое расслоение», а Дагестанскому отделу ЧК поручалось собрать материал о сыне и приближенных шейха Али-хаджи как о частных лицах⁹. Видимо большевики решили локализовать восстание и не дать ему распространиться на другие округа Дагестана. Справиться с такой сложной задачей мог только авторитетный шейх Али-хаджи. Вполне допустимо, что большевики хотели оказать на него давление, чтобы тот мобилизовал своих сторонников на подавление антисоветского восстания. Мы также допускаем, что «горячие головы» из числа военных и представителей правоохранительных органов попытались изолировать его от населения и заставить отказаться от активной религиозной и общественной деятельности. Каждый раз, когда большевики обсуждали общественно-политическую ситуацию в Советском Дагестане, возникал вопрос о мусульманском духовенстве. Руководителей из числа русскоязычных советских работников и военных не устраивало, что на общественно-политическую ситуацию влияли религиозные деятели¹⁰.

Применить жесткие репрессивные меры к своему союзнику Акушинскому власти тогда не решились. Они прежде всего пытались нейтрализовать лояльное к Советской власти духовенство и не допустить его присоединение к антисоветскому восстанию 1920—1921 гг., правильно полагая, что за ним пойдут и горцы других округов Дагестана.

Параллельно советские карательные органы начали фабриковать уголовные дела, в которых духовенство обвинялось в оказании помощи белым и сопротивлении большевикам при установлении Советской власти. Одним из первых в Дагестане пострадал православный священник В. Миловидов. После выдворения белогвардейских частей из Дагестана в конце марта 1920 г. и введения Красной армии в республику выяснилась его причастность к гибели 74 местных коммунистов и красноармейцев от рук белых. По обвинению в контрреволюционной деятельности Миловидов был расстрелян, а его сына Виктора как несовершеннолетнего приговорили к заключению в колонию «для исправления»¹¹.

Для привлечения к ответственности участников антисоветских восстаний 1918—1921 гг. в Дагестанской АССР заработали революционные трибуналы («тройки»). В фондах республиканского архива удалось выявить несколько подлинных приговоров в отношении духовных лиц. Так, приговором Ревтрибунала Дагестанской АССР от 6 марта 1921 г. в составе председателя А. Покровского, членов М. Далгата и Н. Тутышкина при секретаре Османове 47-летний житель селения Чох Осман Исмаилов был заключен в концентрационный лагерь в городе Холмогоры до окончания гражданской войны¹². В отношении 37-летнего кадия Магомеда Али-оглы из селения Хаджалмахи Даргинского округа за «оказание помощи банде Магомеда Балаханского в январе 1921 года» Ревтрибуналом Дагестанской АССР в составе председателя Эбштайна и членов Минакова и Харитонова был вынесен приговор о принудительных работах с содержанием под арестом сроком на 5 лет. Местом отбывания наказания был определен Ростов-на-Дону¹³.

В начале 1920-х гг. было проведено также несколько открытых политических процессов. Такой процесс с приглашением «бедняков и представителей прессы» Дагестанский обком РКП (б) провел над религиозным деятелем А.-Б.-хаджи Мустафаевым из Темир-Хан-Шуринского округа, которого осудили за сотрудничество с белыми, и над шейхом Сиражутдином-хаджи из Андийского округа, обвиненным в участии в антисоветских восстаниях 1918—1921 годов.¹⁴

До 1925 г. основные усилия советских карательных и правоохранительных органов в Дагестане были направлены на то, чтобы арестовать и физически устранить руководителя антисоветского восстания «лжеимама» Н. Гоцинского и его ближайшее окружение, скрывавшееся в Чечне. Его арестовали и расстреляли в 1925 г.¹⁵, но и после этого продолжались поиски врагов, не только среди тех, кто участвовал в антисоветских восстаниях, но и среди тех, кто помогал большевикам в период гражданской войны и в первые годы социалистического строительства. В сентябре 1926 г. силами ОГПУ, милиции и войсковых подразделений было исполнено решение Политбюро ЦК ВКП(б) об ускорении разоружения населения Дагестана. В ходе этой операции было изъято от 55 до 60 тыс. единиц оружия. Первый секретарь Дагобкома ВКП (б) М. Далгат заявил тогда о том, что оружие находится главным образом в руках кулачества и духовенства, хотя и признал, что духовенство к этой операции отнеслось вполне лояльно¹⁶.

Первые советские законы предусматривали административные, уголовные и иные меры наказания религиозных деятелей, а также их депортацию. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «Об административной высылке лиц, признаваемых социально опасными», принятый 10 августа 1922 г., разрешал комиссии при НКВД без суда выносить решения о высылке из страны и заключении в лагеря «социально неблагонадежных элементов». В 1924 г. такое же право получило Особое совещание Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). Высланные служители культа поступали под надзор местных отделов ГПУ — ОГПУ, которые определяли их местожительство. На время ссылки они лишались активного и пассивного избирательного права¹⁷.

По различным источникам удалось выявить несколько десятков случаев, когда представители мусульманского духовенства были высланы в течение 1924—1927 гг. из Дагестанской АССР в разные регионы страны и даже за рубеж. Среди них было немало противников мероприятий Советской власти из представителей духовной интеллигенции. Значительная часть из них «проводила зловонную антисоветскую агитацию, совершала террористические акты против партийно-советского актива»¹⁸.

Из-за неприятия новой власти в 1920-е гг. из Северо-Кавказского региона наблюдалась небольшая волна эмиграции за рубеж. К выезду некоторых религиозных деятелей подталкивали и местные советские работники, опасавшиеся за их судьбу. Это вполне понятно: советская конфессиональная политика была непредсказуемой и непоследовательной, хотя в национальных регионах нехристианские религии до середины 1920-х гг. пользовались некоторой автономией. Те представители духовенства, кто отваживались уехать за границу, как правило, местом своей эмиграции выбирали Турцию, которую продолжали рассматривать в качестве духовного центра всех мусульман. Мы выявили случаи, когда покинувшие Родину духовные лица не выдерживали жизни на чужбине и возвращались. Так, личный секретарь шейха Акушинского Ахмед-хаджи Багандов нелегально выехал в Константинополь в 1922 г., прожил там несколько лет, а потом вернулся и умер на Родине в 1926 году¹⁹.

Самые активные и влиятельные дагестанские шейхи прошли через сталинские лагеря. «Шейхизм» и «мюридизм» воспринимались чекистами весьма

негативно. Они фактически видели в них то же, что и царские генералы, служившие на Кавказе²⁰. Так, в 1927 г. был арестован и осужден на 9 лет шейх накшбандийского тариката М.-хаджи Дейбукский. Более 6 лет он находился в советских лагерях, известных под названием «СЛОН» (Соловецкие лагеря особого назначения), а затем ему разрешили «вольное поселение» в Астрахани. Вскоре шейх смог вернуться, но в 1936 г. вместе с семьей был выселен в Киргизию, где прожил 18 лет. Он получил разрешение вернуться домой лишь после смерти Сталина²¹. Шейх умер в кругу семьи и был похоронен на Родине. Другие его коллеги прошли более суровые испытания. Так, в 1929 г. арестовали и на 5 лет сослали в Архангельскую область шейха А.-хаджи Дыдымова Аксайского (1854 — ?). В 1937 г. Дагестанский отдел ОГПУ сфабриковал против него новое «дело», и в возрасте 83 лет он был вторично репрессирован. Год смерти и место захоронения шейха неизвестны до сих пор²². Что стало причиной ссылки Дейбукского и Дыдымова, источники не сообщают.

Некоторым представителям духовенства повезло больше. Например, будущего шейха накшбандийского и шазилийского тарикатов М.-Х. Афанди из селения Тидиб Шамильского района в 1928 г. арестовали как религиозного деятеля, но после 8 месяцев тюрьмы «освободили под честное слово»²³.

Отдельных духовных лиц арестовывали и даже высылали из республики по обвинению в «распространении слухов, дискредитирующих советских работников и коммунистов». Обвинение в дискредитации советских работников было предусмотрено в ст. 58/2 УК РСФСР. Осужденный по такому обвинению в 1928 г. к лишению свободы на 6 месяцев (дело № 1166) «атаман аула Чуртах Лакского района» и руководитель «кулацко-духовной группировки» 77-летний Аба Довлатуев отбывал наказание в Тифлисе до 1930 г., а потом его выслали в Среднюю Азию. Просьба о помиловании Довлатуева была отклонена судом²⁴.

Фабрикация органами ОГПУ материалов дел в отношении влиятельных духовных лиц шла по единому сценарию. В основном руководителем «контрреволюционной группы» определялся известный шейх или алим, а в качестве свидетелей выступали местные советские активисты и кто-нибудь из крестьян-бедняков. Показания «свидетелей» тоже не отличались оригинальностью. Потом выявлялись мюриди из ближайшего и дальнего окружения и родные. Как правило, большинство из них причислялось к «союзникам кулаков» и «торгашам», особенно после свертывания нэпа в 1929 году. Прежде чем арестовать влиятельное духовное лицо, через агентов предварительно выясняли обстановку в его ауле и возможную реакцию жителей на его арест.

Усилившиеся политические репрессии в Дагестане можно объяснить указаниями высшего политического руководства СССР на ужесточение и применение репрессий против «реакционного мусульманского духовенства» во второй половине 1920-х годов. Состоявшееся в январе 1927 г. заседание Оргбюро ЦК ВКП (б) потребовало от исполнительной власти усиления борьбы «с контрреволюционной частью мусульманского духовенства через соответствующие организации, не останавливаясь перед применением репрессивных мер судебного и внесудебного характера»²⁵. 8 августа 1927 г. Оргбюро ЦК ВКП (б) предложило правительству ряд мер по ограничению деятельности мусульманского духовенства, санкционировав применение со стороны ОГПУ и НКВД репрессий в отношении «злостных лиц». 3 мая 1928 г. Политбюро ЦК ВКП (б) поручило секретариату ЦК «созвать совещание из представителей национальных республик для выработки конкретных мероприятий по усилению антирелигиозной борьбы с влиянием мусульманского духовенства»²⁶.

По мере появления затруднений при проведении общесоюзных программ по коллективизации крестьянских хозяйств и культурной революции в жизнь стали возникать проблемы. Намеченные программы не везде и не всеми внутри

страны воспринимались положительно, и руководство СССР винило в своих промахах в работе «враждебные» социалистическому строительству элементы. Так, постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) от 24 января 1929 г. религиозные организации были объявлены единственными легально действующими контрреволюционными организациями, имеющими влияние на массы²⁷. Постановление ЦИК и СНК СССР «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений», принятое 11 февраля 1930 г., требовало от местных властей ужесточения мер при регистрации религиозных объединений и исключения из них «кулаков, лишенцев и иных враждебных для Советской власти лиц»²⁸. Другое постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 15 января 1933 г. призывало «решительно искоренить контрреволюционные элементы путем заключения в концлагерях на длительный срок, не останавливаясь перед применением высшей меры наказания к наиболее злым из них»²⁹. Таковыми в Дагестане традиционно считались мусульманские духовные лица, и республиканская власть никак не могла проигнорировать требования центра. Исходя из данных установок, аналогичные постановления в Дагестанской АССР были приняты на партийных форумах 1927—1929 годов. В частности, бюро Дагестанского обкома ВКП (б) и Президиум ДКК ВКП (б) 30 марта 1929 г. рассмотрели вопрос «О росте активности духовно-кулацких группировок и о деятельности этих группировок в Даргинском, Буйнакском районах», обвинив их в подготовке вооруженного восстания с целью свержения Советской власти. В постановлении говорилось о том, что «... на общем фоне ожесточенной классовой борьбы между партийно-советским и объединенным духовно-кулацким фронтом выявляется новый активный контрреволюционный центр ортодоксального духовенства, так называемая организация “Дени комитет”. Она ставила задачу организации и легализации мусульманских религиозных общин в борьбе против усиления партийного и советского влияния в ауле, призывала к вооруженному восстанию против советской власти»³⁰.

Свертывание нэпа в 1929 г. и форсированное строительство социализма в СССР побудило руководство республики прибегнуть к активным методам борьбы в ответ на усиление сопротивления мусульманского духовенства и кулачества мероприятиям партии и правительства. В мае 1929 г. из ответственных партийных и советских работников была образована специальная комиссия «для разработки конкретных мер борьбы против враждебной деятельности мусульманского духовенства». Механизм советской карательной машины в Дагестанской АССР начал работать ничуть не хуже, чем в Центральной Советской России. Уже 11 июля 1929 г. бюро Дагестанского обкома ВКП (б) обсудило подготовленные комиссией предложения «О мерах борьбы с антисоветской деятельностью духовно-кулацких группировок в Дагестане», а 13 августа одобрило мероприятия «по борьбе с проявлениями антисоветских элементов из числа мусульманского духовенства и кулаков и ликвидации контрреволюционных организаций и групп духовенства и кулачества». В качестве аргумента в пользу активизации борьбы против духовенства и кулачества И.Ш. Алискеров ссылается на ликвидацию летом 1929 г. в Андийском округе «антисоветской контрреволюционной организации», якобы готовившейся свергнуть Советскую власть. Повторно вопрос об антисоветской контрреволюционной организации «Дени комитет» был обсужден на бюро Дагестанского обкома ВКП (б) 24 ноября 1929 года³¹.

В 1930-е гг. контроль советских правоохранительных органов над духовенством ужесточился. Особенно зорко за каждым его шагом следили районные отделения ОГПУ. Именно они контролировали политическую сторону деятельности духовенства и религиозных организаций. Контроль усилился после известных антиколхозных восстаний, вспыхнувших весной 1930 г. против искусственного форсирования создания колхозов и антирелигиозных гонений

властей. Агентура ОГПУ на местах работала безотказно. Любое публичное заявление духовенства становилось известно властям. Это наглядно демонстрирует отчетная справка начальника Дагестанского отдела ОГПУ Чумакова о работе за 1933 год. Согласно его показаниям, в республике 75 «агентурных ресурсов» были закреплены за мусульманским духовенством (2 женщины и 16 спецагентов)³². Агенты-осведомители были прикреплены также к отдельным суфийским общинам-братствам. Например, общину шейха Акушинского контролировали 14 чел., из которых двое являлись спецагентами; вирд Х. Кахибского — 9 чел., из них одна женщина и один спецагент; общину мюридов шейха Г. Хуштадинского — 3 чел., один из которых был спецагентом; община шейха Ш. Кикунинского находилась под контролем трех агентов. Пятеро агентов контролировали деятельность новых шейхов и «шейхствующих лиц», остальные следили за более мелкими общинами мюридов. Агентура была специально подобрана и завербована из местных жителей в 1931—1933 гг. и считалась опытной, но требующей к себе постоянного внимания, а также умелого руководства и инструктажа сотрудников ОГПУ.

Нередко местные и районные власти сводили личные счеты с влиятельными духовными лицами и инициировали против них репрессивные меры по надуманным обвинениям. Так, 18 января 1926 г. Гунибский окружной исполком принял решение о выселении местного шейха за пределы округа. Это незаконное действие было предотвращено местным населением, которое добилося обжалования постановления 21 марта 1926 г. в Президиуме Дагестанского ЦИК. ДагЦИК отменил решение Гунибского окружного исполкома, мотивировав это необходимостью при вынесении таких постановлений руководствоваться циркуляром вышестоящих государственных органов, который запрещал самосуд над духовенством. Тем же постановлением Президиум ДагЦИК поручил Народному комиссариату юстиции и Народному комиссариату внутренних дел предоставить в окружные исполкомы специальные циркуляры, разъясняющие порядок расследования и прохождения в судах подобных дел³³. Возможно, если бы жители не помешали властям выселить шейха, реакция республиканской власти была бы другой.

Если некоторые местные советские чиновники сами проявляли инициативу в применении репрессий против духовных лиц, то другие, наоборот, спасали их. Например, в селении Тлярош Чародинского района в 1930-е гг. были репрессированы три крупных алима: М. Кантулов, М. Дамадов и Умар-хаджи, а в соседнем ауле Цулда ни один алим не пострадал³⁴.

Отсутствие Духовного управления для мусульман Дагестана и всего Северного Кавказа, призванного регулировать взаимоотношения духовенства, верующих и власти, не давало духовенству возможности выработать единую тактику поведения в сложившихся общественно-политических условиях. При наличии подобного управления самой власти было бы легче контролировать религиозную и общественно-политическую жизнь в республике. Если некоторые духовные лица открыто выражали свое негативное отношение к мероприятиям Советской власти, то другие были более сдержаны, стараясь не осложнять свое положение различного рода заявлениями. Так, например, общественный кадий селения Костек Хасавюртовского округа И.-Г. Раджабов уговаривал коллег не делать публичных заявлений и не предпринимать никаких шагов против властей³⁵.

Массовые политические репрессии в отношении духовенства в Дагестанской АССР начались в конце 1920-х годов. Это совпало с развертыванием общесоюзных программ по коллективизации крестьянских хозяйств и культурной революцией, кампанией по массовому закрытию молитвенных домов и их перепрофилированию под культурно-хозяйственные учреждения. Самые авторитетные духовные лица — шейхи и алимы — подлежали либо ссылке, либо

физическому истреблению. Наиболее одиозным обвинением, предъявляемым духовенству властями, было участие в антисоветской деятельности. По обвинению в этом в 1928 г. в районы Усольска (ныне Сыктывкар), Сольвычегодска, Котласа Архангельской области из Дагестана было сослано более 800 служителей культа, преимущественно людей преклонного возраста ³⁶.

Открыто и резко сотрудники ОГПУ выступали против шейха Али-хаджи Акушинского и его последователей. В 1925 г. общины мюридов Али-хаджи обвинялись в пособничестве зарубежной эмиграции и в создании антисоветских повстанческих комитетов для нанесения удара по тылу Советского Союза в случае войны, в установлении постоянной связи между организацией и враждебными силами за рубежом. Чуть позже, в 1926—1927 гг., суфийские братства Дагестана подозревались правоохранительными органами в установлении контактов с зарубежными «контрреволюционными центрами в Турции» ³⁷. Решением объединенного пленума Дагестанского обкома ВКП (б) и Дагестанской контрольной комиссии, который состоялся 13—20 февраля 1928 г., «шейхизм» («суфизм») был объявлен «наиболее реакционной частью мусульманского духовенства» и рассматривался «как один из основных факторов антипартийных и антисоветских сил нашей страны» ³⁸.

В годы свертывания новой экономической политики и коллективизации сельского хозяйства сотрудники ОГПУ называли общину мюридов Акушинского «торгашеско-спекулятивной» и «кулаческой», хотя в частных высказываниях признавали наличие у шейха большого количества последователей среди середняков и бедняков ³⁹. В 1928 г. ОГПУ сфабриковало уголовное дело № 06599 против шейха Акушинского и его «контрреволюционной группы» из 66 человек. Опасаясь сопротивления со стороны населения, ОГПУ первым арестовало мюридов и духовных лиц из других аулов, а потом были арестованы люди близкого окружения и родные шейха. В попытке свергнуть Советскую власть были обвинены два шейха, трое сыновей шейха Али-хаджи, 10 мулл, 7 шариатских судей-кадиев, 21 ученый-алим и другие. Завершилось дело 29 апреля 1929 г. Постановлением коллегии ОГПУ от 30 апреля 1929 года. 28 чел. были приговорены к расстрелу, а 18 мая 1929 г. приговор был приведен в исполнение. Некоторые из участников «дела» были осуждены на различные сроки лишения свободы (от 5 до 10 лет) по ст. 58-2 УК РСФСР. Из привлеченных по делу 27 чел. были сосланы на каторгу в Соловки, 3 чел. — в Калугу и 3 — в Орел ⁴⁰. Сфабрикованное «дело» состояло из 13 больших томов. Характерно, что подавляющее большинство осужденных по этому делу активно участвовало в антиденикинском восстании. Допросы обвиняемых проходили с многочисленными процессуальными нарушениями, а вопросы, задаваемые следователями арестованным, и вынесенные обвинения были стандартными.

Многие духовные лица, осужденные по делу № 06599, по совместительству работали в органах власти и советских школах, а некоторые занимались торговлей, как кадий Д.-хаджи Багандов из селения Акуша ⁴¹. Репрессированному кадию из селения Уллуая Даргинского округа Кадила Али Магомеду Гаджиеву суд никаких доказательств вины не представил. Несколько участников «контрреволюционной группы» Акушинского обвинили в участии в антисоветском восстании 1920—1921 гг. и в оказании повстанцам технической помощи. В частности, как активный участник этого восстания был репрессирован крупный ученый-алим М.-хаджи Аршимахинский ⁴². Сам шейх Акушинский в это время был прикован к постели и умер 8 апреля 1930 года. 58 чел., репрессированных по делу № 06599, были реабилитированы постановлением Президиума Верховного суда ДАССР 10 августа 1989 года.

В 1929 г. без предъявления официальных обвинений правоохранительными органами был арестован и репрессирован алим Ризван Абдуллаев из селения Кадар

Буйнакского района ⁴³. О его дальнейшей судьбе родные так ничего и не узнали. По обвинению в антисоветской деятельности 14 декабря 1929 г. органами ОГПУ был расстрелян крупный ученый-алим М.-К. Дибиров, реабилитированный 10 ноября 1988 г. постановлением Президиума Верховного суда ДАССР ⁴⁴.

Карательная машина не пощадила и наиболее активных сторонников Советской власти. В их числе оказался крупный ученый-алим и кадий окружного шариатского суда — А. Акаев (Казанищенский). Он был выслан решением суда 14 декабря 1929 г. и умер в 1931 г. в лагере ГУЛАГа под г. Котлас ⁴⁵. Союзник большевиков и лояльный к Советской власти крупный ученый-алим и кадий окружного шариатского суда А. Каяев был дважды репрессирован и умер в ссылке в Казахстане в 1943 году ⁴⁶.

Некоторых представителей духовенства сотрудники НКВД арестовывали прямо дома. Например, во время совершения утреннего намаза был арестован ногайский ученый-алим Казимбет-эфенди, а затем в помещении кирпичного завода следователи допросили его с применением пыток. Истязания почтенного эфенди продолжались в течение трех суток. Другой мулла Ногайской степи, Балтен-эфенди, также погиб от рук сотрудников НКВД, а эфенди Зарман-бет после всех преследований лишился на некоторое время способности говорить ⁴⁷. Крупный алиим и религиозный деятель из селения Нижний Джентугай Буйнакского района Юсуп-кади был репрессирован в 1929 г. и умер в ссылке на Севере ⁴⁸.

Противодействие коллективизации — основное обвинение, выдвигавшееся арестованным лицам в тех местах, где колхозное строительство проваливалось. В донесениях Дагестанского отдела ОГПУ конца 1920-х — начала 1930-х гг. часто упоминается о массовых антиколхозных выступлениях в разных районах республики и отказе поддержать другие советские мероприятия ⁴⁹. Нежелание населения вступать в колхоз и многочисленные локальные мятежи 1930 г. преподносилось советскими чиновниками как «умелая агитация кулаков и мулл». После подавления крестьянских восстаний, вспыхнувших в нескольких районах Южного Дагестана в конце апреля 1930 г. против колхозов и антирелигиозных мер властей, были привлечены к ответственности более 316 чел., 104 из них подверглись разным видам репрессивных наказаний ⁵⁰. Среди репрессированных были десятки представителей духовенства, как например семья шейха Штульского. Сам духовный вождь повстанцев шейх М. Штульский решением тройки ОГПУ Северо-Кавказского края и ДАССР за № 91 от 29 ноября 1930 г. вместе с 9 основными соратниками был приговорен к расстрелу, а его имущество было конфисковано ⁵¹.

Репрессиям подверглись и участники других восстаний, вспыхнувших весной 1930 г. в высокогорных районах Дагестанской АССР. Нередко вердикт в отношении обвиняемых выносил Дагестанский обком ВКП (б). Так, после опроса, проведенного среди членов бюро Дагестанского обкома ВКП (б) на закрытом заседании 7 июля 1930 г., было принято решение расстрелять четырех из пяти главных участников «контрреволюционной организации, оказавших вооруженное сопротивление властям» и обвиненных в убийстве председателя Гумбетовского РИК Юнусова ⁵².

После подавления восстаний 1930 г. в селениях Хнов, Фия и Борч дома повстанцев были взорваны. В частности, был взорван дом муллы Исмаила Рашид-оглы из селения Фия. Участников восстания и подозреваемых избивали в ходе ареста. Некоторые после пыток в камерах дознания стали калеками ⁵³. Участники же подавления восстаний записывались в красные партизаны и получали поощрения. Так, 19 сентября 1930 г. Комиссия Дагестанского обкома ВКП (б) по награждениям представила к орденам Красного Знамени самых активных участников подавления «контрреволюционных» восстаний ⁵⁴.

В 1930-е гг. были репрессированы крупные алимы и мюриды, которые пытались противостоять антирелигиозным гонениям. Шейх-Ислам Гасанов и Гаджи-Мухаммад Кочхюрский были арестованы в 1929 г. и решением тройки от 25 июня 1930 г. осуждены по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР сроком на три года и высланы на Север⁵⁵. В сфабрикованном ОГПУ деле против Шейх-Ислама есть обвинения в «знахарстве» и вербовке мюридов.

Некоторые местные советские работники обвиняли служителей культа в антисоветской агитации, требовали отказаться от исполнения религиозных обязанностей и угрожали расправой. Такую форму давления применяли советские активисты в 1930-е годы. Поэтому сотни представителей духовенства стали публично отказываться от своих обязанностей, опасаясь за собственную жизнь. Так поступили И.Ш. Бабаев из селения Юхари-Сталь Кюринского округа и Абакар из селения Куркент того же округа⁵⁶. По официальным данным, в 1933 г. отказались исполнять свои обязанности 552 кадия из 636 (86,8%), 941 мулла из 1469 (64,1%)⁵⁷. От выполнения своих обязанностей отказались все кадии в Чародинском, Дербентском, Коркмаскалинском, Рутульском, Казбековском, Цумадинском, Кахибском, Левашинском, Касумкентском, Гунибском и Бабаюртовском районах. Возможно, это произошло после закрытия шариатских судов в Дагестанской АССР. В некоторых населенных пунктах отказались от службы и другие духовные лица. Например, в 1933 г. все 18 зарегистрированных мулл Дербентского района, 42 муллы Коркмаскалинского района, 11 из 15 мулл Цунтинского района, 108 из 229 мулл Лакского района отказались выполнять религиозную службу⁵⁸, опасаясь репрессий. На их места общества нанимали других. Так, обществом Кулеца Левашинского района на должность муллы в 1933 г. был нанят К. Исмаилов, которому мусульманская община обязалась уплатить 40 пудов пшеницы⁵⁹.

В начале 1930-х гг. усилившиеся репрессии привели к тому, что в некоторых аулах муллами стали работать калеки, знавшие все религиозные обряды. Так, муллой селения Верхний Каранай Буйнакского района в 1933 г. стал инвалид А. Магомедов, который заявлял прихожанам мечети, что не боится властей⁶⁰. Вместо репрессированных четырех мулл селения Джалган Табасаранского района из соседних кайтагских аулов также были приглашены муллы-калеки.

Но и отказ от исполнения религиозных обязанностей не спас сотни представителей духовенства от репрессий. По далеко не полным данным, с начала 1930 по октябрь 1933 г. было репрессировано 1212 служителей культа. Из них: 9 шейхов, 5 «шейхствующих» лиц, 91 общественный кадий, 405 мулл, 702 мюрида (из них 50% — старшие мюриды)⁶¹. Обвинения в отношении вышеупомянутых духовных лиц были стандартными — «за контрреволюционную деятельность», они были осуждены по ст. 58 УК РСФСР и сосланы на поселение в Сибирь, на Соловки, в Казахстан и Астрахань.

Пик политических репрессий в стране, как известно, пришелся на вторую половину 1930-х годов. По мнению одних исследователей, именно в 1936—1938 гг. было репрессировано (расстреляно и сослано) почти все духовенство⁶². Некоторые исследователи связывают это с изменениями в отношении к церкви, вызванном надвигавшейся войной⁶³. Возможно, усилению репрессий в республике способствовали первые лица. По некоторым данным, в 1937 г. первый секретарь Дагестанского обкома ВКП (б) Н. Самурский, будучи на приеме у Сталина, рассказал ему о 25 тыс. представителей духовенства (разговор шел о принятии против них репрессивных мер⁶⁴).

Доносы местных агентов ОГПУ, советских и партийных чиновников являлись самыми важными аргументами для арестов. В качестве «свидетелей», как правило, привлекались местные активисты. Так, в качестве главных свидетелей по делу шейха Х. Кахибского в 1937 г. выступили председатель сельсовета

та, секретарь партиячейки и несколько других активистов. Согласно протоколу допроса, все они указывали на наличие у шейха крупного кулацкого хозяйства, нажитого эксплуатацией крестьянского труда. Кахибского обвинили в руководстве подпольной контрреволюционной группой и кулачеством, а также в использовании религии против советской власти⁶⁵. Шейху не только припомнили связь с участниками антисоветского восстания 1920—1921 гг., но и обвинили его в пособничестве «бандам Гоцинского».

Кахибский обвинялся и в систематическом проведении контрреволюционной пораженческой пропаганды, неоднократном созыве тайных совещаний мюридов, на которых он якобы давал установки не выбирать в Советы коммунистов, а также в том, что он «имел намерение установить письменную связь с Америкой, через которую собирался сообщить о положении в СССР»⁶⁶.

По приговору тройки НКВД Кахибский был расстрелян 23 декабря 1937 года. В течение 1927—1937 гг. были репрессированы и его самые активные мюриды. Например, в 1937 г. был арестован шейх Дибиров (1885—1942). Он умер в дербентской тюрьме и был тайно похоронен на местном кладбище. Могила Дибирова удалось найти в 1959 г. благодаря стараниями сына Кахибского⁶⁷.

Показательно, что в годы хрущевской «оттепели», когда началась кампания по развенчанию культа личности Сталина и стала обсуждаться тема репрессий, некоторые из свидетелей по делу Кахибского отказались от своих прежних показаний и помогли реабилитации незаконно осужденных духовных лиц⁶⁸.

В 1937 г. был репрессирован шейх А.-хаджи Гусейнов из селения Нижнее Казанище Буйнакского района. В первый раз его арестовали в 1927 г. как участника антисоветского восстания и выслали в Сталинград. Несмотря на то, что ему тогда исполнилось 82 г. и он был болен, просьба о помиловании, поданная к выходу амнистии в честь десятилетия Октябрьской революции, не была удовлетворена. Его жалоба, направленная в адрес Генерального прокурора СССР, вернулась к сотрудникам Дагестанского отдела ОГПУ, сфабриковавшим против него уголовное дело. В ответе было написано, что «до истечения срока ссылки Гусейнов Арсланали-хаджи возвращению на Родину не подлежит»⁶⁹. О его дальнейшей судьбе ничего не известно.

В ночь с 31 июля на 1 августа 1937 г. органами НКВД в некоторых северокавказских аулах проводилась «генеральная операция по изъятию антисоветских элементов», в ходе которой было арестовано свыше 14 тыс. человек⁷⁰. Объектом массовых политических репрессий выбиралась в основном самая активная и интеллектуальная часть духовенства. Как пишет М.А. Магомедов, «желая вытравить ислам из сознания народа, советские власти насильственными методами (через тюрьмы, ссылки на Север, а то и прямой расстрел) ликвидировали плеяду блестящих дагестанских ученых-алимов. Коммунистам казалось, что если этой питательной среды не будет, народ быстро отвернется от религии и забудет ее»⁷¹.

Нередко в числе репрессированных оказывались просто уважаемые в аулах старики, являвшиеся хранителями исламских ценностей и традиций. Об этом пишет писатель Л. Разгон, много лет проведенный в сталинских лагерях: «В 1937 году пришел из Дагестана в Котлас целый эшелон, в котором были одни старики от 80 лет и старше. Они не знали русского языка и не выражали никакого желания с кем-нибудь общаться и рассказывать, почему они очутились здесь. В своих косматых папахах и домотканых одеждах они сидели молча на корточках, закрыв глаза. Пробуждались они от этой неподвижности только для того, чтобы сделать намаз. Все они были “изъяты” для ликвидации в Дагестане феодальных пережитков. Дело в том, что многие дагестанцы не признавали советские суды и предпочитали обращаться к этим старикам, судившим по

обычаям и традициям. Чтобы обратить жителей Дагестана к более прогрессивным формам судопроизводства, всех стариков забрали, дали им — без исключения — по десятке (10 лет заключения в концлагере. — *И.С.*) и отправили умирать в Северный край»⁷².

Точное количество репрессированных Советской властью представителей мусульманского духовенства установить не удалось. На этот счет у исследователей существуют разные мнения. М.М. Магомедханов пишет, что духовенство было ликвидировано к концу 1938 года⁷³. По мнению российского исламоведа А.В. Малашенко, в 1930-гг. и позже (в СССР) было репрессировано приблизительно 40 тыс. имамов, мулл, улемов, многие из которых являлись продолжателями традиций исламского реформаторства и входили в национальную духовную элиту⁷⁴.

Некоторые духовные лица волею судеб уцелели. На какое-то время все они затаились. В подполье ушли не только суфии и алимы, но и муллы, кадии, муэдзины, которые тайно продолжали проводить все религиозные обряды и после закрытия мечетей. Но репрессии тех лет полностью остановили развитие мусульманского богословия в некоторых районах республики, подготовку образованных служителей ислама, ученых-алимов. В то же время антирелигиозные меры и репрессии советской власти в какой-то степени стимулировали популярные среди духовенства идеи пантюркизма и панисламизма. Некоторые духовные лица продолжали распространять слухи о том, что помощь в свержении советской власти и восстановлении религиозных институтов придет именно из Турции⁷⁵.

Примечания

1. В статье Х.Г. Магомедсалихова и Я.М. Ханмагомедова «Репрессии в отношении мусульманского духовенства в Дагестане в 20—30-х гг. XX века» большое внимание уделено не столько репрессиям, сколько взаимоотношениям советской власти и мусульманского духовенства. В числе заведенных дел против духовенства авторы указали лишь частично опубликованное репрессивное «дело Али-хаджи Акушинского» от 1929 года. См.: Исламоведение. 2012, № 3, с. 85—92.
2. «Репрессии против духовенства в 1918 году в документах». <http://ru-antireligion.livejournal.com/2500062.html>.
3. ЛЕНИН В.И. Письмо Молотову В.М. для членов Политбюро ЦК РКП (б) от 19 марта 1922 г. — Известия ЦК КПСС. 1990, № 4, с. 193; История России. 1917—1940. Хрестоматия. Челябинск. 1994, с. 226.
4. Там же.
5. САМУРСКИЙ Н. (ЭФЕНДИЕВ). Дагестан. Махачкала. 1925, с. 129.
6. Более обстоятельно о деятельности советских карательных органов в первые годы после установления Советской власти см.: ЛИТВИНОВ А.Л. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. Казань. 1995.
7. В частности, репрессиям подверглись духовные лица Татарии. Об этом см.: МИН-НУЛЛИН И. Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920—1930-е гг.). Казань. 2006, с. 102.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 84, д. 75, л. 1об.
9. См. протокол заседания бюро Дагестанского обкома РКП (б) по вопросу «О разработке инструкции по применению репрессий против мусульманского духовенства» от 10 октября 1920 г., выявленный в фондах РГАСПИ.
10. См. протокол совещания ответственных партийных работников Дагестана от 18 августа 1920 г. по вопросам внутренней политики, выявленный в фондах РГАСПИ.
11. Советский юг. 1920, № 48, 26 ноября.

12. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД), ф. Р-33, оп. 2, д. 16, л. 3—3об.
13. Там же, л. 10—10об.
14. ОСМАНОВ А.И. Деятельность партийно-советских организаций Дагестана по идейно-политическому воспитанию трудящихся масс в период перехода к нэпу. В кн.: Социально-экономические и культурные преобразования в Дагестане (1920—1970). Махачкала. 1977, с. 25.
15. Подлинный протокол заседания тройки ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю от 28 сентября 1925 г., вынесшей смертный приговор Н. Гоцинскому, см.: Доного Хаджи Мурад. Нажмуддин Гоцинский: общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века. Махачкала. 2005, с. 307.
16. Из протокола IV объединенного Пленума Дагобкома и Дагестанской контрольной комиссии (ДКК) ВКП (б), рассмотревших итоги разоружения горцев Дагестана. ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 723, л. 7.
17. ГИДУЛЯНОВ П.В. Отделение церкви от государства. Полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т. д. с разъяснениями V отдела Наркомюста РСФСР. М. 1924, с. 166.
18. В частности, такая точка зрения нашла отражение и у современных исследователей. См.: КАКАГАСАНОВ Г.И. Социальные противоречия в дагестанском обществе в 20—50-е годы XX в. (Историко-документальное исследование). Махачкала. 2010, с. 136.
19. Архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Дагестан (Архив ФСБ РФ по РД), ф. Уг. сл. дел., д. № 06599, т. 9, л. 16.
20. Сравнительную характеристику отношения царской администрации и советских карательных органов на Кавказе к суфизму см.: Ислам и советское государство (1917—1936). Сб. документов. М. 2010, с. 196.
21. ГАДЖИЕВ М.-Г. М.-А. Тарикат о нравственном воспитании. — Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень Комитета Правительства РД по делам религий. 2003, № 1 (4), с. 110.
22. АДЖАМАТОВ Б. Святые Дагестана. Махачкала. 2005, с. 227—228.
23. АБДУРАХМАНОВ М.-х. Золотая цепочка накшбандийских шейхов. Махачкала. 2004, с. 157.
24. ЦГА РД, ф. Р-37, оп. 18, д. 47, л. 3.
25. РГАСПИ, ф. 89, оп. 4, д. 117, л. 9.
26. См.: ЦК РКП (б) — ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918—1933 гг. М. 2005, с. 502.
27. ОДИНЦОВ М.И. Государство и церковь. (История взаимоотношений. 1917—1938 гг.) — Культура и религия. 1991, № 11, с. 34; НУРУЛЛАЕВ А.А. Ислам и мусульмане в условиях советского режима. В кн.: Ислам и мусульмане в России. Совет муфтиев России. М. 1999, с. 139.
28. ОДИНЦОВ М.И. Ук. соч., с. 46.
29. ЦК РКП (б) — ВКП (б) и национальный вопрос..., с. 697.
30. АЛИСКЕРОВ И.Ш. Борьба Дагестанской партийной организации за освобождение трудящихся из-под влияния мусульманского духовенства. (1920—1937 гг.): Дис. канд. ист. наук. Махачкала. 1967, с. 102.
31. Там же, с. 104.
32. Дагестанский отдел Объединенного государственного политического управления (ДО ОГПУ). ЦГА РД, ф. Р-800, оп. 2, д. 49, л. 115.
33. Там же, ф. Р-37, оп. 20, д. 73, л. 105об.
34. Полевой материал, собранный автором в 2005 году.
35. ДО ОГПУ. ЦГА РД, ф. Р-800, оп. 2, д. 9, л. 206.
36. КАКАГАСАНОВ Г.И. Религиозные мусульманские (примечетские) школы Дагестана. В кн.: Ислам и исламская культура в Дагестане. М. 2001, с. 132.
37. АЛИСКЕРОВ И.Ш. Ук. соч., с. 99—100.
38. ДАНИЯЛОВ А.Д. Строительство социализма в Дагестане. 1921—1947 гг. (Узловые проблемы). М. 1975, с. 184.
39. ГАСАНОВ М.М., СУЛАЕВ И.Х. Суфийская община мюридов Али-хаджи Акушинского (первая треть XX века). — Религиоведение. 2012, № 3, с. 35.

40. Архив ФСБ РФ по РД, ф. Уг. сл. дел., д. № 06599, т. 9, л. 16; т. 8, л. 97; Али-хаджи Акушинский — шейх-уль-ислам Дагестана, патриот и миротворец. (Документы и материалы). Махачкала. 1998, с. 16.
41. Архив ФСБ РФ по РД, ф. Уг. сл. дел., д. № 06599, т. 1, л. 11, 17, 21, 32
42. Следственные материалы и допрос М.-х. Аршимахинского см.: Там же, т. 11, л. 13—17.
43. ЦГА РД, ф. Р-1234, оп. 4, д. 48, л. 81.
44. Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. — декабрь 1991 г.). Документы и материалы. Махачкала. 2007, с. 148.
45. Литературное и научное наследие Абусуфьяна Акаева. Махачкала. 1992, с. 165.
46. О нем см.: МЕДЖИДОВ Ю.В., АБДУЛЛАЕВ М.А. Али Каяев. Очерк жизни и творчества. Махачкала. 1993; БОБРОВНИКОВ В.О. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М. 1999, с. 45.
47. ЯРЛЫКАПОВ А.А. Ислам у степных ногайцев в XX в. (Историко-этнографическое исследование). Дис. канд. ист. наук. М. 1998, с. 121.
48. ШИХСАИДОВ А.Р., ОМАРОВ Х.А. Каталог арабских рукописей (коллекция М.-С. Саидова). Махачкала. 2005, с. 255.
49. Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927—1940 гг.) Документы и материалы. Махачкала. 2007, с. 139, 203.
50. Архив ФСБ РФ по РД, д. № 2/6297.
51. Там же, т. 8, л. 441, 484 .
52. ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 1302, л. 3.
53. Там же, ф. Р-33, оп. 14, д. 10, л. 520, 523.
54. Там же, ф. 1-п, оп. 1, д. 1302, л. 47.
55. См.: Юсуф-Хаджи Юсуфов. Духовное родство. Махачкала. 2005, с. 170, 173, 175.
56. ДО ОГПУ. ЦГА РД, ф. Р-800, оп. 2, д. 15, л. 22а—23.
57. САЛАХБЕКОВА З.А. Власть и мусульманское духовенство Дагестана: история взаимоотношений (1920—1940). Автореф. дис. канд. ист. наук. Махачкала. 2003, с. 28.
58. Полный список действующих и отказавшихся от службы служителей мусульманского культа в ДАССР в 1933 г. см.: Власть и мусульманская религия в Дагестане..., с. 105—106.
59. ДО ОГПУ. ЦГА РД, ф. Р-800, оп. 2, д. 49, л. 84.
60. Там же, л. 77.
61. Там же, л. 58.
62. МАГОМЕДХАНОВ М.М. Адат, шариат и российские законы в Дагестане. — Вестник ДНЦ РАН. 2004, № 16, с. 82.
63. ДЖАБАГИ В.Г. Революция и гражданская война на Северном Кавказе. Конец XIX — начало XX века. — Наш Дагестан. 1994, № 167—168, с. 48.
64. МАГОМЕДХАНОВ М.М. Ук. соч., с. 82.
65. МУСАЕВ М. М. Палачи и жертвы. Кизилюрт. 1999, с. 117—120, 130, 136.
66. АРИПОВ Г. Баракат. Хасан Хильми афанди, Хабибулла хаджи афанди, Мухамадариф афанди. Махачкала. 2006, с. 85.
67. Там же, с. 196—197.
68. Там же, с. 197.
69. МУСАЕВ М.М. Ук. соч., с. 141—142.
70. АЛОВ А.А., ВЛАДИМИРОВ Н.Г. Ислам в России. М. 1996, с. 103—104.
71. МАГОМЕДОВ М.А. Истоки современного мусульманского экстремизма. — Россия и современный мир. 2006, № 4 (53), с. 123.
72. АЛОВ А.А., ВЛАДИМИРОВ Н.Г. Ук. соч., с. 103—104.
73. МАГОМЕДХАНОВ М.М. Ук. соч., с. 82.
74. МАЛАШЕНКО А.В. Феномен ислама в политической жизни СССР/СНГ. Дис. докт. ист. наук. М. 1995, с. 98.
75. ДО ОГПУ. ЦГА РД, ф. Р-800, оп. 2, д. 89, л. 207.

Идеалы и установки духовного сословия в XIX — начале XX в.

А.В. Скутнев

Аннотация. Работа посвящена проблеме самоопределения православного духовенства в России XIX века. Автор доказывает, что духовенство раздирали противоречия по отношению к миру, людям, себе. Они касались места Церкви в государстве, духовенства в обществе, его внутренних установок и внешней оценки. Вопрос этот не был проблемой только духовного сословия. Духовенство оказывало огромное влияние на традиционное общество. Жертвой преломления сознания целого сословия в конечном итоге стало русское государство.

Ключевые слова: Русская православная церковь, духовенство, менталитет.

Abstract. The work deals with the problem of self-determination of the Orthodox clergy in Russia of the XIX century. The author argues that the clergy was torn idealistic attitude toward the world, the people themselves. Contradictions were concerned the place of the Church in the state, the clergy's place in society, its internal systems and external evaluation. This question is not a problem only of the clergy. Clergy as the pastors have a huge impact on the traditional society. The victim of the refraction of consciousness of a class eventually became the Russian state.

Key words: Russian Orthodox Church, clergy, mentality.

Положение духовенства в России всегда было неоднозначным. Противоречия касались места Церкви в государстве, места духовенства в обществе, его внутренних установок и внешней оценки.

С одной стороны, духовенство принадлежало к интеллектуальной элите общества. К началу XIX в. оно было единственным полностью грамотным сословием в стране. Например, в Вятской епархии вплоть до начала 1890-х гг. число закончивших духовную семинарию среди священников составляло порядка 87%¹.

Уровень образования, полученного в духовных школах, не уступал показателям светских учебных заведений. Духовные семинарии являлись аналогом высшего образования, особенно в провинциальных городах. Акцент в них делался на гуманитарные науки, и в этом плане будущие клирики не могли не

Скутнев Алексей Владимирович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Вятского государственного университета. Киров. E-mail: skutnev@vyatsu.ru.

Skutnev Alexey V. — candidate of historical sciences, holder of the chair at the Viatka State University. Kirov. E-mail: skut-nev@vyatsu.ru.

стать частью русской интеллигенции, сформированной гуманистическими идеалами, составив интеллектуальную элиту страны. Духовенство, несмотря на его малочисленность среди населения России, подарило стране огромное количество деятелей культуры и политики: художника В.М. Васнецова, поэта И.С. Никитина, министра финансов России И.А. Вышнеградского, нобелевского лауреата И.П. Павлова, советского экономиста Е.А. Преображенского и многих других. Будущие священнослужители знали иностранные языки, читали переводную европейскую литературу и, безусловно, были знакомы с культурой Западной Европы.

В дореволюционной России существовало мнение: «Интеллигенция — это все образованное общество; в ее состав входят все, кто так или иначе, прямо или косвенно, активно или пассивно принимает участие в умственной жизни страны». Получается, что часть духовенства и была интеллигенцией ².

С другой стороны, его восприятие самого себя отличалось от того, как на него смотрели представители других слоев населения. Например, дворянство, по крайней мере его лучшая часть, считала духовенство отсталым, далеким от современных интеллектуальных научных и философских знаний. «Оно носит бороду... оно вне общества... Его нигде не видно, ни в наших гостиных, ни в литературе, ни в...», — писал А.С. Пушкин П.Я. Чаадаеву ³.

Кроме того, основную часть паствы составляли неграмотные крестьяне с их патриархальной культурой, традиционным укладом и законченной системой ценностей.

В XIX в. духовенству стало тесно в рамках своего сословия. Можно сказать, что оно переросло те рамки, которые были заданы ему государством.

Однако духовное сословие, обладая общим для всех граждан России менталитетом, направляло свои усилия в противоположные стороны. Н.А. Бердяев писал, что нет другого такого противоречивого народа, как русский, на Земле. По его мнению «Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая, дионисическая стихия и аскетическое монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безликий коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» ⁴. Духовенство искало защиты и опеки у государства и в то же самое время стремилось к свободе.

Увлечение философией и историей для учеников духовных школ и семинарий не прошло бесследно. Как заметил С. Франк, «... жестокий и как будто безысходный кризис общественной веры, во всей своей действенной силе обнаружившийся после войны и русской революции, когда человечество почувствовало себя потерявшим дорогу и зашедшим в тупик, в чисто идейном отношении подготовлялся уже давно, в ряде господствовавших общественно-философских течений» ⁵. Он имел в виду исторический релятивизм, который в конце XIX в. обрел большую популярность.

Духовенство воспринимало передовые идеи, пришедшие из Западной Европы, через немецких философов (Гегеля, Фихте, Шиллера). Главной идеей было то, что «гуманность, просвещение, освободительные идеи не нуждаются ни в религиозной, ни в философской санкции, ибо они самоценны и сами по себе составляют величайшее благо» ⁶. Часть духовенства на первое место ставила общечеловеческие ценности, а христианским придавало второстепенное значение.

На Орловском миссионерском съезде в сентябре 1901 г. М.А. Стахович обозначил позицию, которая к этому времени глубоко проникла в ряды духовного сословия: «Меня спросят: Чего же вы хотите? Разрешения не только безнаказанного отпадения от православия, но и права безнаказанного исповедания своей веры, т. е. совращения других? Это подразумевается под свободой совести? Особенно уверенно среди вас миссионеров, я отвечу: да, только это и называется свободой совести... Запретным пусть будет не вера, а дела; не чувства, а поступки, ущербы, изуверство, все то, что уголовный закон карает»⁷.

Часть духовенства нашла свое признание в служении царю, стабильно пополняя ряды бюрократии. Спрос на грамотного специалиста, владеющего иностранными языками, обладающего здоровыми амбициями, был очень большим. О том, что в Вятской епархии в 60-е гг. XIX в. «сообразительные семинаристы шли в губернское правление, где вице-губернатор Батурин принимал их очень охотно, считая лучшими работниками», писал Н.Н. Блинов⁸. По подсчетам С.А. Трушкова, выходцы из духовного сословия являлись самой многочисленной группой среди чиновничества Вятской губернии, составляя в 1865 г. 34,12% чиновников низших классов и 50% чиновников канцелярии губернатора и губернского правления⁹.

Другая часть выбрала бунт, нигилизм, атеистические идеалы. Еще в стенах духовной школы будущие священники знакомились с запрещенной литературой и социалистическими идеями. Почти в каждой российской семинарии когда-либо существовал тайный кружок. Не была исключением и Вятская духовная семинария. Процент выпускников духовных школ в среде революционеров был непропорционально велик. Среди народников дети духовенства составляли 22%, в то время как среди населения страны доля духовенства доходила лишь до 0,9%¹⁰. Лидеры РСДРП (б) А.И. Микоян, Н.Н. Подвойский и даже будущий «вождь народов» И.В. Сталин вышли из стен духовной семинарии.

Будущие революционеры из духовенства хотели построить некий рай на земле. Не случайно сейчас так много говорится о религиозной составляющей русской революции. Уже в 1905 г. отношения государства и Церкви заметно испортились. «Гапоновщина и фронтовые новости заставили Витте поколебаться в традиционном взгляде на Церковь как на опору государства, умиротворительницу масс и укрепительницу царской власти»¹¹.

В этом, несомненно, проявился идеализм молодежи духовного сословия. Общим желанием интеллигенции и духовенства была не сама революция, а цели переустройства мира и России на началах справедливости. С.Н. Булгаков об этой черте интеллигенции писал: «Известная неотмирность, эсхатологическая мечта о Граде Божиим, о грядущем царстве правды (под разными социалистическими псевдонимами) и затем стремление к спасению человечества — если не от греха, то от страданий — составляют, как известно, неизменные и отличительные особенности русской интеллигенции... В этом стремлении к Грядущему Граду, перед которым бледнеет земная действительность, интеллигенция сохранила, быть может, в наиболее распознаваемой форме черты утраченной церковности. Сколько раз во II Государственной Думе в бурных речах атеистического левого блока мне слышались — странно сказать! — отзвуки психологии православия, вдруг обнаружилось влияние его духовной прививки»¹².

Очень часто духовенство пыталось улучшить социальную и культурную жизнь своих прихожан. Церковь активно включилась в деятельность по просвещению населения. К концу царствования Александра III число церковно-приходских школ достигло 31 835, в них обучалось 981 076 учеников. Таким образом, 1/3 учеников Российской империи училась в приходских школах¹³. Именно духовенство по своей инициативе создавало народные библиотеки, которые устраивались при храмах.

Духовенство реализовывало себя через важную социальную миссию. Благотворительность, просветительство, различные общества трезвости — все это создавалось не по принуждению, а по желанию. Г. Шавельский писал о роли и значении деятельности рядовых клириков, сравнивая их с членами Синода: «Явились особые типы пастырей — общественных деятелей в борьбе с пьянством, босячеством, с детской распущенностью и пр. и пр. Но все эти светлые явления церковной жизни своим развитием обязаны были вдохновению, инициативе отдельных выдающихся лиц и преимущественно из среды белого духовенства...»¹⁴

Стоит признать, что возросший образовательный и культурный уровень клириков привел к печальным последствиям. Весь XIX в. духовенство высказывало недовольство своим материальным положением, хотя жили священнослужители гораздо лучше окружающих их крестьян. На одну церковь с односоставным причтом по закону полагалось 33 десятины — 30 дес. пашни и 3 дес. сенокоса. Помимо это духовенство получало платы за требы, что составляло основную часть его доходов. Благодаря настойчивым просьбам более половины всех причтов были переведены на государственные оклады. Тем не менее, рост потребностей намного опережал увеличение доходов и никак не мог к нему приблизиться. Духовенство, добиваясь улучшения своего материального положения, как бы ставило экономическое благополучие над душевным. Можно сказать, что ментальные установки самого духовного сословия изменились. Обладая огромным авторитетом и возможностью ежедневного общения с паствой, оно своим недовольством привело в движение и российское общество.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что духовенство разрывали различные установки, что сказывалось на менталитете сословия и психологии священнослужителей. Вопрос этот не являлся проблемой только духовного сословия. Как выразился Н.А. Бердяев: «Русский народ не может создать срединного гуманистического царства, он не хочет правового государства в европейском смысле этого слова. Это — аполитический народ по строению своего духа, он устремлен к концу истории, к осуществлению Царства Божьего. Он хочет или Царства Божьего, братства во Христе, или товарищества в антихристе, царства князя мира сего»¹⁵.

Духовенство как пастыри оказывали огромное влияние на традиционное общество. Жертвой преломления сознания целого сословия в конечном итоге стало русское государство. Стоит вспомнить как легко и даже с неким воодушевлением духовенство восприняло Русскую революцию 1917 года¹⁶. И в этой же связи стоит упомянуть проявления мужества во время советской антицерковной политики времен гражданской войны. Не это ли доказывает стремление пастырей к независимости и следованию своим идеалам о земном устройстве, построенном на христианских ценностях.

Примечания

1. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 796, оп. 440, д. 101.
2. Определение взято из статьи Д.И. Овсянниково-Куликовского «Психология русской интеллигенции». В кн.: Интеллигенция в России. 1910 год. URL: http://www.yabloko.ru/Themes/History/ovsyani_koulik.html.
3. РАСКОЛЬНИКОВ Ф. Пушкин и религия. — Вопросы литературы. 2004, № 3. <http://magazines.russ.ru/voplit/2004/3/ras4.html>.
4. АНДРЕЕВ А. Русский человек (особенности менталитета). http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/And_RuChel.php.

5. ФРАНК С. Религиозные основы русской общественности. — Путь. 1925, сентябрь, № 1, с. 10.
6. ОВСЯННИКОВО-КУЛИКОВСКИЙ Д.И. Психология русской интеллигенции. в кн.: Интеллигенция в России. 1910 год.
7. Миссионерское Обозрение. 1901, № 11, с. 535.
8. БЛИНОВ Н.Н. Дань своему времени. — Урал. 1981, № 2, с. 178.
9. ТРУШКОВ С.А. Административно-полицейские органы Вятской губернии второй половины XIX — начала XX вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ижевск. 2001.
10. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в). Т. 1. СПб. 2000, с. 107.
11. CUNNINGHAM J.W. S nadezhdoi na sobor Russkoe religioznoe probuzhdenie nachala veka, "A Vanquished Hope The Movement for Church Renewal in Russia, 1905—1906". St. Vladimir's Seminary Press, Crestwood-New York. 1981, p. 91.
12. БУЛГАКОВ С.Н. Героизм и подвижничество (из размышлений о природе русской интеллигенции). В кн.: Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. М. 1909.
13. ФЁДОРОВ В.А. Русская православная церковь и государство: Синодальный период (1700—1917). М. 2003, с. 124.
14. ШАВЕЛЬСКИЙ Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк. 1954, с. 157.
15. БЕРДЯЕВ Н.А. Размышления о русской революции. URL: http://www.vehi.net/berdyayev/rus_rev.html.
16. БАБКИН М.А. События первой русской революции и Святейший Синод Русской Православной Церкви (1905—1906 гг.). — Уральский исторический вестник (Екатеринбург). 2008, № 4(21), с. 30—38.

Основные проблемы российского беженства 1915—1925 гг. в отечественной и зарубежной историографии

И.Б. Белова

Аннотация. В работе рассматриваются основные проблемы российского беженства 1915—1925 гг., освещенные в трудах отечественных и зарубежных историков. Приводятся данные историко-демографических исследований о численности беженцев первой мировой войны. Показан вклад в историографию авторов первых специальных работ по этой проблематике. Представлены выводы ученых по вопросу государственной политики в отношении беженцев. Делается вывод о степени изученности данной проблематики.

Ключевые слова: историография, беженцы первой мировой войны, беженство, численность беженцев, эвакуация и реэвакуация, Центропленбеж, Центрэвак.

Abstract. The article deals with the main problems issues of Russian refugee phenomenon (bezhenstvo) of 1915—1925, which are covered in the works of Russian and foreign historians. The article cites data of historic and demographic studies on the number of World War 1 refugees. The paper also shows the contribution into the historiography of Russian refugee phenomenon made by the first specialized studies of the matter. It presents the findings of scientists on the matter of the state policy towards refugees. The conclusion is made as to the level to which the problems of refugees are studied.

Key words: historiography, refugees of the First World War, bezhenstvo, the number of refugees, evacuation and re-evacuation, Centroplenbez, Centrjevak.

Массовое движение беженцев из западных прифронтовых районов, связанное с отступлением русской армии в августе 1915 г., по своим огромным масштабам стало беспрецедентным явлением в мировой истории. Благодаря современникам — представителям организаций, оказывавших им помощь, это явление зафиксировано в истории ¹.

В советский период в исследованиях по истории первой мировой войны проблема беженства не затрагивалась ². Статья о беженцах, имевшаяся в первом издании Большой советской энциклопедии 1927 г. ³, «исчезла» из нее при последующих изданиях. Некоторые аспекты проблемы отражались историками при рассмотрении других вопросов. Так, А.М. Анфимов, отмечает «колоссальность беженской волны» летом 1915 г. во время немецкого наступления, недостатки обслуживания беженцев в период их массового движения, участие беженцев в сельскохозяйственных работах в районах их временного расселения ⁴. В работе Н.П. Ерошкина по

Белова Ирина Борисовна — доктор исторических наук, профессор Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: irina-25.01@mail.ru.

Belova Irina B. — PhD (History), professor at the Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky. E-mail: irina-25.01@mail.ru.

истории государственных учреждений дореволюционной России имеются данные о создании в августе 1915 г. Особого совещания по устройству беженцев⁵.

Вопрос о численности беженцев первой мировой войны поднимался в работах советского периода, посвященных демографическим проблемам⁶. Так, Е.З. Волковым, автором одного из первых историко-демографических исследований в советской науке, к началу 30-х гг. XX в. была подсчитана общая численность беженцев к концу первой мировой войны, которая составила 7 421,4 тыс. человек. При этом исследователь полагал, что эта цифра, «может в большей мере считаться преуменьшенной, чем преувеличенной»⁷. Заметим, что на основании данных картотеки беженцев с количеством карточек до 2,5 млн штук, в каждой из которых имелись сведения о членах семьи, а также с учетом среднего состава семьи в три человека нетрудно подсчитать общее количество беженцев — не менее 7,5 млн человек. Об этой картотеке статистического отдела НКВД пишет Е.З. Волков, ссылаясь на работу М.М. Грана «Опыт изучения санитарных последствий войны 1914—1917 гг. в России»⁸. Следует отметить также, что в последующие 70 лет новых данных об общей численности беженцев первой мировой войны не появилось⁹. В.М. Кабузан считает, что численность репатриантов, возвратившихся в 1918—1924 гг. в Латвию, Литву, Эстонию и Польшу, составила около 2 млн человек¹⁰, при этом около 3 млн беженцев так и не вернулись в родные места, хотя часть из них, возможно, возвратилась нелегально¹¹. По мнению специалиста в области исторической демографии и исторической географии академика Ю.А. Полякова, статистические данные, относящиеся к 1917—1923 гг., нельзя считать достоверными из-за неудовлетворительной организации работы по регистрации актов гражданского состояния. Относительно количества беженцев, а также гибели немалой их части от голода и болезней автор согласен с Е.З. Волковым. Проблему беженцев, порожденную первой мировой войной, Поляков считает «довольно сложной, запутанной и противоречивой»¹².

По мнению курского историка А.Н. Курцева, численность беженцев первой мировой войны могла составлять около 5 млн человек. При этом он сослался на Пироговский съезд врачей, который в 1916 г. после предварительных колебаний остановился именно на этой цифре¹³. Историк-демограф С.Д. Морозов считает, что несмотря на свою неточность данные отечественной историографии о численности беженцев первой мировой войны отражают масштабы беженства¹⁴.

С конца 1990-х гг. издавались работы, специально посвященные проблеме российских беженцев. В 1997—1999 гг. появились исследования на эту тему российских историков А.Н. Курцева¹⁵, В.В. Хасина¹⁶ и английского историка, профессора Манчестерского университета Питера Гетрелла¹⁷. Хасин в 1997 г. обратился к опыту решения миграционных проблем в России в период первой мировой войны. Этот опыт он назвал уникальным, а перемещение населения с западных окраин империи внутрь страны с августа по декабрь 1915 г. — грандиозным по своим размерам¹⁸. Хасин в диссертационной работе рассмотрел историю создания и функционирования государственной системы помощи беженцам первой мировой войны¹⁹. По мнению автора, до принятия закона от 30 августа 1915 г. «Об обеспечении нужд беженцев», массовое движение беженцев находилось под контролем государства и регулировалось распоряжениями Министерства внутренних дел (МВД). Благотворительные организации, в том числе и национальные, через свои центральные комитеты финансировались кредитной комиссией при МВД²⁰. По мнению исследователя, правительство было вынуждено отказаться от намерения поручить руководство попечением о беженцах в местах их водворения администрации эвакуированных губерний из-за множества технических трудностей, возникших при осуществлении этого проекта. В результате эта обязанность была возложена на администрацию мест водворения. Рассматривая всю вертикаль созданной службы, Хасин приходит к выводу, что правительству в предельно сжатые сроки удалось создать такую структуру помощи беженцам, которая не позволила ввергнуть страну в хаос бесконтрольного перемещения, чего, заметим, не удалось избежать советским эвакуационным структурам. Историк считает, что экономические трудности стали одной из причин начала к 1917 г. стихийной миграции беженцев²¹.

А.Н. Курцев в своей статье, опубликованной в августе 1999 г., используя большой фактический материал, впервые показал многообразную картину российского беженства до 1917 г. включительно²². В этом, думается, и состоит ценность этой работы несмотря на отсутствие в ней обобщающих весь представленный материал выводов.

Первой работой английского историка П. Гетрелла, переведенной на русский язык, стала его работа «Беженцы и проблема пола в России во время Первой мировой войны»²³. В ней историк предложил «спасти от исторического забвения миллионы беженцев, несправедливо обойденных вниманием исследователей». В работе «Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I»²⁴ автор пришел к выводу, что основной причиной вынужденных миграций населения западных российских губерний являлись действия неприятельских войск. Отношение населения к беженцам в досоветский период, о котором пишет П. Гетрелл, он назвал «сложным»: как доброжелательным, так и неприязненным. Здесь следует заметить, что неприязненное отношение к людям, пострадавшим от войны, не получило распространения в России в отличие от доброго, которое стало определяющим. Об этом говорили беженцы в своих воспоминаниях, которые автором не анализировались. В статье «Беженцы в России в годы Первой мировой войны» Гетрелл только поставил вопрос о том, насколько помощь беженцам была эффективна и что она значила для них самих²⁵, но сам на него не ответил.

С 2000-х гг. данная проблематика активно изучалась белорусскими историками²⁶, а также исследователями из Прибалтики, Украины и Германии²⁷. Так, В.С. Утгоф, анализируя российскую государственную политику по созданию системы попечения о беженцах, пришел к обоснованному выводу, что с осени 1915 г. национальные организации помощи беженцам выполняли функции низовых структур системы попечения о беженцах, деятельность которых координировалась и финансировалась государством²⁸.

Касаясь работы национальных латышских организаций по оказанию помощи беженцам первой мировой войны в имперский период, историки из Латвии Т. Бартеле и В. Шалда²⁹ отмечали, что эти организации получали средства на беженские пайки от государства. Так, Латышскому Центральному Комитету по оказанию помощи беженцам царское правительство выделило на нужды его подопечных около 25 млн рублей. Заметим, что эта сумма соответствовала суммам, получаемым другими национальными комитетами, опекавшими такое же количество беженцев. По мнению авторов, численность латышских беженцев в 1915 г. составляла 760 тыс., включая рабочих, эвакуированных вместе с предприятиями.

С.Ф. Лапанович (Белоруссия) оценивает государственную помощь, как «достаточную для поддержания физической жизнедеятельности беженцев» и как «недостаточную для восстановления их работоспособности»³⁰. Между тем заметим, что по мере роста продовольственных затруднений в стране беженцам трудоспособного возраста предлагалась работа и настоятельно рекомендовалось не отказываться от нее для улучшения своего материального положения. Семьи, состоявшие из матери и малолетних детей, в которых женщина не могла работать, жившие на пособия, обращались за дополнительной помощью в Татьянинский комитет и другие благотворительные организации и получали ее. Эти организации и по своей инициативе старались выявлять такие семьи, чтобы оказывать им дополнительную помощь.

Вывод С.Ф. Лапановича о существовавшей конкуренции за получение финансовых средств из казны между национальными организациями, опекавшими беженцев русской и нерусской национальности, представляется неубедительным, поскольку национальные организации финансировались с учетом количества опекаемых ими беженцев.

Литовский историк А. Каспяравичус отмечает, что эвакуация населения из «литовских» губерний в связи с отступлением русской армии в 1915 г. была для населения тяжким испытанием, но эвакуированные в большинстве случаев устроились в местах временного проживания относительно неплохо. На занятых же немцами территориях был введен строгий оккупационный режим, сопровождавшийся грабежами. В таких условиях население, по данным источников, желало возвращения русской армии и изгнания немцев³¹.

Об оккупационном режиме, установленном в Прибалтике и Польше, пишет немецкий исследователь К. Вестерхофф³². Он отмечает, что немецкие оккупационные власти первоочередное внимание уделяли набору на принудительные работы в Германии. Так, за время войны было нанято более 200 тыс. рабочих. Набор стимулировался путем закрытия местного частного бизнеса, сокращения материальной поддержки безработных. С осени 1916 г. был установлен принудительный порядок привлечения к работам. Так, из русской части Польши депортировали 5 тыс. чел. (преимущественно евреев) в Прибалтику и заставили работать в «Батальонах гражданских рабочих». В самой Прибалтике в эти батальоны мобилизовали не менее 10 тыс. человек. Рабочие использовались на строительстве дорог, на сельскохозяйственных и лесных работах. Условия труда и жизни были тяжелыми, а его производительность — низкой. Между тем в Прибалтийской оккупационной зоне принудительный труд практиковался до самого окончания оккупации в ноябре 1918 года.

Ряд исследований посвящен проблеме еврейских беженцев³³. По мнению Г.З. Иоффе (Канада), российские правящие круги имели основание подозревать евреев в сочувствии к противнику из-за антиправительственных и антироссийских настроений, на которые и рассчитывали в Германии; командующие фронтами и армиями, генерал-губернаторы и главноначальствующие губерний были наделены правом принятия чрезвычайных мер, необходимых для успеха ведения военных действий. Автор отметил отсутствие точных данных о количестве покинувших родные места обитателей черты оседлости, попавшей в сферу военных действий³⁴. С.А. Пивоварчик (Белоруссия) считает, что в губерниях, примыкавших к линии фронта, военные власти действовали на законных основаниях, высылая оттуда еврейское население по подозрению в пособничестве врагу. Эти превентивные меры, по мнению автора, оправдывались военной необходимостью³⁵. По вопросу миграции еврейского населения западных окраин России М.А. Златина, в частности, отмечает, что к началу лета 1915 г. с изменением ситуации на фронте не в пользу русской армии количество беженцев в прифронтовых районах увеличилось. В итоге, в августе 1915 г. началась их массовая эвакуация, включая и еврейское население, вглубь России. В это же самое время правительством было принято решение о расширении черты оседлости³⁶.

Л.Н. Жванко (Украина) положительно оценивает усилия государственной власти России, создавшей действенную систему попечения о беженцах и финансировавшей организацию, включенные в эту систему, в том числе местные самоуправления и национальные благотворительные организации помощи беженцам³⁷.

В исследованиях последних лет широко представлена тематика, связанная с общественно-политической и социально-экономической обстановкой в российской провинции имперского военного периода. В этих работах в качестве одного из направлений рассматриваются и миграционные процессы, связанные, в частности, с эвакуацией беженцев в тыловые губернии России, их размещением, удовлетворением их нужд, включая содействие в трудоустройстве³⁸.

Исследования, посвященные проблематике беженцев периода 1918—1925 гг., появились также с конца 1990-х годов. Н.В. Лахарева впервые исследовала эту проблему на примере Курской губернии в 1918—1925 годов³⁹. По мнению автора, при отсутствии планомерной эвакуации происходил стихийный отъезд беженцев на родину летом и осенью 1918 года. Тогда выехало почти 60% беженцев. Оставшиеся семьи не получали реальной помощи от государства и подвергались гонениям со стороны местных жителей. Следует добавить, что местные сельские жители, давшие кров большинству беженцев, стали для них и работодателями, хотя сами преследовались большевистской властью. В 1920 г. беженцы снова двинулись на родину, не дожидаясь планомерной отправки. «Легальные эвакуанты» преобладали в 1921 г. среди уехавших пяти тысяч человек. К середине 1924 г. все зарегистрированные в Курской губернии беженцы (3,6 тыс.) отправились на родину. В мае 1925 г. репатриация беженцев первой мировой войны была официально завершена, а оставшиеся без уважительной причины беженцы теряли свой статус и объявлялись советскими гражданами⁴⁰.

По проблеме военной миграции в России в 1914—1922 гг. наиболее часто современные исследователи цитируют И.П. Щерова⁴¹. В своих работах о деятельности Центральной колле-

гии по делам пленных и беженцев (Центропленбежа), а также ее органов в Смоленском крае он пишет о позитивном отношении мигрантов первой мировой войны к советской власти. Этот вывод делается на том основании, что беженцы служили в рядах Красной армии. Однако заметим, что практически все беспартийные беженцы оказывались в Красной армии по мобилизации (за редким исключением). Говоря об отношении беженцев к советской власти, надо иметь в виду, что с января 1918 г. они были лишены постоянных пайков, введенных в 1915 г., а все прежние организации, занимавшиеся оказанием помощи жертвам войны, были ликвидированы новой властью. При этом в задачи созданной советской эвакуационной организации — Центропленбежа — входило оказание помощи беженцам только с момента их посадки в вагоны для реэвакуации, которая, едва начавшись летом 1918 г., была в начале 1919 г. приостановлена. Такая политика по отношению к беженцам не могла способствовать их позитивному взгляду на советскую власть, что выразилось в массовых стихийных отъездах сразу после заключения Брестского мирного договора на родину и в хлебопроизводящие районы. Смена власти в России в октябре 1917 г. обернулась для подавляющего большинства беженцев настоящей катастрофой, о чем свидетельствуют их воспоминания.

По мнению Щерова, упразднение в конце 1919 г. культурно-просветительных отделов местных органов Центропленбежа объясняется выполнением ими своей основной задачи, состоявшей в превращении, в частности, беженцев, ожидавших реэвакуации, в сторонников и защитников советской власти. Отметим, что это мнение автора совпадает с мнением партийного руководства Центропленбежа, также не подкрепленным фактическим материалом. А между тем становиться, например, вооруженными защитниками советской власти беженцев обязывал декрет «О всеобщей воинской обязанности», принятый в мае 1918 г. вместо декрета о формировании Красной армии на добровольных началах. Именно этот декрет и позволил сформировать Красную армию, в том числе, и за счет беженцев, а не деятельность культурно-просветительных отделов местных органов Центропленбежа, показавших, по данным источников, свою полную неэффективность, в том числе, из-за недостатка денежных средств и подготовленных партийных работников.

Перечисляя функции местных органов Центропленбежа, Щеров называет среди них оказание материальной помощи беженцам⁴². Между тем люди в период длительного ожидания своей очереди на реэвакуацию не получали государственных пособий и были предоставлены самим себе. Только в процессе реэвакуации им выдавались продукты питания. Можно добавить, что вопрос о пособиях, по инициативе местных органов Центропленбежа, обсуждался Советом народных комиссаров (СНК), но в итоге так и не был решен положительно. Среди причин, по которым СНК принял решение о ликвидации эвакуационных органов, автор выделяет резкое сокращение численности контингента, подлежащего реэвакуации, финансовый и продовольственный кризис, разразившийся в Советской России в 1921—1922 годах⁴³. При этом не анализируются причины резкого сокращения численности беженцев, подлежащих реэвакуации. Между тем, эти причины имеют прямую связь с политикой большевиков и руководимого ими Центропленбежа в отношении беженцев⁴⁴. Отмечая, что на момент ликвидации губернских и уездных пленбежей в стране оставались беженцы, Щеров не указал, как эта ликвидация отразилась на общих сроках проведения реэвакуации и когда этот процесс вообще был закончен. Кроме того, автор не обосновал свое утверждение о том, что советское правительство стремилось «выполнить во что бы то ни стало все взятые на себя международные обязательства по реэвакуации беженцев»⁴⁵.

Характеристика правового положения беженцев в 1918—1923 гг. стала одной из исследовательских задач М.А. Засыпкина⁴⁶. При этом автор не анализирует важнейшие законодательные акты, касающиеся прав беженцев в Советской России, например, декрет СНК от 21 июня 1918 г., появившийся в дополнение к декрету об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев⁴⁷. Согласно этому декрету, беженцы подлежали попечению Центральной коллегии по делам пленных и беженцев лишь с момента их реэвакуации. Возникает вопрос, в чем же ведении находились беженцы на территории Советской России до реэвакуации и

какова была политика властных структур по отношению к ним? Из поля зрения Засыпкина выпало и судьбоносное постановление НКВД от 21 марта 1918 г., в котором говорилось о прекращении с 1 января 1918 г. выдачи казенного беженского пайка⁴⁸. Указанные нормативно-правовые акты однозначно и прямо вели к ухудшению материального положения беженцев в условиях отсутствия на тот момент их плановой реэвакуации и способствовали их стихийному движению как к западным границам, так и в юго-восточные хлебопроизводящие районы. Кроме всего прочего, для поимки беженцев, уезжавших самостоятельно, выставлялись заградительные отряды, которые отбирали документы и направляли всех на принудительные работы⁴⁹.

Декрет СНК «Об использовании рабочей силы беженцев» от 19 сентября 1919 г.⁵⁰, создававший препятствия в осуществлении права на реэвакуацию беженцам, зарегистрировавшимся и поступившим в распоряжение отделов труда, был оставлен исследователем без внимания. Не анализировались им и нарушавшие права беженцев секретные циркуляры НКВД и Центрэвака⁵¹, противоречившие международным соглашениям по реэвакуации беженцев. Из работы не ясно, какие цели преследовала власть, издавая декрет от 27 июля 1918 г. «Об уравнении беженцев, оставшихся в российском гражданстве, с остальными гражданами республики»⁵², и какие права в результате получили беженцы. Автор также не отразил результаты деятельности «аппаратов пленбежей» в соответствии с декретом СНК от 28 января 1919 г. «Об обязанностях Центральной коллегии о пленных и беженцах по отношению к беженцам, подлежащим реэвакуации». Очевидно, что невозможно объективно оценить правовое положение беженцев, не проанализировав важнейшие законодательные акты, определявшие это положение.

В.С. Утгоф пишет, что в Советской России вместо ликвидированной системы попечения о беженцах была создана система по организации их возвращения на родину. Советское правительство, по заключению автора, мало заботилось о беженцах, поэтому, когда они в 1921 г. получили возможность легального возвращения на родные земли, к этому времени находившиеся уже в составе Польской Республики, большинство из них воспользовалось этой возможностью⁵³.

С середины 1990-х гг. стали появляться исследования об открытии в различных регионах страны в 1919—1920 гг. концентрационных лагерей принудительных работ. Исследователи отмечали, что контингент этих лагерей составляли, в том числе, и беженцы первой мировой войны⁵⁴.

В настоящее время отечественная историография обогатилась исследованиями, отражающими успешную деятельность власти и общества Российской империи по осуществлению в предельно короткие сроки эвакуации, размещения и обеспечения нужд миллионов беженцев из прифронтовых районов, вынужденно, в связи с военными обстоятельствами, покинувших свои родные места, что позволило избежать хаоса их неконтролируемого передвижения. При этом массовый исход 1915 г. из-за своих значительных масштабов и интенсивности, несмотря на принятые государством меры поддержки пришедшего в движение населения, сопровождался людскими потерями. Сегодня отечественная историография располагает рядом работ, авторами которых признается правомерность и целесообразность выселения военными властями лиц еврейской национальности из западных губерний, в установленном порядке объявленных располагающимися на театре военных действий.

В результате проведенных исследований также установлено, что имперская система попечения о беженцах была ликвидирована большевиками с одновременным созданием эвакуационных органов. При этом гарантированная беженцам реэвакуация из Советской России растянулась на годы и была завершена только в 1925 году. Историки-демографы отмечают, что данные отечественной историографии о численности беженцев первой мировой войны (от 5 до более 7,5 млн чел.) хотя и являются неточными, но в то же время отражают масштабы беженства. В настоящее время исследователи только приступают к освещению таких проблем как политика, проводимая по отношению к беженцам советским правительством, Центропленбежем и преемниками этой организации, а также сравнительная характеристика положения беженцев в имперской и Советской России⁵⁵. Привлекаются воспоминания, оставленные беженцами первой мировой войны, издаваемые в Белоруссии и Польше⁵⁶, материалы конференций

и исторических исследований⁵⁷, проводимых в этих государствах. Необходимость дальнейшей разработки этой проблемы подтверждает и тот факт, что в капитальном исследовании «Мировые войны XX века» этой проблеме посвящено неполных полстраницы⁵⁸, а в энциклопедическом словаре «Первая мировая война», подготовленном к 100-летию ее начала, статья о беженцах вообще отсутствует⁵⁹.

Примечания

1. КУСТОВ Н.И. Краткие очерки о деятельности национальных и благотворительных организаций, оказывавших помощь беженцам в г. Москве. М. 1917; БРАУДЕ Х. Еврейское население г. Воронежа: Данные переписи 1917 года. М. 1918; КЕРСТЕН Я. Литовские беженцы в Туле. Тула. 1917.
2. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А.М. Мировая война 1914—1918 гг. М. 1938; ВЕРЖХОВСКИЙ Д.В. Первая мировая война 1914—1918 гг. М. 1954; История первой мировой войны 1914—1918. М. 1975; Первая мировая война. М. 1968; Исторический опыт трех российских революций. М. 1985 и др.
3. Беженство. В кн.: Большая советская энциклопедия. Т. 5. М. 1927, ст. 176—178.
4. АНФИМОВ А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М. 1962, с. 106—107, 201, 354; см. также: КИТАНИНА Т.М. Война, хлеб и революция. (Продовольственный вопрос в России, 1914 — октябрь 1917 г.). Л. 1985. с. 51, 56.
5. ЕРОШКИН Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. 1968, с. 302.
6. ЛУБНЫ-ГЕРЦЫК Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М. 1926; УРЛАНИС Б.Ц. Динамика населения России накануне Октября. В кн.: Ученые записки ВЗЭИ. 1957; ДРОБИЖЕВ В.З. Естественное движение населения Советской России в 1917—1920 гг. В кн.: Великий Октябрь: История, историография, источниковедение. М. 1978; ВОЛКОВ Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.-Л. 1930; ПОЛЯКОВ Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М. 1986.
7. ВОЛКОВ Е.З. Ук. соч., с. 72.
8. Там же, с. 72—73.
9. См., например: БРУК С.И., КАБУЗАН В.М. Миграционные процессы в России и СССР. М. 1991; КАБУЗАН В.М. Русские в мире: динамика численности и расселения (1917—1989 гг.). СПб. 1996; ПОЛЯКОВ Ю.А. Ук. соч.; ЕГО ЖЕ. Историческая наука: Люди и проблемы. Кн. 3. М. 2009.
10. КАБУЗАН В.М. Ук. соч., с. 230.
11. БРУК С.И., КАБУЗАН В.М. Ук. соч., с. 93.
12. ПОЛЯКОВ Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны, с. 86; ЕГО ЖЕ. Историческая наука: Люди и проблемы, с. 50—62.
13. КУРЦЕВ А.Н. Беженцы первой мировой войны в России (1914—1917). — Вопросы истории. 1999, № 8, с. 98—113.
14. МОРОЗОВ С.Д. Население Центральной России в 1897—1917 гг. Автореф. дисс. докт. ист. наук. М. 2002.
15. КУРЦЕВ А.Н. Ук. соч.; ЕГО ЖЕ. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914—1917 гг. В кн.: Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Курск. 1997, с. 33—64.
16. ЛАВРЕНТЬЕВ В.М., ХАСИН В.В. Миграционные процессы в России в Первую мировую войну. В кн.: Военно-исторические исследования в Поволжье. Сб. научных трудов. Саратов. 1997, с. 139—150; ХАСИН В.В. Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну (по документам Нижнего Поволжья). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Саратов. 1999.
17. GATRELL P. Refugees in the Russian Empire, 1914—1917. In: Critical Companion to the Russian Revolution, 1914—1921. London-Sydney-Auckland. 1997; EJUUSD. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington-Indiana. 1999; ГЕТРЕЛЛ П. Беженцы и проблема пола в России во время Первой мировой войны. В кн.: Первая мировая война. (Материалы международного научного colloquiuma). СПб. 1999, с. 112—125; ЕГО ЖЕ. Беженцы в России в годы Первой мировой войны. — Исторические записки. 2001, № 4 (122), с. 46—72.
18. ЛАВРЕНТЬЕВ В.М., ХАСИН В.В. Ук. соч., с. 139.

19. ХАСИН В.В. Ук. соч.
20. ЛАВРЕНТЬЕВ В.М., ХАСИН В.В. Ук. соч., с. 143—144.
21. Там же.
22. КУРЦЕВ А.Н. Беженцы первой мировой войны в России, с. 98.
23. ГЕТРЕЛЛ П. Беженцы и проблема пола в России, с. 112—125.
24. GATRELL P. A Whole Empire Walking...
25. ГЕТРЕЛЛ П. Беженцы в России в годы Первой мировой войны...
26. УТГОФ В.С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914—1922. Дисс. канд. ист. наук. СПб. 2003; ЛАПАНОВІЧ С.Ф. Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 — кастрычнік 1917 г.). Мінск. 2010; СКАЛАБАН В.В. Белорусские беженцы Первой мировой войны: перспективы изучения. В кн.: Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. М. 2006; ЕГО ЖЕ. «... В это суровое и важное время». — Неман. 1981, № 12; КАРНЯЛЮК В.Р. Фактары гісторыка-дэмаграфічных змен у складзе насельніцтва Беларусі ў 1913—1918 гг. Аўтарэф. дыс. канд. гіст. навук. Мінск. 2001; САМАТЫЯ В. Проблема беженцев в Белоруссии в годы Первой мировой войны: http://www.nlr.ru:8101/exib/war_1/p39.htm.
27. КАСПЯРАВИЧУС А. Первая мировая война: литовское общество и его историческая память. В кн.: Первая мировая война в истории и культуре России и Европы: сб. статей международной научно-практической конференции. Калининград. 2013, с. 297—304; БАРТЕЛЕ Т., ШАЛДА В. Латышские беженцы в России в годы Гражданской войны. — Отечественная история. 2000, № 1, с. 18—31; ЖВАНКО Л.М. Біженці Першої світової війни: український вимір (1914—1918 pp.). Харків. 2012; WESTERHOFF C. German Labor and Occupation Policy in the western parts of the Russian Empire during the First World War. Текст выступления на международной научной конференции «Россия в Первой мировой войне», Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 3—5 июня 2014 года.
28. УТГОФ В.С. Ук. соч.
29. БАРТЕЛЕ Т., ШАЛДА В. Ук. соч., с. 18—31.
30. ЛАПАНОВИЧ С.Ф. Ук. соч. По поводу названия монографии С.Ф. Лапановича «Деятельность государственных и негосударственных организаций по оказанию помощи беженцам в Беларуси в годы Первой мировой войны, 1914 — октябрь 1917 гг.» можно заметить, что национально-территориального образования «Беларусь» в указанный хронологический период не существовало.
31. КАСПЯРАВИЧУС А. Ук. соч.
32. WESTERHOFF C. Op. cit.
33. См., например: ИОФФЕ Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. — Вопросы истории. 2001, № 9, с. 85—97; ПИВОВАРЧИК С.А. Трагедия Первой мировой войны: «евреи-шпионы» (по материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно). В кн.: Мировой кризис 1914—1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М. 2005; ЗЛАТИНА М.А. Проблема еврейского беженства в России в период Первой мировой войны. Дисс. канд. ист. наук. СПб. 2010.
34. ИОФФЕ Г.З. Ук. соч.
35. ПИВОВАРЧИК С.А. Ук. соч.
36. ЗЛАТИНА М.А. Ук. соч.
37. ЖВАНКО Л. М. Ук. соч.
38. БУКАЛОВА С.В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 — февраль 1917 года). Дисс. канд. ист. наук. Орёл. 2005; ШИШКИНА С.Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 — февраль 1917). Тюмень. 2006; ТРОШИНА Т.И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск. 2014; БЕЛОУСОВ С.В., СУХОВА О.А., ЮДИН С.О. Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны. Пенза. 2015; Первая мировая война и военно-мобилизационные мероприятия в Среднем Поволжье и Центральном Черноземье. М. 2015 и др.
39. ЛАХАРЕВА Н.В. Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1918—1925 гг.: На примере Курской губернии. Дисс. канд. ист. наук. Курск. 1999; ЕЕ ЖЕ. Резвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918—1925). Курск. 2001.
40. ЕЕ ЖЕ. Резвакуация беженцев..., с. 154—155.

47. ЩЕРОВ И.П. Организация и деятельность коллегий по делам пленных и беженцев в Смоленском крае. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М. 1998; ЕГО ЖЕ. Смоленский пленбеж: создание и деятельность. Смоленск. 2000; ЕГО ЖЕ. Миграционная политика в России 1914—1922 гг. Смоленск. 2000; ЕГО ЖЕ. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918—1922 гг. Смоленск. 2000.
42. ЕГО ЖЕ. Военная миграция в России в 1914—1922 гг. Автореф. дисс. докт. ист. наук. М. 2001.
43. Там же, с. 24.
44. Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей. СПб. 2015, с. 180—182.
45. ЩЕРОВ И.П. Военная миграция..., с. 29.
46. ЗАСЫПКИН М.А. Организационно-правовые основы деятельности НКВД РСФСР по решению проблемы беженцев (1918—1923 гг.). Дисс. канд. юрид. наук. М. 2008.
47. Декреты Советской власти. Т. 2. М. 1959, с. 462—463.
48. Государственный архив Калужской области, ф. Р-2019, оп. 1, д. 1, л. 30—31.
49. См.: СИЛИНА И.Г., ЩЕТИНИНА А.С. Вынужденные мигранты в Алтайском регионе в первые годы Советской власти: национальные, правовые, социальные аспекты. В кн.: Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы. Барнаул. 2005, с. 139.
50. Декреты Советской власти. Т. 6. М. 1973, с. 122—123.
58. Центрэвак — Центральное управление по эвакуации населения, новое название Центропленбежа с февраля 1920 года.
52. Декреты Советской власти. Т. 3. М. 1964, с. 103.
53. УТГОФ В.С. Ук. соч.
54. СИЛИНА И.Г., ЩЕТИНИНА А.С. Ук. соч., с. 138.
55. Первая мировая война — пролог XX века. Материалы международной научной конференции. М. ИВИ РАН — МГУ им. М.В. Ломоносова — МГПУ, 8—10 сент. 2014 г. Ч. I. М. 2014, с. 273—276.
56. Бежанства 1915 года. В кн.: РЭД, В. Луба. Беласток. 2000 (2-е изд.: Беласток. 2015); ФЮНИК Д. Бежанство. Дорога і повороты. 1915—1922. Бельск Подлясский. 2015.
57. Беларускі гістарычны зборнік. Беласток. 2013, № 40; Wojna i ludzie. Społeczne aspekty I wojny światowej w europie wschodniej. Ciechanowiec. 2015.
58. См.: Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. М. 2002, с. 371.
59. Первая мировая война. Энциклопедический словарь. М. 2014; в энциклопедии присутствует только статья «Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж)», с. 407.

Действия XI Красной армии в Северном Азербайджане в азербайджанской историографии

А.Э. Назарли

Аннотация. Советская историография характеризовала XI Красную армию как освободительную и дружескую. Только с обретением независимости с 90-х гг. XX в. азербайджанская историография приобрела возможность объективно исследовать действия армии на территории Северного Азербайджана.

Ключевые слова: Азербайджан, XI Красная армия, историография.

Abstract. Soviet historiography characterized XI Red Army as a liberation and friendly army. Only since independence in 90s of the XX century Azerbaijani historiography has acquired the opportunity to investigate objectively the operations of the army on the territory of Northern Azerbaijan.

Key words: Azerbaijan, XI Red Army, historiography.

XX век по насыщенности историческими событиями и их значимости не поддается сравнению ни с одной эпохой в истории человечества. Это был век революций и переворотов, двух мировых войн, перекроивших карту Европы и Азии, а также судьбы миллионов людей на этих континентах. Находящийся на стыке этих цивилизационных полей Азербайджан также не избежал потрясений прошедшего столетия, дважды добившись установления своей государственной независимости. Первая демократическая республика, провозглашенная в Азербайджане в 1918 г., была уничтожена в 1920 г. с помощью XI Красной армии РСФСР, действия которой являются темой данного историографического исследования.

В азербайджанской советской историографии тема установления Советской власти в Азербайджане стала одной из самых популярных и, соответственно, наиболее глубоко исследованных. Достаточно отметить, что указатель литературы по этой проблеме, изданный в 1988 г., включает 930 наименований. Сюда входят: библиография, справочные издания, историография, источниковедение, документы, произведения руководящих деятелей партии большевиков, воспоминания, историческая литература¹.

В азербайджанской историографии советского периода деятельность XI Красной армии характеризовалась как освободительная, направленная на оказание интернациональной помощи революционному пролетариату Азербайджана и его союзнику-крестьянству в свержении господства ханов и беков². Замалчивались или фальсифицировались истинные цели и дей-

---

Назарли Азиза Энвер гызы — доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник Института истории им. А. Бакиханова НАН Азербайджана. E-mail: science@science.az.

Nazarli Aziza E. — PhD in history, leading researcher at the Institute of History named after A. Bakikhanov. NAS of Azerbaijan. E-mail: science@science.az.

ствия, приведшие 27 апреля 1920 г. к падению независимой Азербайджанской Республики (1918—1920 гг.). Северный Азербайджан вторично был оккупирован теперь уже не царской, а Советской Россией. Оккупация, вызвавшая антисоветские восстания и последовавшие за ними многочисленные расстрелы их участников, стала освещаться как бескровная, мирная социалистическая революция, народные восстания — как вооруженное сопротивление контрреволюции, а их беспощадное подавление — как борьба с бандитизмом. Объектом исследования была и проблема участия политорганов Красной армии в партийном и советском строительстве. Во всех исследованиях превалировал классовый, а не объективный исторический подход.

Ни в одной работе не были показаны негативные стороны «освободительной миссии» XI Армии для жителей Азербайджана, истинное отношение советских войск как к местному населению, так и местной власти. Бесспорно, это не может служить основанием для упрека авторам этих работ, которые при всем желании не могли дать объективную картину происходивших событий. В тоталитарном государстве исторические концепции, как известно, спускались сверху высшим партийным аппаратом, и вышедшие за пределы этих концепций историки могли бы оказаться в рядах диссидентов, а в 30—40-е гг. даже поплатиться собственной свободой и жизнью, как это и произошло с некоторыми из них. Относительно объективную картину могли позволить себе написать зарубежные историки — Р. Пайпс, Ф. Каземзаде, Т. Свенточовский, О. Альштадт или азербайджанские эмигранты — деятели первой азербайджанской республики М.Э. Расулзаде, М.Б. Мамедзаде, Н.Б. Шейхзаманлы и другие.

Только благодаря произошедшим демократическим процессам в обществе через 71 год была дана политическая оценка историческим событиям апреля 1920 года³. С распадом СССР в азербайджанской историографии произошел перелом в освещении событий, связанных с советизацией страны. Появились объективные исторические исследования, благодаря которым общественность получила возможность узнать правду о деятельности XI Красной армии⁴.

Среди работ по поднятой проблеме следует отметить статью Б. Рафиева «1920-й: голодный и обобранный», вышедшую в газете «Вышка» 26 мая 1992 года. В ней освещена политика Советской России по отношению к советизированному Азербайджану и итоги первого года пребывания здесь XI Красной армии. В статье впервые описывается процесс расхищения материальных богатств азербайджанского народа, приведший в итоге к его обнищанию.

Конечно, любой исследователь истории Азербайджана 1920—1921 гг. акцентирует внимание на деятельности председателя Азербайджанского Революционного Комитета и председателя Совнаркома Н. Нариманова. Труды Ф. Ахмедовой и Г. Гасанова, изданные в последние годы, также посвящены самой значительной политической фигуре Азербайджана 20-х гг. XX века.

В монографии Ахмедовой⁵ исследовано участие Нариманова в процессе советизации Азербайджана. Автор показывает, что Нариманов искренне хотел верить в то, что Красная армия действительно являлась защитницей справедливости, спасительницей эксплуатируемых от эксплуататоров. С другой стороны, ее действия не могли не вызвать в его душе сомнения в своей правоте и двойственное отношение к советской действительности. В книге затрагиваются сложные взаимоотношения XI Армии с властью и населением Азербайджана.

Судьбе Нариманова посвящена также монография Гасанова⁶. Третья глава его исследования освещает борьбу Нариманова за реализацию его национально-государственных взглядов. Она охватывает период с апреля 1920 г. до марта 1925 г. и представляет собой наиболее интересную часть книги.

На основе новых фактов, Гасанов показал исторические заслуги Нариманова перед Азербайджанской государственностью. Несмотря на то, что в официальных советских документах он остался с клеймом «тюркского националиста», автор подчеркивает, что в памяти азербайджанского народа он остается государственным деятелем-патриотом. Нариманов пытался спасти выдающихся людей от репрессий Особого Отдела XI Красной армии. Он также привлекал лучшую часть интеллигенции к работе в органах власти республики. Автор справедливо полагает, что распоряжения и декреты азербайджанского советского правительства позволяют судить о личных качествах и мировоззрении Нариманова⁷.

Особенностью трудов Ахмедовой и Гасанова, по нашему мнению, является то, что эти авторы выделили ту сторону общественно-политической деятельности Нариманова, которая сегодня расценивается как оппозиция большевизму.

В монографии Ф. Ибишова (Ибрагимли) «Социально-политические процессы в азербайджанской деревне (1920—1930 гг.)» § 1 (с. 23—32) первой главы посвящен неудачным шагам Советской власти в уездах Азербайджана, деятельности Особого отдела XI Армии, поведению солдат, а § 3 этой главы (с. 45—52) рассказывает о народных восстаниях и движении сопротивления. Основную причину народного гнева автор видит в ограблении уездов и особенно в расстрелах невинных людей⁸. Рассуждая о причинах отсутствия в апреле 1920 г. сильного вооруженного сопротивления XI Армии⁹, автор указывает на ходившие в то время провокационные слухи о военной помощи Советской России турецкому освободительному движению во главе с Мустафой Кемалем.

В монографии Р.С. Мустафа-заде¹⁰ рассматриваются вопросы становления и развития азербайджано-российских отношений в период 1918—1922 годов. Особенный интерес представляет глава 3 (с. 144—159), охватывающая период первых месяцев правления большевиков в Азербайджане и повествующая о действиях красноармейцев в этот период.

Отдельные фрагменты истории присутствия XI Армии в северо-западном регионе Азербайджана описаны в монографии Ш. Рахманзаде¹¹.

Истории становления Советского Востока посвящена книга Й. Баберовски¹². В главе 4 «Большевизм и национал-коммунизм 1920—1923 гг.» автор пишет о терроре, продлившемся несколько месяцев, оставившем после себя страшные следы опустошения¹³, используя в своей работе материалы Российского государственного архива социально-политической истории. Отдельный параграф в книге посвящен деятельности Нариманова.

Все проанализированные книги, которых вышло не очень много, могли появиться в печати только после обретения Азербайджаном независимости в конце XX века.

Примечания

1. Böyük Oktyabr və Azərbaycanca Sovet hakimiyyətinin qələbəsi (1917—1920-ci illər). Bakı. 1988.
2. İBRAHİMOV Z. V.İ. Lenin və Azərbaycanca sosialist inqilabənən qələbəsi. Bakı. 1970; ƏLİZADƏ N. Böyük xalq inqilabı. Bakı. 1966; AMIRXANOVA-KULIŞ A.C., ZULPUKAROV Z.F. Помощь Красной Армии в социалистическом строительстве в Азербайджане. М. 1981; Интернациональная помощь XI Армии в борьбе за победу Советской власти в Азербайджане. Баку. 1989; ЛЕОНТЬЕВ Б. Красная армия — интернациональная армия (к XIX годовщине Красной Армии). — Революция и национальности. 1937, № 2, с. 48—54.
3. Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti Ensiklopediyası: İki cildə, I c. Bakı. 2004, с. 123.
4. БАЛАЕВ А. Азербайджанское национально-демократическое движение. 1917—1920 гг. Баку. 1990; ДАРАБАДИ П.Г. Военные проблемы политической истории Азербайджана начала XX в. Баку. 1991; РАФИЕВ Б.Дж. 1920-й: голодный и обобранный. — Вышка. 26.V.1992; NƏSİBZADƏ N. Azərbaycan Demokratik Respublikası (məqalələr və sənədlər). Bakı. 1990; НАСИРОВ Т. Борьба за власть в Азербайджане (1917—1920 гг.). Баку. 1993; NƏSƏNOV C. Azərbaycan beynəlxalq münasibətlər sistemində (1918—1920-ci illər). Bakı. 1993; АГАМАЛИЕВА Н., ХУДИЕВ Р. Азербайджанская Республика. Страницы политической истории 1918—1920 гг. Баку. 1994; ГУЛИЕВ Дж.Б. К истории образования Второй Республики Азербайджана. Баку. 1997; SÜLEYMANOV M. Müsəlman dünyasında ilk xalq cümhuriyyəti. Bakı. 1999; Azərbaycan tarixi: Yeddı cildə, V c. (1900—27 aprel 1920-ci illər), Bakı. 2001.
5. ЭНМЭДОВА Ф. Nəriman Nərimanov. İdeal və qərçəklik (1920-ci il), Bakı. 1998.
6. NƏSƏNOV H.Ə. Nəriman Nərimanovun milli dövlətçilik baxışları və fəaliyyəti. Bakı. 2005.
7. Ibid., с. 15.
8. İBİŞOV F. Azərbaycan kəndində sosial-siyasi proseslər (1920—1930). Bakı. 1996, с. 45.
9. Ibid., с. 23—24.
10. МУСТАФА-ЗАДЕ Р.С. Две Республики. Азербайджано-российские отношения в 1918—1922 гг. М. 2006.
11. RƏNMANZADƏ Ş. Azərbaycan — Qürüstən münasibətlərində ərazi məsələləri (Azərbaycanın Şimal-Qərb bölgəsinin materialları əsasında, 1917—1930-cu illərin əvvəlləri). Bakı. 2008.
12. БАБЕРОВСКИ Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М. 2010.
13. Там же, с. 249.

Б.С. КАГАНОВИЧ. *Евгений Викторович Тарле. Историк и время.* СПб. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2014, 357 с.

B.S. KAGANOVICH. *Evgueny Viktorovich Tarle. Historian and Time.* St-Petersburg. Publishing House of the European University in St. Petersburg. 2014, 357 p.

Новая монография известного петербургского историка, доктора исторических наук Бориса Соломоновича Кагановича, посвящена исследованию жизни Евгения Викторовича Тарле (1874—1955), который является «вероятно, самым известным и популярным историком, жившим в России в XX веке» (с. 7). По словам автора рецензируемой монографии, «многие важные факты биографии и научной эволюции Тарле до недавнего времени оставались неизвестными. Да и сейчас далеко не все детали могут считаться вполне выясненными» (с. 7). Представленная монография была подготовлена многочисленными более ранними публикациями Б.С. Кагановича и, по его признанию, представляет собой «итог многолетних разысканий и наблюдений» (с. 8). Поставленную перед собой задачу биограф стремится решить, сохраняя верность сложившемуся историко-биографическому канону и опираясь на достижения историографии последних десятилетий. «История науки есть не только история развития научных идей и методов, но и история людей, общества и культуры», — констатирует он (с. 7). Данный подход к истории науки и задачам исследования позволяет рассмотреть объект исторической биографии на более глубоком и объемном научном уровне. «Именно весьма значительная, как мне представляется, часть читателей хочет найти в биографиях не только и даже не столько любопытные факты и анекдоты, сколько понять психологию, а иногда и психопатологию героя биографии, в какой-то степени “примерить” эту психологию», — писал академик В.Л. Гинзбург¹.

Книга содержит портрет Е.В. Тарле (на фронтисписе издания) и состоит из введения, девяти глав, заключения, списка сокращений, указателя имен (составитель Л.Б. Вольфцун), интересного (хотя и немногочисленного) иллюстративного материала. Автор придерживается проблемно-хронологического принципа.

Во введении Каганович детально изучает историографию и источники вопроса. Он справедливо отмечает, что «посмертное Собрание сочинений Е.В. Тарле в 12 томах (М. 1957—1962)» не вполне удовлетворительно в научно-текстологическом плане и не включает в себя ряд важных трудов ученого, что побуждает исследователя обратиться к его прижизненным публикациям (с. 8).

В отечественной историографии до середины 1980-х гг. данная тема была представлена в основном научными статьями, которые, по обстоятельствам времени, «сглаживали некоторые моменты» биографии Тарле и не всегда были подкреплены архивными документами. В зарубежной литературе до сих пор сохраняет научное значение статья известного итальянского историка Франко Вентури (1914—1994), вышедшая на следующий год после кончины академика и в дальнейшем «несколько раз переиздававшаяся» (с. 11). Первая специальная монография о Тарле была опубликована западногерманским историком Эдгаром Хёшем в 1964 году. Почти два десятилетия спустя увидела свет книга польского исследователя Станислава Вишневецкого «Евгений Тарле — историк наполеоновской эпохи» (Варшава, 1983). Однако зарубежные авторы долго не обладали возможностью широко привлекать материалы советских архивов, что, несомненно, сказалось на научном уровне их публикаций (с. 12). Как замечает Каганович, постсоветская литература, посвященная деятельности Тарле, «не слишком обширна» (с. 13).

Во введении даны основательный обзор и глубокий анализ тематической историографии. Монография основана на обширной, репрезентативной источниковой базе. Автор блестяще использует сведения многочисленных прижизненных публикаций историка, что позволило ему выявить немало работ, не включенных в прежние библиографии, а также уточ-

нить, либо пересмотреть известные и открыть новые факты его биографии. Кроме того, историком обстоятельно изучен обширный комплекс документов из архивохранилищ Санкт-Петербурга, Москвы, Тарту, Киева; в книге активно используются материалы личной переписки Тарле, а также лиц из его близкого и дальнего круга, их мемуары и дневники. Их значение немаловажно, поскольку историк не оставил личных воспоминаний. Автор анализирует печатные и многие неопубликованные научные труды Тарле.

В первой главе («Происхождение и годы учения 1874—1902»), опубликован текст метрического свидетельства, хранящегося в городском архиве Киева (с. 19—20). Данный документ по всей видимости закрывает вопрос о месте (Киев) и дате рождения Тарле (27 октября (новый стиль: 8 ноября) 1874 г.), его конфессиональной, этнической и сословной принадлежности. Довольно кратко, за неимением в распоряжении автора книги более обширных аутентичных сведений о семье историка, рассмотрен период его детства и юности в Херсоне (с. 21—26). Подробнее освещено время занятий Тарле в Киевском университете и драматичная защита 14 октября 1901 г. его магистерской диссертации «Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени», длившаяся много часов, но увенчавшаяся присуждением соискателю ученой степени, главным образом, благодаря оказанной поддержке и академическому авторитету его учителя И.В. Лучицкого.

Во второй главе рассмотрен петербургский период жизни Тарле (1903—1913). Несмотря на травмирующий опыт и ощутимые последствия для научной репутации и положения в университетском сообществе, вызванные злосчастной магистерской защитой, Тарле быстро стал «своим» среди петербургской интеллигенции 1900-х годов. В Петербурге он много преподавал в университете и других высших учебных заведениях и публиковался по научной, научно-популярной, общественно-публицистической тематике. Его лекции в актовом зале Петербургского университета в 1903—1907 гг., посвященные Французской революции, привлекали многочисленных слушателей и внимание полиции, небезоснователь-

но считавшей, что учебные занятия молодого и очень яркого лектора провоцируют оппозиционные настроения студенческой молодежи. Во время выступлений и частных бесед Тарле пленял слушателей и собеседников, по удачному определению К.И. Чуковского, «мастерством исторической живописи» (с. 59).

По своим политическим воззрениям талантливый историк и пламенный публицист «занял свое место в рядах либеральной и демократической интеллигенции, оппозиционной царизму» (с. 57), не принадлежа ни к одной из политических партий. В центре его научных интересов в эти годы — экономическая и социальная история Франции конца XVIII—XIX века. В период 1903—1914 гг. Тарле «почти ежегодно» посещал зарубежные архивы и научные центры, уделяя наибольшее внимание Парижскому Национальному архиву. Во время этих поездок наладились его профессиональные и личные отношения с виднейшими современными учеными — А. Оларом, А. Матьезом, А. Сэ, А. Озе, Ш. Шмидтом, К. Блоком и другими» (с. 59). Итогом кропотливой научной деятельности Тарле явилась блестящая защита 24 апреля 1911 г. в Петербургском университете печатного исследования «Рабочий класс во Франции в эпоху революции (1789—1799)», а затем — опубликование трудов о континентальной блокаде в Европе, закрепивших за автором «репутацию одного из крупных русских экономических историков» (с. 72).

Третья и четвертая главы книги посвящены жизни Тарле от 1914 г. и до конца 1920-х годов. В период первой мировой войны он занял оборонческую позицию, оставаясь противником самодержавия. Ученый написал несколько статей, посвященных международной обстановке накануне войны, выдержанных «в антантофильском духе» (с. 80). Однако «антигерманизм» Тарле не был воинствующим: профессор не поставил свою подпись под известной декларацией «Ответ германским ученым», подписанной М.М. Богословским, Р.Ю. Виппером, Э.Д. Гриммом, С.А. Жебелевым, Ф.Ф. Зелинским, Л.П. Карсавиным и др.

Февральскую революцию Тарле встретил с воодушевлением. Историка захватила общественная и политическая жизнь. По поручению А.Ф. Керенского и П.Н. Милюкова, с которыми «он был давно и хорошо знаком» (с. 85),

Тарле посетил в мае-июне 1917 г. Стокгольм, где обсуждал вопрос о Финляндии с видными политическими деятелями, летом присутствовал на допросах бывших царских сановников, состоя в редакционной комиссии Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию преступлений царского режима. После Февральской революции Тарле даже несколько усилил свою оборонческую и антигерманскую точку зрения. Он выступил в печати против территориального распада России и политики большевиков. В 1918 г. историк занимал выжидательную политическую позицию и редко издавал публицистические статьи. Летом 1918 г. он выслал прошение об отставке в Воронеж, куда эвакуировался Юрьевский университет, в котором он профессорствовал с 1913 г., вернулся в Петроград и осенью был избран профессором по кафедре всеобщей истории Петроградского университета.

В годы гражданской войны Тарле погрузился в научные занятия и сблизился с видными петроградскими историками, группировавшимися вокруг С.Ф. Платонова, с которым он прежде резко расходился по политическим взглядам. По представлению византиниста Ф.И. Успенского и Платонова, Тарле в 1921 г. был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. Год спустя под редакцией Тарле и Успенского стал печататься журнал по всеобщей истории «Анналы» (1922—1924), в котором, наряду с самими редакторами журнала, публиковались Н.И. Кареев, И.М. Гревс, Ф.Ф. Зелинский, О.А. Добиаш-Рожественская, А.Е. Пресняков, А.Н. Савин, С.А. Жебелев, Б.А. Романов, А.Н. Шебунин, Г.П. Федотов, В.В. Струве, А.И. Хоментовская. По удачному афористичному выражению автора, этот журнал выглядит «ныне чем-то вроде блистательного смотра русской исторической науки накануне ее разгрома “покровщиной”» (с. 100).

С 1924 и до конца 1929 г. Тарле продолжал свои регулярные академические поездки, в основном во Францию. Опираясь на данные архивных и опубликованных источников, Каганович дает яркую картину широких зарубежных научных контактов своего героя и российского ученого сообщества в 1920-е годы. Проведя свою кампанию «быстро и блиста-

тельно», 7 мая 1927 г. Тарле был избран академиком Российской Академии наук. В это время он стремился установить доброжелательные отношения с виднейшим большевистским историком Д.Б. Рязановым, а также с «организатором марксистской историографии в СССР» М.Н. Покровским.

Интересно, что Тарле был одним из «мэтров» «Кружка молодых историков», «собиравшегося в Доме ученых и на квартирах участников» (с. 115). Этими участниками были Романов, Шебунин, С.И. Тхоржевский, А.А. Введенский, П.А. Садиков, Е.Н. Петров, М.К. Гринвальд, Платонова, Н.С. Штакельберг, А.Н. Насонов и др. В 1927 г. увидела свет монография Тарле «Европа в эпоху империализма. 1871—1919», которая, по мнению Вяч. Вс. Иванова, является «лучшей в литературном отношении книгой плодovitого ученого» (с. 127).

Пятая глава рецензируемой монографии посвящена трудному периоду жизни Тарле в 1930—1932 гг., связанному с тюремным заключением в рамках «расследования», сфабрикованного ОГПУ так называемого «Академического дела», его ссылкой в Алма-Ату и возвращением в Москву. Опираясь на документы и проявляя подобающий такт, автор рассказывает о поведении Тарле и других ученых, проходивших по «Академическому делу». «В делах такого рода всегда виноваты палачи, а не жертвы, — это, как нам кажется, должно быть аксиомой», — пишет Каганович (с. 131). Автор полагает, что отказ власти от проведения большого политического процесса по делу «Всенародного союза» был продиктован решением сохранить Академию наук, «приспособив к советской системе», а возможно и опасением ухудшения внешнеполитических отношений с Францией и другими странами, лидеры которых были бы публично и бездоказательно обвинены в поддержке «антисоветского заговора» (с. 137).

Проведя скрупулезный анализ имевшихся в его распоряжении источников, автор опровергает до сих пор распространенное в литературе объяснение освобождения Тарле из ссылки в Алма-Ате непосредственным вмешательством французского государственного деятеля и историка Эдуарда Эррио (с. 166—169). Каганович приходит к убедительному выводу, что эта заслуга прежде всего при-

надлежит Надежде Осеевне Штейнберг-Щупак (1886—1941), ученому-санскритологу и высокоморальному человеку, письма которой к Тарле, «полны ума, юмора, тонких наблюдений — и горячей, всепоглощающей любви» (с. 164, 166). Именно Н.О. Щупак мобилизовала французскую профессуру на поддержку арестованных по «Академическому делу» русских историков и прежде всего — профессора Тарле. В результате личного участия, под давлением цвета французской левой профессуры, Р. Роллана и — благодаря ему — М. Горького, «вопросы» по Тарле в начале августа 1932 г. были «разрешены положительно», а 26 августа опальный, но не покинутый своими замечательными друзьями и коллегами историк, был вызван в Москву телеграммой Е.П. Пешковой (с. 169—170).

Шестая глава книги освещает период жизни историка с 1933 по 1941 год. Главными задачами ученого после возвращения из ссылки стали реабилитация и восстановление в Академии наук. После выхода известного постановления в 1934 г. Тарле получил возможность вернуться к преподавательской, научной и экспертной деятельности. Перелом в судьбе историка наступил после публикации в начале лета 1936 г. его книги «Наполеон», которая «сразу же имела огромный успех» и была последней книгой, «которую читал перед смертью М. Горький» (с. 186). Постановлением Президиума ВЦИК от 17 марта 1937 г. с Тарле была снята судимость, однако до конца жизни не была осуществлена его реабилитация; в том же году он был назначен старшим научным сотрудником Института истории АН СССР по Ленинградскому отделению. Об изменении официального статуса и определенном личном триумфе признанного ученого свидетельствовало его восстановление 29 сентября 1938 г. «в правах действительного члена АН СССР» (с. 188).

Перед историком открылись возможности много публиковаться. По точному наблюдению Ф. Вентури, «подлинной темой Тарле является теперь не революция, а борьба между государствами» (с. 185). Вскоре увидели свет еще два научных шедевра выдающегося историка: «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год» (М. 1938) и «Талейран» (М. 1939). Автор дает взвешенную общую характеристи-

ку историографического и общественного значения каждой из трех книг, ставших научно-историческими бестселлерами; объясняет причины ряда заметных редакционных изменений в их последующих изданиях; приводит сводку их иностранных переводов. Можно согласиться с Кагановичем, что книга Тарле «Нашествие Наполеона на Россию» «по сей день остается лучшим общим очерком войны 1812 г.» (с. 215). «Золотой порой» в научной биографии Тарле, несомненно, являются 1920—1930-е годы.

В седьмой и восьмой главах рассматривается деятельность Тарле в период Великой Отечественной войны и на протяжении последнего десятилетия жизни. Каганович касается вопросов публицистической деятельности историка в годы войны, его работы в Комиссии при Наркомате иностранных дел СССР под председательством М.М. Литвинова, так как — это «до сих пор единственный документированный факт участия Тарле в реальной внешнеполитической работе» (с. 237). Рассмотрено участие академика в совещании историков в ЦК ВКП (б) в 1944 г. (с. 258—263). Автор обоснованно солидаризуется с точкой зрения Вентури на книгу Тарле «Крымская война», оставляющую «впечатление... сухости и холода», и называет последние 10—15 лет жизни академика «периодом упадка большого таланта в удушающей атмосфере сталинского режима» (с. 251).

Заключительная глава книги, представляет собой опыт психологической характеристики Тарле. Заслуживает внимания наблюдение автора, что в послевоенный период «очень многое из того, что Тарле говорил и писал в эти годы близким людям, столь разительно отличается от того, что он говорил и писал публично, что создается впечатление “как бы двойного бытия” (пользуясь выражением Тютчева), “жизни в двух планах”» (с. 321).

Книга изобилует выразительными примерами остроумия и блестящего юмора героя биографии. Будучи официальным оппонентом на защите 6 февраля 1940 г. докторской диссертации А.И. Молока «Июльская революция 1830 г. во Франции», академик Тарле, выступив за присуждение соискателю ученой степени, иронично заметил: «Одним из главных недостатков этой работы являются ее размеры... Не думайте, что я очень горько нападаю

на большие размеры работы, ничего особенно вредного здесь нет, и автомобиль, который был послан за мной, без особого труда поднял и Вашу диссертацию» (с. 227).

Автор склонен классифицировать своего героя как блестящего «историка-исследователя», а также «историка-художника», но не «историка-мыслителя», имевшего возможность «интуитивно улавливать многие важные моменты и помимо всяких теорий» (с. 333). Тарле в первую очередь интересовала не история процессов, а история событий и людей. В данном обстоятельстве заключается разгадка причин отсутствия у него научной школы, поскольку «научить можно методу, уму и таланту научить нельзя» (с. 333). Автор приводит пример историка-мыслителя «большого формата» среди современников Тарле в лице А.Е. Преснякова (с. 333). Политическое мировоззрение Тарле определено автором как «либеральный империализм» (с. 335). Характеризуя внутреннее отношение Тарле к марксизму, автор удачно цитирует немецкого историка Э. Хёша: «“Классовый враг” и “псевдомарксист” Тарле умер в 1955 г., восхваляемый в печати как марксист, хотя в это время он стоял гораздо дальше от марксистского исторического учения, чем в пору своего рокового столкновения с Покровским» (с. 333).

Автор владеет прекрасным литературным стилем. Книга насыщена ценным фактическим и библиографическим материалом, который привлечет внимание исследователей. Читатели смогут оценить многочисленные, поистине академические, постраничные примечания к тексту монографии, содержащие ссылки на используемые источники, литературу, обстоятельные научные комментарии. Каганович прекрасно ориентируется как в отечественной, так и в зарубежной специальной литературе, широко использует качественно переведенные на русский язык сведения, а нередко и обширные цитаты из источников на иностранных языках. Композиция и структура книги соотнесены прежде всего с внутренним содержанием научной деятельности историка. По этой причине первые три главы охватывают дореволюционный период жизни академика, а следующие шесть, главным образом, советский. Использование автором многочисленных цитат из документов (а нередко — полного тек-

ста источника) позволяет ощутить особый колорит различных периодов долгой и незаурядной жизни ученого, совпавшей по времени с различными эпохами отечественной истории и культуры. Возможно, следовало включить в состав монографии сводный, систематизированный библиографический список и увеличить ее иллюстративный материал. Вызывает сожаление мягкий клеевой переплет и небольшой тираж (600 экз.) ценного научного издания. Однако последние замечания в большей мере относятся к издателям книги, и, вероятно, могут быть устранены в ее новом издании. Каганович, опираясь на сведения автобиографической статьи Тарле об учебе в Херсонской гимназии, отмечает, что историей его герой «увлекся в третьем классе гимназии», вначале зачитываясь сочинениями Маколея, Костомарова, а затем «Историей России» С.М. Соловьёва, ставшего постепенно его «идеалом» (с. 22—23). Известно, что Соловьёв «до тринадцати лет» прочел «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина «не менее двенадцати раз»². Не умаляя роли раннего чтения классических исторических сочинений, хотелось бы поставить следующую исследовательскую проблему: было ли какое-либо иное событие в биографии Тарле, существенно повлиявшее на его самоопределение в качестве будущего историка?

Монография Кагановича вносит значительный вклад в научное изучение биографии ученого и, по нашему мнению, представляет собой удачный опыт изучения общественной истории через исследование личной биографии. Она будет интересна специалистам-историкам, науковедом, библиографам, литераторам и всем интересующимся отечественной историей и жизнью выдающегося российского историка Евгения Викторовича Тарле.

Е.В. КУНЦ

Примечания

1. Цит. по: ПЕТРОВСКАЯ И.Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников библиографических сведений о деятелях России 1801—1917 годов. СПб. 2010, с. 30.
2. Цит. по: СОЛОВЬЁВ С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Избранные труды. Записки. М. 1983, с. 231.

Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921—1953 гг.
В 2-х кн. Минск. Беларуская навука. 2014.
Кн. 1. 592 с.; кн. 2. 335 с., илл.

Прошло почти три года как Институт истории Национальной академии наук Беларуси издал фундаментальный двухтомный труд о Рижском договоре, принятом весной 1921 г., и его значении для Беларуси. Однако в историческом сообществе большого резонанса данная работа до сих пор не получила. При том, что фундаментальность и научность издания очевидны и бесспорны (хотя сами авторы дали ему в аннотации очень скромное и явно несоответствующее глубокому содержанию название — «историко-документальный очерк»). Издание адресовано профессиональным историкам, студентам и всем, кто интересуется историей Беларуси. Конечно, академическому изданию с тиражом всего в 500 экземпляров трудно дойти до обычного читателя.

Главное, чем отличаются два рецензируемых тома — удачным соединением взвешенной аналитики и документальными приложениями по каждому из разделов. Большим достоинством можно считать и многочисленные качественные фотографии в каждом разделе.

В первой книге освещены вопросы польско-советской войны, социально-экономического, общественно-политического и духовно-культурного положения в западно-белорусских регионах, оккупированных Польшей. «Оккупанты» вводили польский язык, закрывали белорусские и русские школы, вытесняли правослаvie. Причем делалось это как до, так и после заключения Рижского мирного договора 18 марта 1921 г., который оценивается авторами как «антибелорусский по сути» (с. 8). Договор позволил Польше проводить политику «полонизации белорусского населения», «ополячивания белорусов».

Во второй книге, охватывающей период с 1939 по 1953 г., рассматриваются процессы, которые, по мнению авторов, стали следствием заключения Рижского мирного договора: воссоединение Западной Белоруссии с БССР, борьба с польскими антисоветскими организациями и отрядами вплоть до 1953 года. В этой части звучит тезис о неприемлемости априори только негативной оценки пакта Риббентропа — Молотова.

В самом начале книги речь идет о предыстории польско-советской войны. В августе 1918 г. молодое советское правительство специальным декретом предоставило Польше «неотъемлемое право на самостоятельность и единство». Однако уже в ноябре того же года началась интенсивная подготовка к захвату белорусских, литовских и украинских земель, принадлежавших Польше до разделов Речи Посполитой. Используя помощь США (оружия на 60 млн долл. и продуктов питания на 51,6 млн долл.) и Франции, Польша за короткий срок смогла создать армию численностью 545 тыс. человек (с. 107). В ноябре 1918 г. польские войска уже начали занимать те белорусские земли, откуда выводились германские войска. В ответ движение на Запад начала и Красная армия. 10 декабря красноармейцы вошли в Минск, 5 января 1919 г. — в Вильно.

1 января 1919 г. в Смоленске было провозглашено создание БССР, Временное правительство которой 8 января переехало в Минск. Территориально БССР состояла из двух губерний: Минской и Гродненской. Остальные восточные территории вошли в состав РСФСР.

В начале февраля 1919 г. польские войска начали продвижение на восток и вскоре столкнулись с частями Красной армии. Первое сражение произошло 14 февраля 1919 г. возле Березы-Картузской: «Так началась Польско-советская война, на два года охватившая большую часть Беларуси» (с. 109). В это время Западный фронт являлся для советской России второстепенным; основные силы противостояли армиям Колчака и Деникина. 8 августа 1919 г. советские войска покинули Минск. Большая часть белорусских земель оказались «под польской оккупацией» (с. 116).

18—19 сентября Ю. Пилсудский посетил Минск, где выступил с речью на белорусском языке, обещая решить «белорусский вопрос». В итоге многие руководители Белорусской Народной Республики пошли на сотрудничество с поляками (с. 117).

В декабре 1919 г. советская сторона предложила начать мирные переговоры, но Польша это предложение отклонила. Страна активно

готовилась к серьезной войне с Россией, получая поддержку со стороны стран Антанты и США. В издании приводятся такие архивные данные. Только в первой половине 1920 г. США передали Польше 20 тыс. пулеметов, свыше 200 танков и бронемашин, более 300 самолетов, 3 млн комплектов солдатского обмундирования, оборудование для полевых телеграфов и телефонной связи. Англия предоставила 58 тыс. винтовок и около 60 млн патронов. Основную заботу по подготовке и обучению польских войск взяла на себя Франция. В 1919 г. в Польшу была переброшена созданная на территории Франции 70-тысячная польская армия под командованием генерала Ю. Галера. Франция послала в Польшу своих инструкторов. Только в период с 1 января по 1 июля 1920 г. из Франции в Польшу прибыло 84 поезда с военным имуществом (с. 122).

К апрелю 1920 г. польские вооруженные силы насчитывали 738 тыс. солдат и офицеров. 25 апреля войска перешли в наступление на широком фронте и 6 мая заняли Киев. Начался второй этап польско-советской войны. К этому времени в России завершились военные кампании против Колчака и Деникина. Войска Красной армии перешли в контрнаступление и 11 июля освободили Минск, а 19 июля — Гродно. К августу 1920 г. была освобождена вся Беларусь. 11 августа началась битва за Варшаву.

Авторы не уходят от «болевых точек» российско-белорусских отношений и показывают весь механизм недопущения к переговорному процессу белорусской стороны в лице руководства БНР. Приводится текст телеграммы Г. Чичерина члену реввоенсовета Западного фронта И. Смилге в Минск от 14 сентября 1920 г.: «Так называемое правительство Ластовского в Риге зашевелилось, посылает ноты, требует участия в переговорах. Поэтому ускорьте приезд представителей Белорусского Советского ревкома. Это крайне важно, надо противопоставить Советскую Белоруссию поползновениям Ластовского» (с. 161). Руководство БНР советское правительство считало агентами, «подкупленными поляками» (с. 164). Российская дипломатия не была заинтересована в присутствии Беларуси на мирных переговорах по той причине, что это «ослабляло бы ее переговорные позиции и лишало маневра» (с. 188).

Авторы издания крайне негативно оценивают неучастие Беларуси в Рижских переговорах, называя будущие закулисные решения не иначе как «открытым, циничным разделом» Беларуси между Польшей и РСФСР (с. 162), хотя одновременно и отмечают, что 16 сентября 1920 г. на заседании ВРК БССР был дан мандат А. Червякову на ведение переговоров в Риге с полномочиями заключать с польской мирной делегацией любые договоры относительно мира, установления границ и торговых отношений между БССР и Польшей (с. 164). Однако польская сторона выступила против допущения представителей советской Беларуси к мирным переговорам, не признала легитимности Белорусского советского государства, а также мандат Червякова. Польша согласилась на самостоятельное участие в переговорах УССР, но БССР в этом праве отказала (с. 166). Не считали Червякова законным представителем Беларуси и лидеры БНР во главе с Ластовским.

18 марта 1921 г. был подписан Рижский мирный договор между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей — с другой. По договору Польше отходили белорусские земли площадью 98 815 кв. километров с населением 3 171 627 человек. За БССР оставались только 6 поватов Минской губернии (Минский, Борисовский, Бобруйский, Игуменский, Мозырский и Слуцкий) с территорией 52,4 тыс. кв. километров и населением 1544 тыс. человек. Республика занимала лишь шестую часть этнической территории Беларуси. В начале 1920-х гг. белорусские земли входили в состав всех пяти соседних с БССР государств: РСФСР, Польши, Литвы, Латвии и Украины. Границы, пишут авторы, цитируя белорусского географа А. Смолича, были проведены «по живому телу Беларуси» (с. 186).

В преамбуле договора отмечалось, что правительство РСФСР подписывает его «за себя и по уполномочию Белорусской Советской Социалистической Республики». Ст. 2 договора гласила, что стороны признают независимость Украины и Беларуси. То есть они признавались де-юре. Согласно ст. 7 договора Польша обязывалась предоставить русским, белорусам и украинцам, которые находились на ее территории, все права для свободного развития культуры, языка и осуществления религиозных обрядов (с. 186).

Как следует из названий четвертого и пятого разделов первого тома, началась эпоха польской оккупации Западной Беларуси, вопреки принятой в Польше 17 марта 1921 г. одной из самых демократических конституций в мире, содержавшей гарантии прав национальных меньшинств и их свободного развития. На практике все оказалось иначе. За межвоенный период «была фактически ликвидирована школа на белорусском языке, а власти взяли курс на полонизацию белорусского населения» (с. 335). После майского 1926 г. военного переворота в Польше политика «санации» добавила с 1930 г. еще и политические репрессии. На территории Западной Беларуси прошли 456 коллективных политических процесса (с. 340).

Уже по новой конституции 1935 г. Министерство внутренних дел Польши подготовило проект ускоренной национальной ассимиляции белорусов. В соответствии с ним, в 1936 г. началась ликвидация всех белорусских организаций. Позиция польских властей по отношению к белорусскому населению хорошо иллюстрируется заявлением белостокского воеводы Г. Осташевского в июне 1939 г.: «Мы желаем одного и настойчиво требуем, чтобы это национальное меньшинство думало по-польски. Ничего взамен не давать и ничего не делать в другом направлении. Теперь еще можно белорусов ассимилировать в единое русло польской культуры... Рано или поздно белорусское население будет полонизировано» (с. 360).

Вторая книга начинается характеристикой международных отношений накануне второй мировой войны. Здесь особо следует остановиться на оценках пакта Риббентропа-Молотова 1939 года. Приведем цитату: «Германо-советский договор стал значительным дипломатическим и политическим актом, который завершал фазу предвоенного кризиса, причем являлся результатом кризиса, а не его причиной. Он не представлял собой ничего экстраординарного с точки зрения политической практики и морали того времени, особенно если его сравнить с Мюнхенским пактом 1938 г.» (с. 7).

Согласие на подписание пакта Риббентропа-Молотова стало, в оценке авторов, «вынужденным шагом И. Сталина, стремившегося переиграть А. Гитлера в условиях, когда Франция и Великобритания открыто тянули с заключением антигитлеровского соглашения с

Советским Союзом, одновременно поощряя восточноевропейские аппетиты А. Гитлера» (с. 8).

«На наш взгляд, — читаем в издании, — нельзя концентрировать внимание только на отрицательных моментах германо-советского договора. Реализация этого договора позволила не только осуществить воссоединение белорусского народа, укрепить территориальную целостность БССР, но и восстановить историческую справедливость, ликвидировать национальное унижение белорусов» (с. 8).

Наступление советских войск 17 сентября 1939 г. авторы называют «освободительным походом Красной Армии в западную часть Беларуси» (с. 9), а большинство белорусского населения края воспринимало события «как акт исторической справедливости, встречая Красную Армию как избавительницу от национального гнета цветами и хлебом-солью» (с. 15).

В ноябре 1939 г. западные земли Беларуси вошли в состав СССР: 100 тыс. квадратных километров с населением 4,7 млн человек (с. 29). И этот исторический акт, как отмечают авторы, «соответствовал интересам большинства населения края, предотвратил угрозу полонизации и ассимиляции белорусов, способствовал консолидации белорусской нации» (с. 46).

Вопрос о восточных границах Польши решила Ялтинская конференция (4—11 февраля 1945 г.) (с. 244), а договор о границе между СССР и Польшей был подписан 16 августа 1945 года. Но не всех поляков это устроило. Началась деятельность польского антисоветского подполья, ликвидация которого завершилась лишь в 1953 г., что в итоге также «способствовало стабилизации внутривнутриполитической ситуации и укреплению белорусской советской государственности» (с. 303).

Подобные оценки событий и последствий польско-советской войны и Рижского мирного договора 1921 г., детально представленные в солидном академическом издании, никак не вписываются в устоявшуюся в зарубежной историографии трактовку указанных событий как «советский захват польской Западной Украины и Западной Белоруссии».

Е. В. КОДИН

От редакции. Написание названий в рецензии дано в соответствии с версией автора.

Contents

Articles: **A.A. Kokoshin.** «ABM Factor» in the relations between the USSR and the USA in the 1970s. Historical profiles: **A.N. Nesterenko.** Prince Mstislav Mstislavich Toropetskiy (Udatny). Contributions: **M.S. Cherkasova.** The marriage and the family in Moscovite Russia (XVI—XVII centuries); **S.Yu. Kargapoltsev, I.Yu. Lapina.** Results of military activities and analysis of losses of the Zemsky militia in 1812—1814; **E.I. Maletto.** Ferraro-Florentiysky cathedral 1438—1439 and the Grand duchy Moscow. History and fates: **A.A. Zdanovich.** British naval intelligence in Petrograd in 1918. People. Events. Facts: **V.V. Mironov.** The search for deserters in Austria-Hungary during the First World War; **V.N. Nazarov.** The develop of the Baltic railways system in September 1939 — June 1941; **Sh.A. Magaramov.** Derbent in the Caspian sea trade; **S.D. Ismailzade.** Political and military activities of the Kipchaks in the South Caucasus in XI—XIII centuries. From history of religions: **I.K. Sulaev.** Political repressions against the Muslim clergy in Soviet Dagestan Republic (1920—1930s); **A.V. Skutnev.** Ideals and installation of the clergy in the XIX — early XX century. Historiography: **I.B. Belova.** The main problems of Russian refugee 1915—1925 in domestic and foreign historiography; **A.E. Nazarli.** Actions of the XI Red Army in Northern Azerbaijan in Azerbaijan historiography. **Reviews on books:** **B.S. Kaganovich.** Evgueny Viktorovich Tarle. Historian and Time (by E.V. Kunts); Riga's peace in the fate of the Belarusian people. 1921—1953 (by E.V. Kodin).

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова,
В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 11, 2017

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Долгоруковская улица, дом 23А, строение 1, офис 211. Москва, 127006.

Телефоны: (499) 978-20-82, (499) 978-61-03. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.10.2017. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 3936-2017. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2018 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**